

НИКОЛАЙ КИКЕШЕВ

**ВСТАНЬ
И ИДИ**

АФГАНСКАЯ
ЭПОПЕЯ

Николай Кикешев

Встань и иди

«Издательские решения»

Кикешев Н.

Встань и иди / Н. Кикешев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513863-7

В основу военно-исторического романа-трилогии «Встань и иди» легли события Афганской войны. Его главные герои генерал армии В. И. Варенников, генерал-полковник Б. В. Громов стали героями Советского Союза, внесены в список «100 великих полководцев», приумноживших военную славу России. Через судьбы спецназовцев: комбрига В. Бабушкина, комбата Г. Бокова, лейтенанта О. Якуты и других офицеров, показаны трудности и невзгоды афганской эпопеи. Роман способствует воспитанию патриотизма.

ISBN 978-5-00-513863-7

© Кикешев Н.
© Издательские решения

Содержание

Слово к читателям	6
Книга первая	13
АФГАНСКИЙ КАПКАН	13
Часть первая	14
ГОЛОВОЛОМКА ДЛЯ ПОЛИТБЮРО	14
Глава 1. ГЕРАТСКИЕ ВОЛНЕНИЯ	15
Глава 2. АФГАНСКАЯ АРИФМЕТИКА	20
Глава 3. ВВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК НЕ БУДЕТ!	24
Глава 4. «МУСУЛЬМАНСКИЙ» БАТАЛЬОН	30
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» ОСОБАЯ ПАПКА	33
Глава 5. ГЕНЕРАЛ ВАРЕННИКОВ	35
Глава 6. УБИЙСТВО ТАРАКИ	46
Часть вторая	58
ЖАРКИЙ ДЕКАБРЬ	59
Глава 7. ТАЙНА ОРЕХОВОЙ КОМНАТЫ	60
Глава 8. БАГРАМСКИЙ ПЛАЦДАРМ	63
Глава 9. МОМЕНТ ИСТИНЫ	67
Глава 10. РЕШЕНИЕ НА ШТУРМ	75
Глава 11. УБИТЬ АМИНА!	80
Глава 12. СТЫЧКА С УСТИНОВЫМ	89
Глава 13. МЯТЕЖ В КАБУЛЕ	93
Глава 14. ПЕРВАЯ КУНАРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	97
Часть третья	105
МУШАВЕРЫ КУНАРА	105
Глава 15. СОВЕТНИК ИВАН ДУГИН	106
Глава 16. ГЭС «ОБГОРДОН»	118
Глава 17. ПРИСЯГА ДЛЯ САРБОЗОВ	124
Глава 18. БОЙ ПОД НАРАНГОМ	128
Книга вторая: ПОД ПУЛЯМИ НЕ ЛГУТ	133
Часть первая «ЖАЖДА ВЫЖИТЬ»	134
Глава 1. ЗАСАДА У НАРАНГА	135
Глава 2. «ТРУПОДЕЛ»	146
Глава 3. БОЛЬ ОТЧУЖДЕНИЯ	154
Глава 4. РЕАБИЛИТАЦИЯ	159
Глава 5. ДРУЗЬЯ—СОПЕРНИКИ	164
Глава 6. ОПЕРАЦИЯ «ШАРП»	169
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Встань и иди

Николай Кикешев

© Николай Кикешев, 2020

ISBN 978-5-0051-3863-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово к читателям

Герой Советского Союза генерал-полковник Б. В. ГРОМОВ, Командующий 40-й Армией (1987—1989 гг.), депутат Госдумы ФС РФ, Председатель Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое Братство», Председатель Комитета по координации совместной деятельности ветеранских объединений.

Ежегодно 15 февраля мы отмечаем годовщину вывода советских войск из Афганистана. Во всех больших и малых городах бывшего Советского Союза возведены памятники погибшим на афганской земле, растет и ширится общественное движение воинов «афганцев», свидетельствующее, что их примеры мужества и массового героизма живут и будут жить в народной памяти.

Возвращает нас к временам Афганской войны и роман Николая Кикешева «Встань и иди». Коротко напомним описанные в нем основные события афганской эпопеи. 27—

28 апреля 1978 года группа офицеров – членов Народно-демократической партии Афганистана и организации Объединенный фронт коммунистов Афганистана совершили военный переворот, который вошел в историю как Саурская революция. Президент страны М. Дауд был убит при штурме резиденции. Началось ускоренное революционное развитие страны, межфракционная борьба в НДПА за власть. 1 июля 1978 г. лидер фракции «Парчам» Бабрак Кармаль был отстранён от занимаемой должности и отправлен послом в Чехословакию, его сподвижники – по другим странам. В сентябре 1979 года начинается противостояние Нур Мухаммеда Тараки и его заместителя – Хафизуллы Амина, лидера фракции «Хальк». Решением пленума ЦК НДПА власть перешла к Амину, по приказу которого 2 октября 1979 года Тараки был убит. Члены Политбюро ЦК КПСС, поначалу категорически отказывавшиеся от ввода войск в Афганистан, пересмотрели свою позицию, и в ДРА вошла 40-я Армия. 27 декабря 1979 года Амин убит советскими спецназовцами и к власти пришёл Бабрак Кармаль со своими сторонниками-парчамистами. Во многих провинциях вспыхнули восстания, к подавлению которых начали привлекать и советские войска.

На поддержку оппозиции американское правительство, ФРГ, Япония, Саудовская Аравия, международные организации, контролируемые Вашингтоном, ежегодно тратили около миллиарда долларов. На эти средства было создано 150 учебных центров, в которых ежегодно готовились 50 тыс. душманов. Пакистан, Китай передали мятежникам огромное количество современного оружия и техники, боевого снаряжения. Мятежные отряды засылались через границы для совершения диверсий. Контрреволюционеры разрушили и сожгли 39 госпредприятий, 250 мечетей и молитвенных домов, 2707 школ, 130 медучреждений.

После продолжительного участия 40-й Армии в Афганской войне, в 1989 году руководство СССР приняло решение о выводе войск и прекращении военной и экономической помощи правительству ДРА. В Кабуле осталась небольшая группа советников во главе с генерал-полковником Махмудом Ахметовичем Гареевым, которые до 1992 г. делали все, что могли, чтобы поддерживать боеспособность вооруженных сил Афганистана. И не безуспешно. Правительственные войска контролировали 26 из 28 провинций, 114 из 187 уездных центров. В течение 1990 года они отразили несколько наступлений моджахедов, в том числе штурм Джелалабада, Хоста и Кабула. Однако, оказавшись в международной изоляции, правительство Афганистана не смогло справиться с напором оппозиционных сил и в первой половине 1991 года контролировало всего 10% территории страны. 18 апреля 1992 года вице-президент Абдул Рахим Хатеф стал президентом страны и 28 апреля передал власть вступившим в Кабул моджахедам, которые провозгласили Афганистан исламским государством.

Роман-трилогия «Встань и иди» выдержал уже седьмое издание. Его первый еще журнальный вариант размножали на ксероксе. От издания к изданию он дополнялся новыми главами и героями. Сюжет романа глубоко трогает читательские сердца своей правдивостью и простотой, непредвзятым освещением такого важного и спорного периода в истории нашей страны и армии, как Афганская война. Почти все критики обращают внимание на странную и печальную особенность современной прозы об её участниках. Вроде, воюют не живые люди, а какие-то биороботы, которым неведомы человеческие отношения. Заметна уж слишком прямая и непосредственная зависимость поведения литературных героев от тех идей и представлений, которые в данный момент господствуют в общественном мнении. Был период, когда поливали армию грязью, так в иных произведениях весь сюжет замешан на «чернухе», вроде нет и не было в армейской жизни никакого просвета.

В соответствии с основными этапами событий в Афганистане строится и повествование романа. Первая книга «Афганский капкан» освещает скрытые механизмы борьбы между членами Политбюро ЦК КПСС, начальником Генштаба и министром обороны по вопросу ввода войск в Афганистан, штурм спецназовцами дворца Амина и начало боевых действий 40-й Армии. Большую помощь в развертывании борьбы с душманами, развитии народного хозяй-

ства страны оказывал советнический аппарат, в том числе по линии Министерства внутренних дел.

Вторая книга «Под пулями не лгут» описывает апогей Афганской войны (1984—1986 гг.), действия наиболее активных ее участников – батальонов спецназа, вертолетчиков. Автор раскрывает их поступки и характеры в экстремальной обстановке, взаимоотношения между командирами и политработниками.

Третья книга «Охотники за «духами» показывает всю бесперспективность затеянного строительства социализма в феодальной стране, раздробленной политическими и религиозными противоречиями. По меткому выражению начальника Генштаба маршала С. Ф. Ахромеева в Афганистане не было ни пяди земли, где бы ни ступала нога советского солдата, но закрепить военный успех 40-й Армии организационными и политическими мерами кабульскому правительству не удавалось. Только в провинции Кунар, где разворачиваются основные события романа, с 1980 по 1985 годы было проведено пять армейских операций, но проходило время и оппозиционеры возвращались, восстанавливали свое влияние на местное население. Причиной тому не только близость пакистанской границы и обилие лагерей, где оппозиция готовила пополнение, но и просчеты кабульского правительства, которое не имело и не искало опоры у горцев. Здесь властвовали Гульбеддин Хекматияр, лидеры других исламских партий, промаоистских группировок.

Главный герой романа – Герой Советского Союза генерал армии В. И. Варенников – участник Великой Отечественной войны, один из видных военачальников, входивший в комиссию ЦК КПСС по Афганистану. Волею судьбы он был свидетелем зарождения Афганской войны, непосредственно руководил многими армейскими операциями, решал вопросы взаимодействия советских и афганских войск в должности начальника Оперативной группы Министерства обороны Советского Союза. Мне часто приходилось обращаться к Валентину Ивановичу за советом. Он был примером для нас, учил грамотно воевать, беречь людей, заботиться о солдате. И эти черты характера автору удалось отразить в книге через встречи и беседы Варенникова с генералами и офицерами, его дела и поступки.

В романе тесно переплетены судьбы людей разных поколений, как известных стране, так и безвестных трудяг армии. И все же нравственным стержнем сюжета является поучительная во всех отношениях жизнь и судьба командира батальона спецназа Григория Бокова. Ему автор с самого детства предопределил трудную борьбу за жизнь, в результате которой ребенок, не способный удержать в руках целлулоидную игрушку, становится человеком с железными мышцами и негибимой волей. Думаю, что его пример может быть и другим наукой.

В начале второй книги романа есть определенная аналогия с рассказом Джека Лондона «Любовь к жизни». Но если главный герой рассказа вызывает у пассажиров корабля снисходительные улыбки своим стремлением накопить побольше сухарей, то перенесшего тепловой удар и чудом спасшегося Бокова комбат Зубов посылает впереди разведдозора искать пропавших солдат. Значит, для того, чтобы послать человека на смерть, что-то должно быть дороже и выше, чем твоя жизнь. Автор подчеркнул эту особенность спецназовцев: выше и дороже своей жизни они ценили жизни своих товарищей, людей, которых призваны защищать. Этот рыцарский дух, отраженный в пословице «Сам погибай, а товарища выручай!», движет поступками многих героев. Самым страшным обвинением Боков считал подозрение, что он может бросить в бою подчиненных. Эту боль он пронес через все три года пребывания на войне. Поставленный в трудные условия – жить и действовать в душманском окружении, Боков не только заслужил славу Григория «Кунарского», но и прослыл «труподелом», хотя делал все возможное, чтобы жертв было меньше. И это обвинение, брошенное в горячке товарищем по оружию, больно жгло душу.

Отношение Бокова к Афганской войне неоднозначно и меняется по ходу соприкосновения с ее реалиями. Он едет в Афганистан добровольно, надеясь, что апрельская революция

принесет народу счастье и процветание. Как воин-интернационалист, он стремится помочь афганцам защищаться от исламских фундаменталистов и американских империалистов, как твердила советская пропаганда. Но вскоре убеждается, что плодами восстания молодых афганских офицеров воспользовались честолюбцы, для которых благо народа – больше декларация, нежели реальность. Потому зерна добра, посеянные на чужую неухоженную почву, не смогли дать обильный урожай.

Сквозь весь роман красной нитью сюжетной ткани проходит затяжной конфликт, причиной которого являются поступки Бокова. Начинается он стычкой с комбатом Зубовым после первого неудачного боевого выхода и заканчивается обвинением в геноциде после его последнего боя в кишлаке Алишанг. Взаимоотношения комбата с начальством стали скрытой пружиной, которая движет читательский интерес, позволяет следить за мотивами его поступков, выявляет те нравственные нормы, которые были в цене в советскую эпоху.

Григорий Боков – советский человек, сторонник приоритета духовных ценностей над материальными. Потому он конфликтует со своим сослуживцем Сергеем Быстрым, ставящим личное выше общественного, ищущим во всем свою выгоду, теряя при этом офицерское и просто человеческое достоинство. У людей, хлебнувших лиха войны полной мерой, чувства справедливости, чести, долга обостряются до предела. Жить по совести – становится главным смыслом жизни и подчиненных Бокова.

Через образы личного состава асабадского батальона спецназначения автор подчеркнул характерную особенность Афганской войны: она притянула к себе лучшую часть офицерского корпуса. Лейтенант Якута мечтает сразиться с душманами еще со школьной скамьи и, чтобы стать профессионалом, поступает в военное училище. Он бросается в битву за истину и жаждет стать героем, сотворить подвиг. Но путь героя не всегда усыпан цветами человеческой благодарности. Чаше к нему ведут тернистые тропы, усеянные шипами неприязни.

Что еще движет поступками Бокова и других офицеров? Конечно военная карьера – наиболее ярко выраженная черта командно-административной системы, являющаяся смыслом и армейской службы. Должности, звания, награды – это те стимулы, которые наполняют жизнь определенным смыслом. Его колет самолюбие, что сверстники получают должности, награды, а он как бы остается обойденным. Боевая награда – это спасательный круг при жизненных неудачах. Они часто определяли и уровень благ, уважения в обществе и скорость продвижения по служебной лестнице. Боков не видит себя вне армейской службы и не намерен отставать от своих сверстников в этой гонке, часто с риском для жизни.

Пристальное внимание автора вызывает и поведение людей в первом бою, когда они сталкиваются с реальной опасностью, как влияет жизнь в экстремальных условиях на сознание человека, изменяет его характер. Бесспорно, этим роман интересен начинающим службу молодым лейтенантам. Образы Бокова и Якуты дают пример, какие качества делают офицера умелым командиром, за которым солдаты готовы идти на любые испытания.

Первое и самое важное качество – профессионализм, знание военного дела. Хотя война в Афганистане заставила спецназовцев выполнять не свойственные им функции, не только вести разведку, но и самим реализовывать разведданные, этот опыт может быть использован при участии в региональных конфликтах. Второе качество офицера – трудолюбие. Трудолюбивый человек рано или поздно все равно добьется успеха. Третье качество – бесстрашие. Как воздействует смелый поступок офицера на ситуацию, автор исследует в главе «Сила страха» второй книги. Особенно поучительна сцена, когда Боков снова повел еще не оправившийся после разгрома батальон в Маравары, и разгорелся ночной бой. Командир роты Марков не выдержал, закричал: «Назад! Побьют! Отходи назад!» Боков услышал этот леденящий душу крик. Больше всего он боялся паники, когда люди бегут, куда глаза глядят, и ничто их не может остановить, кроме смерти. Роту от коллективного безумия мог уберечь только решительный поступок. «Встань и иди туда!» – скомандовал себе Григорий, поднялся, преодолел

вая охлаждающую тяжесть внутри, побежал к дувалу, навстречу бросившимся наутек солдатам, подскочил к Маркову, дернул за плечо: – Чего блажишь? У тебя, что, крыша поехала? Ночью огонь «духов» слеп».

Заострил внимание на этом эпизоде потому, что он наиболее ярко оправдывает название всего романа. Как бы тебе трудно ни было – встань и иди. Тогда и твои подчиненные будут смелее и решительнее. В критических ситуациях солдаты всегда обращают свой взор на командира. Как он поступит, так и они будут действовать. Командир же преодолевает возникшую ситуацию в основном лишь силой своей воли. Он должен быть способен пойти на риск, проявлять хладнокровие перед лицом смертельной опасности, решительность. Поступать подобным образом непросто, но только при наличии таких черт характера командир способен объединить физические, умственные и психологические качества подчиненных, формировать у них бойцовский дух.

Четвертое качество – близость к подчиненным, забота о каждом из них. Командир должен убедить офицера, солдата в том, что существующий в части порядок справедлив, неизбывлем и будет поддерживаться в любой обстановке, что все будут обеспечены необходимым для выполнения боевой задачи, решительные действия будут поддержаны товарищами. Потому Боков требовал, чтобы ему, комбату, постельное белье меняли в последнюю очередь, чтобы он знал: люди после ночных бдений в горах спят на чистых простынях. И пищу ему приносили из общего котла. Этим он только поднимал свой командирский авторитет, вызывал уважение и любовь подчиненных.

Роман ценен и тем, что в нем показано тесное взаимодействие представителей разных родов войск, взаимовыручка и готовность прийти на помощь в самых трудных условиях. Вертолетчик Николай Пырин дружит с Боковым и по первому зову спешит ему на помощь, даже понимая, что ему за это «влетит» от начальства. Моральный долг выше инструкций.

В романе представлена обширная портретная галерея не только командиров, но и политработников. Главный герой третьей части первой книги политработник внутренних войск Иван Дугин едет в Афганистан советником командира отряда защитников революции. Он все-сторонне подготовлен: старается убеждать не только словом, но и делом: отлично разбирается в технике, умеет управлять огнем артиллерии, стрелять из танка. Этим он завоевал авторитет не только у подсоветных сарбозов, но и губернатора провинции Кунар. Нетрудно заметить, что по мере продвижения политработников по должностной лестнице отношение автора к своим героям меняется. Если он с восхищением описывает мужественный поступок замполита роты Симонова, бросившегося на выручку своим боевым

товарищам, с симпатией рисует портреты замполитов рот Азявина и Ахметова, то с начальником политотдела бригады подполковником Смирновым Григорий Боков постоянно конфликтует. Автор, в бытность сам политработник, на конкретных примерах сумел показать, как отрыв от людей, бумаготворчество принижают высокое звание комиссара, единственной привилегией которого всегда было первым подняться под пули. Администрирование в идейной и воспитательной работе, грубость и неуважительное отношение к личности, забвение людских нужд – этим во многом объясняется тот печальный факт, что институт политработников приказал долго жить, и никто не всплакнул на его могиле.

Литератору нельзя быть ни судьей, ни палачом. Но психологом он быть обязан и должен докапываться до корней поступков своих героев, стремиться подсказать читателю, которые из них питают древо добра, а какие растяг зло, и где та невидимая грань, после которой добро превращается во зло и наоборот. Это в полной мере относится и к образам афганцев, которых тоже немало в книге: от феодала Алабаза до губернаторов провинций, членов афганского правительства, президента Наджибулы, который принял мученическую смерть, но не предал свой народ, интересы страны. С особой симпатией автор рисует образ Навагуля, афганского Григория Мелехова – главного героя романа Михаила Шолохова «Тихий Дон», который, несмотря

на все политические бури, остается честным, бескомпромиссным борцом за лучшую долю простых людей. Через его уста мы узнаем богатую и древнюю историю афганского народа. Автору романа удалось с помощью топонимики страны обнаружить корни генетического и культурного родства славян и пуштунов, нуристанцев, хазарейцев, других племен, относящихся к индоевропейской общности, что, несомненно, является научным достижением.

Перед читателем проходит и галерея женских образов. На мой взгляд, удачей автора являются письма Якуты к любимой, которые искусно вплетены в канву повествования и поясняют мотивы его поступков. Эпистолярный жанр, как никакой другой, позволяет заглянуть во внутренний мир героя, узнать его сокровенные мысли. Письма подкупают своей правдивостью и искренностью, им веришь. А без правды не может быть реалистического искусства.

Никогда литературные образы не оживут, не будут волновать воображение, если они не показаны в естественном окружении, среде, в которой они обитают. В основном все события романа разворачиваются в горах, где бывает, как невыносимо жарко, так и холодно, когда приходится бороться за жизнь не только с душманами, но и с природой. Её описания во многом объясняют и поведение людей в той или иной обстановке.

На мой взгляд, автору удалось отразить жизнь советских воинов, создать эффект присутствия и с помощью песен, родившихся на той войне. «Афганская» песня – феномен в самостоятельном армейском творчестве. В итоге образовалась плеяда авторов-исполнителей, в которую входит и один из героев романа – генерал-майор Виктор Павлович Куценко – военный инженер, художник, поэт. Многие его песни и рисунки автор использует в книге, чтобы отразить те чувства и переживания людей, которые не выразить прозой.

Каждое новое поколение по-своему будет оценивать Афганскую войну. Мы – её участники – искренне стремились помочь афганцам выбраться из средневековья на дорогу прогресса и социализма, как могли, помогали материально. Наши советники работали во всех звеньях государственного аппарата, вооруженных сил, подразделениях Министерства внутренних дел. Вероятно, эта чрезмерная опека сковывала инициативу властных структур, превращала их руководителей в марионеток, беспрекословно подчинявшихся воле Кремля, что вызывало негативную реакцию как интеллигенции, духовенства, так и простого народа. По прошествии времени начинаешь понимать причину победы оппозиции: можно ли обвинять афганцев в том, что они не захотели жить по советским законам, если мы сами свернули со столбовой дороги строительства социализма в дебри дикого капитализма.

Как неоднократно подчеркивали читатели, автору удалось силой художественного слова выразить те мысли и чаяния, которые будоражат их умы. Несмотря на кажущееся обилие информации, получить необходимые сведения о проходивших боевых действиях трудно. Специальная литература не всегда и не всем доступна. Проза, используя образный язык и другие выразительные средства, описывает события и поступки людей глубже и доходчивее, нежели научные статьи. Среди откликов на роман я ознакомился с письмом молодой читательницы О. Иноземцевой, в котором есть такие строки: *«Люди должны знать, что было в Афганистане на самом деле, должны знать, что эта война не похожа ни на одну другую из истории войн нашей страны. Должны знать, что солдаты и офицеры, побывавшие там, честно выполняли свой воинский долг. Я очень люблю читать книги. Не электронные, а настоящие – живые. Люблю историю России, особенно период Великой Отечественной войны. Про Афганистан знала, к сожалению, очень и очень мало»*.

По опыту художественной литературы о Великой Отечественной войне, да и Отечественной войне 1812 года, мы знаем, что она наиболее достоверно донесла до нас дух тех времен. Уверен, что роман Николая Кикешева «Встань и иди» тоже стоит в этом ряду. И можно выразить признательность автору за то, что он взялся за непростую задачу – отразить в литературе столь трудный и неоднозначный период в жизни советского общества, на примерах Афганской

войны показать богатство духа нашего народа, хранителем которого был и остается офицерский корпус – наиболее закаленный и верный его отряд.

Книга первая

АФГАНСКИЙ КАПКАН

Часть первая

ГОЛОВОЛОМКА ДЛЯ ПОЛИТБЮРО

Глава 1. ГЕРАТСКИЕ ВОЛНЕНИЯ

Весна 1979 года выдалась теплой. Снег быстро начал терять свою зимнюю привлекательность, хворать, оседал, истекая слякотью. По черным от сырости ветвям деловито сновали пичужки, предвещая скорое наступление новой благодатной поры. Леонид Ильич Брежнев с любопытством наблюдал за пробуждением природы от долгого зимнего сна. Он жил на подмосковной даче в Заречье и на лоне природы чувствовал себя хорошо, отдыхал не только телом, но и душой. В семьдесят лет его уже тяжело больного, потрепанного войной и невзгодами жизни вновь избрали Генеральным секретарем ЦК КПСС. Из Заречья Леонид Ильич приезжал в кремлевский кабинет на несколько часов, проводил заседание Политбюро и снова возвращался на дачу.

Поздним вечером ему позвонил министр иностранных дел Громыко и с тревогой в голосе сообщил:

– Леонид Ильич, резко обострилась обстановка в Афганистане. 15 марта в провинции Герат начались антиправительственные выступления. Убито свыше тысячи человек. Погиб наш военный советник и два гражданских специалиста. На сторону мятежников перешли военнослужащие гарнизона.

Брежнев тут же позвонил Кириленко:

– Ты знаешь о мятеже в Герате?

– Да, Леонид Ильич.

– Этот вопрос не терпит отлагательства. Подготовьте проект постановления и срочно обсудите. Я подъеду в понедельник, и примем окончательное решение.

Кириленко позвонил Косыгину, Устинову, Громыко, Андропову, от которых зависело решение вопросов по Афганистану, попросил собраться в Кремле в Ореховой комнате. Это были самые уважаемые и влиятельные люди в стране. Председатель Совета министров Алексей Николаевич Косыгин еще в сталинские времена работал народным комиссаром текстильной промышленности. Министр обороны Маршал Советского Союза Дмитрий Федорович Устинов в июне 1941 года был назначен Сталиным наркомом вооружения СССР и прослыл главным оборонщиком страны. Андрей Андреевич Громыко начинал свою трудовую деятельность экономистом, работал в Академии наук СССР, но волею судьбы стал дипломатом, и с 1957 года возглавлял Министерство иностранных дел. Юрий Владимирович Андропов возглавлял Комитет государственной безопасности. Трудовую деятельность он начал в 16 лет телеграфистом, потом был на комсомольской, партийной и дипломатической работе. Все они родились в начале века, были примерно одного возраста, плоть от плоти своего народа и, как умели, служили государству не жалея ни сил, ни времени.

Члены Политбюро собрались в Кремле в поздний час. Кириленко вручил каждому наспех составленный проект постановления, и на какое-то время установилась тишина. Нарушил ее Громыко.

– Обстановка в Афганистане сильно обострилась, – сказал Андрей Андреевич. – По имеющимся у нас сведениям, центром волнений стал Герат, второй по величине город страны. Там расположена 17-я дивизия афганской армии. Мятеж подготовил командир артиллерийского полка капитан Туран Исмаил. Дивизия по существу распалась, а банды диверсантов и террористов безнаказанно бесчинствуют. Главари в большинстве – религиозные деятели. Наши товарищи докладывают, что завтра или послезавтра в Афганистан могут вторгнуться новые массы мятежников, подготовленные на территории Пакистана и Ирана. А руководство страны обстановки в стране не знает. – Громыко полистал свои записи, нашел нужную и с раздражением в голосе продолжил: – В 11 часов утра у меня был разговор с министром иностранных дел Афганистана Хафизулой Амином. Он уверял, что армия все контролирует, передал привет

членам Политбюро, лично Леониду Ильичу Брежневу. А через два часа мы получили известие о том, что в Герате начались беспорядки, и целая дивизия вышла из-под контроля.

Когда речь зашла о войсках, Устинов насторожился: это была его прерогатива.

– Главного военного советника товарища Горелова и поверенного в делах товарища Алексеева приглашал на беседу Генеральный секретарь НДПА Тараки, – сказал он, – просил помочь военной техникой, боеприпасами, продовольствием. Что касается военной помощи, то Тараки сказал, что, может быть, потребуется помощь по земле и по воздуху. Это надо понимать так, что возможен ввод наших войск как сухопутных, так и воздушных. Я считаю, что при этом нам нужно исходить из главного: ни при каких обстоятельствах мы не можем потерять Афганистан. Если он отойдет от Советского Союза, то это будет сильный удар по нашей внешней политике и значительная победа Соединенных Штатов Америки, которые спят и видят свои базы в центре Азии.

– Конечно, одно дело – ввод войск, когда афганская армия на стороне народа, и совершенно другое – если армия не будет поддерживать правительство, – задумчиво проговорил Громыко и добавил: – И, наконец, третье, если армия будет против правительства, а, следовательно, и наших войск.

– Я только что говорил с Гореловым по телефону, – продолжил Устинов. – Он сказал, что руководство Афганистана обеспокоено создавшейся обстановкой. Командир гератской дивизии укрылся на аэродроме, действиями оставшихся верными правительству полков не руководит. В Герат направлены наши оперативные группы, которые помогут стабилизировать обстановку, вывезут советских специалистов. Мы посоветовали товарищу Тараки перебросить в район мятежа надежные части. Он ответил, что на это пойти трудно, так как и в других местах неспокойно. Одним словом, Тараки ожидает большого выступления со стороны СССР как наземных, так и воздушных сил.

– Дмитрий Федорович, какая армия в Афганистане? – поинтересовался Косыгин.

– В афганской армии 10 дивизий, более 100 тысяч человек, – ответил маршал.

– Но против них тоже собирается немалая сила, – заметил Андропов. – По оперативным данным, только из Пакистана направлено в Афганистан около трех тысяч мятежников. Это, главным образом, религиозные фанатики. В Кабуле надеются, что именно мы ударим по мятежникам.

Косыгин попытался суммировать с казанное:

– Я понимаю, что проект постановления, который представлен, готовился на скорую руку и его надо серьезно править. Прежде всего, не нужно растягивать поставку вооружения до апреля, а надо дать все сейчас, немедленно. Это первое.

– Второе. Надо как-то поддержать морально руководство Афганистана, сообщить Тараки, что мы поднимаем цену на газ с 15 до 25 рублей за тысячу кубометров. Это даст возможность покрыть издержки, которые у них имеются в связи с приобретением у нас оружия и других материалов. По-моему, оружие надо дать Афганистану бесплатно.

– И третье. Мы намечали дать им 75 тысяч тонн хлеба. Я думаю, что надо поставить Афганистану 100 тысяч тонн. Вот эти меры, мне кажется, следовало бы внести в проект постановления и, таким образом, мы поддержали бы афганское руководство морально. За Афганистан нам нужно бороться. Все-таки 60 лет мы живем дружно. Конечно, Пакистан и Иран окажут оппозиции помощь, они единомышленники в религии. Американцы все будут делать, чтобы влезть в Афганистан, поближе к нашим ракетным полигонам. Это нужно иметь в виду. О китайцах и говорить нечего. Поэтому я считаю, что нам нужно серьезно помочь афганскому руководству. Об оплате поставок говорить сейчас не следует, тем более, как здесь написано, – в свободно конвертируемой валюте. Какая у них свободно конвертируемая валюта? Мы с них все равно ничего не получим.

Устинов поддержал Косыгина:

– Все, что записано в проекте постановления в смысле поставки вооружения Афганистану, все это делается, уже производится отгрузка и отправка этих машин. К сожалению, я не знаю, сможем ли мы до апреля все поставить. Я бы просил принять постановление, касающееся поставки вооружений. Что касается оплаты за это вооружение, то этот вопрос тоже надо снять.

– Все отгружать немедленно! – сказал решительно Косыгин, – буквально с завтрашнего дня.

Устинов согласно кивнул головой.

Кириленко, внимательно вслушивавшийся в их разговор, предложил:

– Давайте поручим товарищу Косыгину внести поправки в проект распоряжения Совета министров с учетом тех моментов, о которых мы здесь говорили, и завтра он представит документ.

– Хорошо, я все сделаю, – согласился Косыгин, – но нам необходимо принять и политическое решение. Может быть, его проект подготовят товарищи из МИДа, Министерства обороны, КГБ, Международного отдела ЦК КПСС. Ясно, что США, Иран, Китай, Пакистан будут всеми силами мешать законному правительству Афганистана. Вот здесь-то и потребуются наша политическая поддержка. Надо и Тараки, и Амину прямо сказать о тех ошибках, которые они допустили. Ведь до сих пор у них продолжаются расстрелы несогласных с ними, почти всех руководителей не только высшего, но даже и среднего звена из партийного крыла «Парчам» они уничтожили. Конечно, трудно вот так сходу сформулировать политический документ, для этого надо будет поработать товарищам дня три.

Устинов согласно кивнул:

– Все это правильно, что говорит Алексей Николаевич. Но речь идет и о вводе наших войск.

– Я считаю, – продолжал Косыгин, – что не следует афганское правительство подталкивать на то, чтобы оно обращалось к нам относительно ввода войск. Пусть они у себя создают специальные части, типа наших внутренних войск, которые могли бы заниматься подавлением мятежей.

– Я думаю, – вел свою линию Устинов, словно не слыша собеседника, – что нам ни в коем случае нельзя смешивать наши части, если мы их туда введем, с афганскими. – Он открыл папку, нашел нужную бумагу и продолжил: – У нас разработан вариант военной акции. В течение суток мы можем самолетами перебросить в Афганистан 105-ю воздушнодесантную дивизию и своим ходом – мотострелковый полк в Кабул. К границе будет подтянута 68-я мотострелковая дивизия. 5-я мотострелковая дивизия находится у границы. Но на ввод войск нужно принять политическое решение.

Кириленко покачал головой:

– Мы не можем вводить войска без официального обращения со стороны правительства Афганистана. Об этом надо прямо сказать афганским товарищам. А также потребовать, чтобы они прекратили террор в отношении политических противников. Нельзя применять в массовом масштабе расстрелы, пытки и т. д. Особое значение для них приобретает религиозный вопрос, отношение к религиозным общинам, религии вообще и религиозным деятелям. Это вопрос большой политики. И тут нужно будет Тараки со всей решимостью сказать, чтобы они не допускали никаких недозволённых приемов. Завтра мы посоветуемся с Леонидом Ильичом как нам лучше это сделать.

Андропов поддержал его:

– При разработке политического решения о вводе войск нужно иметь в виду, что на нас, наверняка, повесят ярлык агрессора. Но я полностью согласен с маршалом Устиновым – нам ни в коем случае нельзя терять Афганистан. Что касается переговоров с Тараки, то мне кажется, что лучше, чтобы поговорил с ним товарищ Косыгин. В разговоре с Тараки надо поставить все

вопросы и, в частности, каково положение в армии и в стране в целом. У них ведь стотысячная армия и при помощи наших советников она могла бы сделать очень многое. А что получается... какие-то 20 тысяч мятежников одерживают победу. Прежде надо сделать все необходимое силами афганской армии, а потом уже, когда действительно возникнет необходимость, вводить наши войска.

– Прежде чем говорить с Тараки, надо согласовать этот вопрос с Леонидом Ильичом, – сказал Косыгин. – Я считаю, что оружие нам посылать нужно только в том случае если мы будем убеждены, что оно не попадет в руки мятежников. Если их армия развалится, то, следовательно, оружие заберут мятежники. Возникает и такой вопрос: как быть с мировым общественным мнением? Если уж мы будем вводить войска, то надо все подробно объяснить. Может быть, кому-то из ответственных товарищей нужно поехать в Афганистан, выяснить обстановку на месте. Возможно, товарищу Устинову или товарищу Огаркову.

Устинову такое предложение было явно не по душе:

– Думаю, вряд ли мне надо ехать в Афганистан. Я в этом сомневаюсь.

Может быть, кому-то из членов правительства выехать.

– Все же нужно вам ехать, – стоял на своем Косыгин. – Мы посылаем в Афганистан большое количество оружия и надо, чтобы оно осталось у правительственных войск. В Афганистане около 550 наших советников, они должны знать состояние дел в войсках. Соберите их, выясните обстановку предметно.

– У всех нас единое мнение, – примирительно сказал Косыгин, – Афганистан отдавать нельзя. Нужно использовать все средства для того, чтобы помочь афганскому руководству укрепиться. А, как крайнюю меру, осуществить ввод войск.

Кириленко одобрительно кивнул головой:

– Я полностью согласен с товарищем Косыгиным. Афганская армия совершила революционный переворот, и думаю, что при умелом руководстве со стороны правительства она будет твердо стоять на защите страны. Я набросал перечень вопросов, о которых мы говорили. Первое: поручить товарищу Косыгину уточнить документ, который представлен, дописать туда поставки 100 тысяч тонн хлеба, увеличить цены на газ с 15 до 25 рублей, снять вопрос о процентах, о твердой валюте. А также поручить Алексею Николаевичу переговорить с Тараки, выяснить, как он оценивает положение в Афганистане, и что от нас требуется. При разговоре руководствоваться состоявшимся обменом мнениями.

Второе – поручить товарищам Громыко, Андропову, Устинову и Пономареву разработать политический документ о нашей линии в отношении Афганистана. Надо обратиться к Пакистану с тем, чтобы пакистанское правительство не допускало вмешательства во внутренние дела Афганистана.

Третье – согласиться с предложением товарища Устинова относительно помощи афганской армии силами наших воинских подразделений. Надо послать в Афганистан хороших военных специалистов, как по линии министерства обороны, так и по линии КГБ для подробного выяснения обстановки, сложившейся в афганской армии, развернуть две дивизии на границе с Афганистаном.

Четвертое: в проекте постановления должен присутствовать пункт о подготовке материалов, разоблачающих вмешательство во внутренние дела Афганистана со стороны Пакистана, Ирана, США, Китая, и этот материал публиковать через третьи страны.

Нужно также продумать, как мы будем отвечать на обвинения в агрессии, которые могут выдвинуть другие страны против СССР. Нужно будет проинформировать социалистические страны о мероприятиях, которые мы наметили, заручиться их поддержкой.

Кириленко обвел присутствующих внимательным взглядом, спросил:

– Есть ли другие предложения?

– Вроде все учтено, – ответил Косыгин.

– Давайте на этом заседание сегодня закончим, – удовлетворенно кивнул головой Кириленко. – А завтра с утра снова соберемся. Я сейчас свяжусь с товарищем Черненко и передам ему наши предложения.

Глава 2. АФГАНСКАЯ АРИФМЕТИКА

В воскресенье 18 марта члены Политбюро приехали на Старую площадь к одиннадцати часам. Косыгин первым начал обсуждение ситуации в Афганистане:

– Я переговорил с Тараки. Он очень встревожен положением в стране и требует ввода наших войск.

Кириленко, не скрывая удивления, спросил:

– В Герате 17-я дивизия насчитывает 9 тысяч человек. Неужели они все перешли на сторону мятежников?

– Перешли артиллерийский и пехотный полки, зенитный дивизион, а остальные поддерживают правительство.

– Я говорил с Амином, – включился в разговор Устинов. – Он тоже просил ввести войска в Герат, подчеркивая, что афганская революция встретила большие трудности, и спасение ее зависит только от Советского Союза. Руководство Афганистана недооценило роль религии. А именно под знамена ислама переходят солдаты.

– Следовательно, у них нет гарантий относительно своей армии, – резюмировал Кириленко. – Они надеются только на наши танки и бронемашинны.

Андропов выслушал мнения товарищей, а затем решительно сказал:

– Нам нужно очень и очень серьезно подумать: во имя чего мы будем вводить войска. Совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к социалистическим преобразованиям. Там засилие религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость в экономике и так далее. Мы знаем учение Ленина о революционной ситуации. В Афганистане нет революционной ситуации. Идет борьба между партийными, религиозными и национальными группировками за власть в Кабуле. Мы можем удержать его руководство только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо. Мы не можем пойти на такой риск.

Громыко оживился:

– Я полностью поддерживаю предложение товарища Андропова – надо исключить такую меру, как введение наших войск в Афганистан. Против кого они будут воевать? Да против афганского народа, прежде всего, и в него надо будет стрелять. Правильно отметил товарищ Андропов, что обстановка в Афганистане для революции не созрела, и все, что мы сделали за последние годы с таким трудом в смысле разрядки международной напряженности, сокращения вооружений и многое другое, – все это будет отброшено назад. Все неприсоединившиеся страны будут против нас. Отпадет вопрос о встрече Леонида Ильича с президентом Соединенных Штатов Америки Картером, сорвется приезд в Москву президента Франции Жискард д'Эстэна в конце марта. Спрашивается, а что же мы выиграем? Афганистан с отсталой экономикой, с незначительным весом в международных делах. С другой стороны, надо иметь в виду, что и юридически нам не оправдать ввода войск. Согласно Уставу ООН, страна может обратиться за помощью в случае, если она подверглась агрессии извне. Афганистан никакой агрессии не подвергался. Это внутреннее их дело, бои одной группы населения с другой. К тому же афганцы официально не обращаются к нам относительно ввода войск. Одним словом, мы имеем дело с таким случаем, когда руководство страны в результате допущенных серьезных ошибок оказалось не на высоте, не пользуется должной поддержкой народа.

По молчаливому согласию Андропов почувствовал, что его мнение поддерживают, и продолжил развивать свою мысль:

– Еще вчера афганцы не говорили о вводе войск. Как мы видим из сегодняшнего разговора с Амином, народ не поддерживает правительство Тараки. Могут ли помочь им наши войска? Я думаю, что мы должны прямо сказать Тараки, что будем оказывать помощь, о кото-

рой сегодня и вчера договорились, но ни в коем случае не можем пойти на введение войск в Афганистан.

– Может, его пригласить к нам, – предложил Косыгин, – и сказать, что мы помощь увеличим, но войска вводить не можем. Целый букет стран немедленно выступит против нас. А плюсов никаких тут для нас нет.

– Мы им дали все, – раздраженно бросил Кириленко, – и ничего не пошло на пользу. Учинили расстрелы ни в чем не повинных людей и говорят нам в свое оправдание, что якобы мы при Ленине тоже расстреливали людей. Видите ли, какие марксисты нашлись. Нужно будет доложить Леониду Ильичу нашу точку зрения, пригласить в Москву товарища Тараки и сказать ему обо всем, о чем мы договорились.

– Я думаю, – поддержал его Косыгин, – что надо посоветоваться с Леонидом Ильичом и сегодня же послать самолет в Кабул.

– Беседу с Тараки надо вести вам, Алексей Николаевич, – сказал Кириленко. – Позвоните ему и пригласите в Москву или Ташкент, как он пожелает. Если он пожелает приехать в Москву, то, может быть, его примет и Леонид Ильич.

Косыгин одобрительным взглядом обвел окружающих:

– Одним словом, мы ничего не меняем в отношении Афганистана. Его руководители должны сами более ответственно относиться к решению государственных вопросов.

* * *

В понедельник Брежнев приехал на Старую площадь, собрал у себя членов Политбюро.

– Здравствуйтесь, товарищи! – поприветствовал он своих соратников. – Я вчера подписал документы о дополнительных поставках специмущества и вооружений в Афганистан, о некоторых мероприятиях политического и организационного характера. Всё, предусмотренное проектом решения КПСС, внесенным в субботу, все эти меры, которые принимались в течение субботы и воскресенья, на мой взгляд, совершенно правильны. И все же главный вопрос – о непосредственном участии наших войск в конфликте, возникшем в Афганистане. Мне думается, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну. Я поручил товарищу Косыгину переговорить с Тараки. Надо объяснить афганским товарищам, что мы можем помочь им всем, что необходимо. Ввод наших войск в Афганистан может нанести вред не только нам, но и, прежде всего, им. Поэтому предлагаю сейчас прослушать информацию товарищей Громыко, Устинова, Андропова, Косыгина и на этом закончим этот этап по принятию мер в связи с конфликтом в Афганистане. Думаю, первым мы выслушаем товарища Громыко.

– Мы внимательно следили за развертыванием событий в этой стране, – сказал Андрей Андреевич. – Что мы имеем на сегодняшний день? В ряде провинций Афганистана, и, прежде всего в Герате, поднялись мятежники. Откуда они взялись? Они были посланы с территории Ирана и Пакистана. Там находится одна правительственная дивизия, которая должна была охранять общественный порядок. Но в связи с тем, что часть правительственных войск перешла на сторону мятежников, началась перестрелка, убито свыше тысячи человек. Я говорил о положении в Афганистане с заместителем премьера и министром иностранных дел Амином. С Амином говорил и Дмитрий Федорович. Ему он уже прямо высказал мысль о том, что СССР должен ввести войска в Герат. Прямотаки получается как в детективном романе, настолько несерьезно ставят афганские руководители такие сложные вопросы. После этого товарищ Косыгин разговаривал с Тараки, который ему сказал, что положение в Афганистане плохое, и он тоже просит направить войска в Герат. Сегодня получено сообщение о том, что положение в Герате не такое уж плохое: два полка все же находятся на стороне правительства.

Всеми этими событиями, как в Афганистане, так и в соседних с ним государствах, в том числе и в Китае, дирижирует рука США. Есть некоторые ободряющие нотки, заключающиеся в том, что в Кабуле вчера прошла массовая демонстрация в поддержку правительства. Но правительство положение в Афганистане, как следует, не контролирует.

Я думаю, что мы должны будем придерживаться своей линии, своей политики, идти своей дорогой с учетом всех особенностей. Если мы введем свои войска, то, конечно, получим плюсов куда меньше, чем минусов. Мы до сих пор не знаем, как поведет себя афганская армия. А если она не поддержит наши мероприятия или останется нейтральной, тогда получится, что мы своими войсками оккупируем Афганистан. Этим самым мы создадим для себя невероятно тяжелую обстановку во внешнеполитическом плане. Мы разрушим все то, что восстанавливали с таким трудом, и прежде всего разрядку. С западными странами, и в частности с ФРГ, у нас отношения будут испорчены. Мое мнение: несмотря на тяжелое положение в Афганистане, мы не можем пойти на такую акцию, как ввод войск.

– Мне вчера пришлось два раза разговаривать с товарищем Тараки, – сказал Косыгин. – Он настаивает на вводе наших войск. Если, говорит он, мы Герат потеряем, то все тогда пропадет. Пакистан, по его мнению, подбрасывает в Афганистан большое количество людей, переодетых в афганскую форму. По их данным, таких лиц заброшено 4 тысячи человек. Товарищ Тараки считает, что по существу все население Герата находится под влиянием религиозников. Там их 200 – 250 человек, которые руководят всем этим делом. По мнению Тараки, все недовольные потом соединятся и пойдут на Кабул. Тогда конец его правительству. Вот почему он просит помочь войсками. Я сказал, что мы внимательно рассмотрим этот вопрос. Конечно, нам важно сохранить Афганистан как союзное государство. Нужно серьезно предупредить Пакистан и Иран о недопустимости интервенции против Афганистана.

– Письма руководству Пакистана и Ирана надо направить сегодня! – поддержал эту идею Брежнев.

– Мне кажется, что имеет смысл направить в Афганистан хорошего посла, – продолжил выступление Алексей Николаевич. – Из разговора с Тараки выясняется, что он даже не знает, на кого опираться правительству. Необходимо провести большую политическую работу, чтобы сохранить Афганистан в качестве нашего союзника.

– Вчера утром мне позвонил Амин, – сказал Устинов. – Он жаловался на то, что Пакистан и Иран засылают огромное количество диверсантов. Их готовят на территории Пакистана китайские советники, снабжают китайским оружием. Далее Амин завел речь о Герате, так же, как и Тараки, просил направить танки. Я сказал ему о той помощи, которую мы оказываем Афганистану поставкой оружия. Он ответил, что это помощь хорошая, но главное – это направить войска.

Брежнев не преминул заметить:

– У них распадается армия, а мы должны будем вести за нее войну.

– В афганской армии большое количество наших советников, есть и переводчики, – ответил Устинов. – Я сказал Амину, что мы можем дополнительно направить некоторое количество переводчиков. На крайний случай мы формируем две дивизии в Туркестанском военном округе, одну дивизию – в Среднеазиатском военном округе. Три полка могут быть буквально через три часа в Афганистане. Но я, конечно, это говорю лишь только потому, чтобы подчеркнуть нашу готовность. Я, как и другие товарищи, не поддерживаю идею ввода войск в Афганистан. Прошу разрешения провести на границе с Афганистаном тактические учения, развернуть полки и дивизии.

– Ну, что ж, проводите учения, – согласился Брежнев, – это пойдет на пользу армии.

Андропов начал выступление с вопроса:

– В чем суть дела сейчас в Афганистане? – И сам же на него ответил: – Дело в руководстве. Руководство не знает сил, которые поддерживают его, и на которые можно было бы опереться. Сегодня, например, прошли довольно солидные демонстрации в Кабуле и Герате, но руководители не использовали в должной мере эти массовые мероприятия. Разъяснительная работа поставлена плохо не только в армии, но и среди населения. Своих политических противников они расстреливают. Правительственная радиостанция не прослушивается – передатчики очень

слабые. Нам нужно будет помочь им передвижными радиостанциями. Амин держал в своих руках по существу всю власть, и только вчера они утвердили нового начальника госбезопасности, начальника штаба. Таким образом, несколько расширяется политическая база в руководстве. Я думаю, что относительно ввода войск нам решения принимать не следует. Ввести свои войска – значит бороться против народа, стрелять в народ. Мы будем выглядеть как агрессоры. Ни в коем случае этого нельзя допустить.

Присутствовавший на заседании начальник Генштаба маршал Огарков сказал:

– У нас в Советском Союзе учатся 460 афганских военнослужащих.

Их можно было бы направить в Афганистан.

– Я думаю, что нам следует одобрить мероприятия, которые были выработаны в течение этих дней, – подытожил разговор Брежнев. – А если возникнут новые вопросы в связи с событиями в Афганистане, то вносить их в Политбюро. Мы принимаем товарища Тараки завтра, 20 марта. Переговоры будут вести Косыгин, Громыко и Устинов, а затем я с ним побеседую.

Глава 3. ВВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК НЕ БУДЕТ!

Президент Афганистана Тараки летел в Москву с двояким чувством. Обещания советской стороны срочно отправить в страну гражданские грузы, военную технику, вооружение и боеприпасы – это он приветствовал. Но все это могло попасть в руки его противников, если он не привезет вместе с танками советских офицеров и солдат. «Только они способны спасти афганскую революцию!», – подумал он и решил твердо стоять на своем.

Косыгин встретил Тараки крепким рукопожатием. Они познакомились во время его первого визита в Москву в декабре прошлого года. Тогда Тараки производил впечатление добродушного, склонного к философским рассуждениям политика, обласканного народной любовью. А сейчас он выглядел энергичным, напористым, в его движениях чувствовалась решимость. После взаимных приветствий Косыгин представил ему присутствующих при встрече Громько, Устинова, Пономарева и сказал:

– Политбюро ЦК КПСС поручило нам обсудить все вопросы, по которым вы считаете нужным обменяться мнениями. На 18.30 запланирована ваша встреча с Леонидом Ильичем Брежневым. Главное, что хочу подчеркнуть, дружба между Советским Союзом и Демократической Республикой Афганистан не является конъюнктурной, продиктованной какими-то временными соображениями, а рассчитана на века. Мы будем оказывать вам помощь в борьбе со всеми врагами, которые выступают против вас в настоящее время, и против тех врагов, с которыми вам, возможно, придется столкнуться в будущем.

Пути решения возникших у вас проблем могут быть разными, но наилучшим из них является тот, который сохранит авторитет вашего правительства в народе, не испортит отношения Афганистана с соседними государствами, и не нанесет ущерба международному престижу вашей страны. Хотел бы привести в пример Вьетнам. Вьетнамский народ выдержал тяжелую войну с США и сейчас борется с китайской агрессией, но никто не может обвинить вьетнамцев в том, что они используют иностранные войска. Вьетнамцы сами мужественно защищают свою родину. Мы считаем, что у вас в стране достаточно сил, чтобы противостоять вылазкам контрреволюции. Мы только что получили сообщение от наших советников: сегодня, в 11 часов утра военный городок в Герате, где дислоцируется мятежная часть 17-й пехотной дивизии, после авиационных ударов захвачен батальоном десантников, поддержанных танками, прибывшими из Кандагара. Верные правительству войска развивают успех. Это большая победа, и мы от души вас поздравляем. Тараки расплылся в радостной улыбке, благодарно закивал головой. Это была новость, которую он так ждал.

– Теперь свои задачи мы видим в том, – продолжил Алексей Николаевич, – чтобы охранять вас от всяких международных осложнений, поставлять вооружение, боеприпасы, направлять людей, которые могут быть вам полезными в обеспечении руководства военными и хозяйственными делами страны, специалистов для обучения вашего военного персонала обращению с оружием и боевой техникой.

– Но мы надеемся на ввод советских войск, – перебил его Тараки.

Ввод наших войск на территорию Афганистана сразу же возбудит международную ответственность, – терпеливо объяснил Косыгин, – повлечет за собой резко отрицательные многоплановые последствия. Это по существу будет конфликт не только с империалистическими странами, но и конфликт с собственным народом. Наши общие враги только и ждут момента, чтобы на территории Афганистана появились советские войска. Это им даст предлог для ввода на афганскую территорию враждебных вам вооруженных формирований. Хочу еще раз подчеркнуть, что вопрос о вводе войск рассматривался нами со всех сторон, мы тщательно изучали все аспекты этой акции и пришли к выводу, что если ввести наши войска, то обстановка в вашей стране не только не улучшится, а наоборот, осложнится. Нельзя не видеть, что нашим

войскам пришлось бы бороться не только с внешним агрессором, но и с какой-то частью вашего народа. А народ таких вещей не прощает. Кроме того, как только наши войска пересекут границу, Китай и другие страны усилят помощь оппозиции. Мы глубоко убеждены, что политическими средствами, которые предпринимаются и с нашей, и с вашей стороны, мы можем одолеть врага. Афганистану следовало бы наладить хорошие отношения с Ираном, Пакистаном и Индией, чтобы лишиться их любых предлогов для вмешательства в ваши дела. Что касается нас, то сегодня мы направляем два документа руководителям Ирана и Пакистана, в которых со всей серьезностью говорим, чтобы они не вмешивались в дела Афганистана. Мы этот шаг предпринимаем сами, не втягиваем вас в это дело. Вот, в основном, соображения, которые мы хотели откровенно, по-товарищески изложить вам.

Тараки благодарно посмотрел в глаза Косыгину:

– Я очень признателен за обстоятельное изложение позиции советского руководства. Мы в Афганистане также считаем, что возникающие проблемы нужно решать политическими средствами, а военные акции должны носить вспомогательный характер. Большинство народа – на нашей стороне. После моего выступления по радио с разъяснением характера гератских событий, в течение только одного дня состоялось 102 демонстрации, участники которых несли лозунги с осуждением Хомейни и его приспешников. Наши внутренние противники не столь уж многочисленны. Часть войск, принимавших участие в мятеже, сложила оружие. Проводимые нами революционные преобразования: освобождение от долговой зависимости от помещиков и феодалов, наделение земель безземельных крестьян и другие мероприятия укрепили авторитет нашего правительства в народе, нашли положительный отклик среди народов Пакистана и Ирана. Пакистанская пропаганда извращала принятые нами меры по социальному освобождению женщин, которым мы обеспечили достойное положение в обществе. Когда же мы приступили к земельной реформе, правящие круги Пакистана, увидев, что она оказывает революционизирующее влияние на пакистанский народ, перешли к политике саботажа и подрывных действий против нас. Правителей Пакистана очень напугало, что по всей стране у них прокатились демонстрации, выступавшие под лозунгами «Да здравствует Демократическая Республика Афганистан!», «Да здравствует Тараки!». На нашу территорию стали засылаться не только «братья-мусульмане», бежавшие из Афганистана после революции, но и целые воинские подразделения, переодетые в афганскую военную форму, которые занимаются диверсиями и саботажем.

После моего визита в Советский Союз и подписания договора о дружбе между нашими странами американские империалисты и другие реакционеры сильно озлобились. Они поняли, что Афганистан окончательно потерян для Запада. Средства массовой информации США, Пакистана и Ирана распространяли всякого рода клеветнические материалы, в которых поносили нас. В тесной дружбе Афганистана с Советским Союзом кроется главная причина антиафганской деятельности империалистов. Вы сказали, что Афганистану следовало бы поддерживать хорошие отношения с Пакистаном, Ираном и Индией. Но ни Иран, ни Пакистан не хотят дружбы с нами.

– Вот только что получено заявление Зия-уль-Хака, – перебил его Косыгин, – в котором говорится, что события в Афганистане являются внутренним делом этой страны, и что Пакистан не будет в них вмешиваться. Пакистанское правительство будет предоставлять лишь гуманитарную помощь 35 тысячам беженцев из Афганистана, но до тех пор, пока их деятельность не станет наносить ущерб отношениям Пакистана с Афганистаном.

– Они только говорят о гуманизме, – раздраженно сказал Тараки, – а сами создают лагеря для подготовки диверсантов против нас.

Косыгин согласно кивнул головой:

– Не думайте, что мы настолько наивны, чтобы полностью принимать на веру слова Зия-уль-Хака. Но это заявление ко многому обязывает пакистанские власти.

– По-видимому, – включился в беседу Пономарев, – это заявление является реакцией Пакистана на статью в газете «Правда».

– Понятно, что пакистанцы забеспокоились, – поддержал его Косыгин. – Они почувствовали, что не только вы, но и мы оказываем на них нажим.

Тараки оживился. Было видно, что статью он читал, и она ему понравилась.

– «Правда» очень своевременно выступила с осуждением происков против нашей страны, – сказал он. – Эта статья произвела глубокое впечатление на соседей. Я, конечно, согласен с вами в том, что необходимо принимать меры политического воздействия и что война – очень рискованная вещь. Было бы излишним подробно останавливаться на вопросе о том, почему пакистанцы, иранцы, американцы и китайцы ведут против нас подрывную деятельность. Я хочу лишь подчеркнуть, что мы были и останемся вашими друзьями, что мы никогда не будем ни с кем так близки, как с вами. Мы учились и учимся у Ленина. Мы хорошо знаем ленинские указания о том, как строить свои отношения с соседними государствами. Мы стремимся к хорошим отношениям с соседями, но нам мешают американцы, которые занимаются подрывной деятельностью против нас. Они проводили такую же политику против молодой Советской республики в прошлом, ведут ее сейчас против Кубы, Эфиопии, Мозамбика, Южного Йемена. Мы противостояем этим проискам, делаем все, чтобы править страной не силой оружия, а завоевывать авторитет революционно-демократическими преобразованиями в интересах трудового народа. На эти цели мы уже израсходовали 200 миллиардов афгани. Народ это чувствует и понимает, кто его друг, а кто – враг. Наши противники изменили тактику и стали кричать о том, что Афганистан стал просоветским, прокоммунистическим, что в стране находятся 10 тысяч советских специалистов, которые всем заправляют.

Тараки испытующе посмотрел на Косыгина и продолжил:

– Мне хотелось бы затронуть вопрос о нуждах афганской армии. Мы бы хотели получить бронированные вертолеты, дополнительное количество бронетранспортеров и боевых машин пехоты, а также современные средства связи. Если будет изыскана возможность направить персонал для их обслуживания, то это будет очень большая помощь нам.

– Речь, видимо, идет о вертолетах МИ-24, которые имеют пуленепробиваемую броню? – спросил Устинов, и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Таких вертолетов вам будет поставлено шесть в июне – июле и еще шесть – в четвертом квартале этого года. Может быть, нам даже удастся приблизить сроки поставок.

– Мы очень нуждаемся в таких вертолетах, – обрадовался Тараки, – и было бы хорошо, если бы они поступили вместе с пилотами.

– Мы можем направить специалистов, – уклончиво ответил Устинов, – которые будут обслуживать эти вертолеты на аэродроме, но, конечно, не боевые экипажи. Вам нужно готовить своих пилотов. В этом году заканчивают учебу 190 афганских офицеров, среди них – 16 летчиков и 13 вертолетчиков. Они могут управлять боевыми машинами. Через главного военного советника в Афганистане генерала Горелова мы передадим вам список выпускников по специальностям.

– А может быть, нам взять вертолетчиков из Ханоя или из какой-либо другой страны, например, Кубы? – сказал Тараки. Он никак не хотел смириться с мыслью, что бороться с оппозицией ему придется своими силами.

– Думаю, что соцстраны вряд ли пойдут на это, – сказал Косыгин. – Вопрос о направлении людей, которые сели бы в ваши танки, самолеты, вертолеты и стреляли в ваших людей – это очень острый политический вопрос. Как я уже говорил ранее, мы много помогали и помогаем Вьетнаму, но вьетнамцы никогда не ставили вопрос о направлении наших вертолетчиков. Они сами говорили нам, что им нужны только технические специалисты, а боевые экипажи они сформируют из своих людей. У нас учится 400 афганских офицеров, их список у вас имеется. Отберите нужных вам людей, и мы можем выпустить их досрочно.

– Конечно, мы сделаем это, – в голосе Тараки послышались нотки разочарования. С какой-то потаенной обидой он сказал: – Если вы не согласны дать своих пилотов, то мы поищем в других странах. Мир большой. Нам нужны преданные люди, а среди афганских офицеров, которых направили на учебу в Советский Союз раньше, есть много братьев-мусульман и прокитайцев.

– Вам самим нужно разобраться с людьми, которые обучаются у нас, – сказал Косыгин. – Братьев-мусульман мы можем отправить обратно, а тех людей, которым вы доверяете, выпустить досрочно.

– Хорошо, мы сделаем это, – вынужден был согласиться Тараки, поняв, что уступок не будет. – Однако трудность заключается в том, что мы не знаем людей, принадлежащих к контрреволюционным группировкам, поименно. Нам лишь известно, что при Дауде в Советский Союз засылались члены организации «Братья-мусульмане» и прокитайской группировки «Шоалее Джавид». Мы постараемся разобраться.

– Вот и хорошо, – с удовлетворением констатировал Алексей Николаевич. – Вчера вечером мы направили в Кабул наше решение о крупных военных поставках, о поставках 100 тысяч тонн пшеницы, о повышении цены на афганский природный газ с 24 до 37 долларов за 1000 кубометров. Успели ли вы ознакомиться с этим документом?

– Нет, – растерянно ответил Тараки.

Косыгин заглянул в бумаги:

– Тогда я приведу лишь некоторые цифры. В марте вам будет дополнительно и безвозмездно поставлены 5 самолетов, 8 вертолетов МИ-8Т, а также бронетехника: 33 БМП-1, 50 БТР – 60пб, 25 бронированных разведывательных автомобилей, 50 зенитных установок на подвижных средствах, зенитные комплексы «Стрела». 18 марта к вам направлено 4 вертолета МИ-8, 21 марта поступит еще 4 вертолета.

– Благодарю за такую большую помощь, – обрадовался Тараки. – В Кабуле я более подробно ознакомлюсь с этим документом. Но мне хотелось бы сказать, что 100 тысяч тонн пшеницы нам недостаточно. Помещики, у которых отбирается земля, не засеяли ее, в ряде мест посевы уничтожены.

– 100 тысяч тонн пшеницы вам будут поставляться по мере того, как вы сможете ее принимать на границе и завозить в страну, – пояснил Алексей Николаевич. – У вас, очевидно, будут трудности с транспортировкой. Как говорят специалисты, ваши перевалочные пункты смогут обработать только 15 тысяч тонн пшеницы в месяц. Пока эти 100 тысяч будут перерабатываться, мы решим, что можно сделать в дальнейшем.

Устинов сказал со значением:

– В связи с дополнительными поставками военной техники, видимо, возникнет необходимость в направлении в Афганистан военных специалистов и советников.

Тараки это предложение обрадовало:

– Если вы считаете, что такая потребность существует, то мы, конечно, примем их, – сказал он и тут же снова взялся за свое: – А не разрешите ли вы использовать пилотов и танкистов из других социалистических стран?

Косыгина эта настырность Тараки начала раздражать.

– Когда мы говорим о наших военных специалистах, – подчеркнул он, – мы имеем в виду техников, которые обслуживают машины. Я не могу понять, почему возникает вопрос о пилотах и танкистах?

– Хорошо, мы посмотрим, как можно использовать тех афганских военных, которые были направлены к вам на учебу, – скрепя сердце согласился Тараки. – Может быть, мы попросим вас принять на обучение людей, которых мы подберем сами.

– Конечно, мы примем их, – согласился Устинов.

Косыгин взглянул на часы и сказал:

– Будем подводить итог нашей беседы. Мы ускорим поставки военной техники, окажем вам помощь в строительстве мощной радиостанции. Вы будете подбирать пилотов для вертолетов из числа офицеров, получивших подготовку у нас. Если у вас возникнут какие-либо другие просьбы и пожелания, то вы можете сообщить о них через советского посла и главного военного советника. Второе. Нам представляется важным, чтобы у себя в стране вы укрепляли социальную опору, привлекали на свою сторону народ, не допускали того, чтобы между правительством и народом возникало отчуждение. И, наконец, последнее. Не для обсуждения, а в порядке пожелания мне бы хотелось высказать соображение о необходимости очень осторожного и бережного подхода к своим кадрам. Кадры нужно беречь, всесторонне и хорошо разбираться с каждым человеком, прежде чем вешать на него какой-либо ярлык.

– Идет ли речь об офицерах и генералах? – насторожился Тараки.

– И об офицерах, и о генералах, – сказал Косыгин и добавил: – А также и о политических деятелях. Но повторяю, я говорю это не для дискуссии, а лишь выражаю наше пожелание.

– В целом мы стараемся бережно относиться к нашим кадрам, – завел рил его Тараки. – Однако гератские события показали, что в нашу среду проникли братья-мусульмане.

Косыгин примирительно продолжил:

– Мы не предъявляем к вам никаких претензий. Мы просто говорим о том, что ошибки в кадровой политике очень дорого обходятся. Мы это испытали на себе. При Сталине многие наши офицеры сидели в тюрьмах. А когда разразилась война, Сталин вынужден был их направить на фронт, и эти люди показали себя подлинными героями. Многие из них выросли в крупных военачальников.

Тараки напоследок спросил:

– Насколько я понял из состоявшейся беседы, вы предоставляете, и будете предоставлять нам помощь, но не гарантируете нас от агрессии.

Косыгин терпеливо объяснил:

– В такой плоскости мы с вами вопросы не обсуждали. Мы говорили о том, что сейчас наиболее эффективными являются средства политической защиты вашей страны. Вы не должны понимать нас так, как будто бы мы оставляем вас на произвол судьбы.

– Существует три вида поддержки, – стоял на своем Тараки, – политическая, экономическая и военная. Два вида помощи вы нам уже оказываете, а как вы поступите, если на нашу территорию будет совершено нападение извне?

Косыгин, не задумываясь, ответил:

– Если будет вооруженное вторжение на вашу территорию, то это совершенно иная ситуация. Мы делаем все для того, чтобы такого вторжения не было.

– Я ставлю этот вопрос потому, что Китай настойчиво подталкивает пакистанцев против нас, – пояснил Тараки.

– Мы направили соответствующее послание президенту Пакистана и премьер-министру Ирана.

И все же Тараки, не оставляя надежд добиться главного – согласия советского руководства на ввод своих войск, спросил:

– По возвращении в Кабул должен ли я сказать членам нашего Политбюро, что Советский Союз будет оказывать ДРА только политическую поддержку или и другую помощь?

– Да, мы будем оказывать вам и политическую поддержку, и большую помощь по линии военных и других поставок, – сказал Косыгин. – Это решение нашего Политбюро. Об этом вам скажет и Леонид Ильич Брежнев на встрече, которая начнется через 10 минут.

Брежнев принимал Тараки в своем роскошном кабинете на Старой площади. Он вышел навстречу гостю, пожал руку и когда все расселись, без долгих предисловий сразу же перешел к главному:

Мы с чувством глубокого облегчения восприняли весть о подавлении правительственными войсками мятежа в Герате. Это хорошая новость. Но из событий в Герате необходимо сделать серьезные выводы. Правительству Афганистана нужно приложить максимальные усилия, чтобы исправить положение, которое привело к этим волнениям. Но и этого недостаточно. Конкретные шаги должны быть направлены не только на устранение угрозы, нависшей над правительством страны, но и на укрепление завоеваний революции. Чрезвычайно важно сохранить единство правящей партии, а не скатываться к междоусобице. У вас очень слабо организована пропагандистская работа.

– Мне наши члены Политбюро поручили обсудить с вами возможность ввода советских войск, – попытался свернуть беседу в нужное ему русло Тараки, но Леонид Ильич решительно ответил:

– Ни вводить войска, ни заявлять публично о том, что они будут введены, не следует. Другое дело – укрепить границы Афганистана. Из Ирана и Пакистана в страну направляются тысячи вооруженных бандитов, перебрасываются оружие и боеприпасы, а граница как была, так и остается открытой. Мы в Советском Союзе позволить такое себе не можем! И, конечно же, надо сделать все для того, чтобы армия твердо стояла на стороне революционной власти. Как поступить в сложившихся условиях, – вам виднее. Хотел бы сказать только об одном. Важно, чтобы у командного состава было чувство уверенности в прочности своего положения. Нельзя многого ожидать от армии, если часто сменяются командные кадры. Тем более, если смена кадров сопровождается арестами. Ведь многие командиры, видя, как их коллеги арестовываются и исчезают, сами начинают чувствовать неуверенность в своем будущем. Все это не означает, конечно, что не должны применяться репрессивные меры в отношении тех, против кого действительно есть серьезные улики в неверности революционной власти. Но оружие это острое и применять его следует весьма и весьма осмотрительно.

В Кремле противились вводу советских войск в Афганистан и потому, что там уже было много наших военных советников, как и в других странах Азии и Африки. Победа в Великой Отечественной войне принесла Советской Армии мировую славу. Эту славу ее офицеры и солдаты добыли в кровопролитных боях с немецкой армией, и во многих странах стремились заполучить советниками тактически грамотных, неприхотливых, отважных в бою командиров. Афганское руководство настаивало на ввод в страну советских подразделений, которые должны были воевать за афганскую власть, что явно не входило в планы Кремля. И все же, вопреки принятому в Политбюро решению, подготовка к вводу советских войск в Афганистан началась. В приграничных военных округах развертывались скадрированные дивизии, начались учения по боевому слаживанию подразделений и частей.

Глава 4. «МУСУЛЬМАНСКИЙ» БАТАЛЬОН

28 апреля, когда в Кабуле праздновали вторую годовщину революции, в ГРУ начальник управления генерал-лейтенант Ткаченко, которого подчиненные за преклонный возраст называли «папой», вызвал к себе полковника Василия Васильевича Колесника и подполковника Олега Ульяновича Швеца.

– Завтра вылетаете в Ташкент, – сказал он. – Полномочия полнейшие. Ваша задача: срочно сформировать в Чирчике на базе 15-ой бригады отряд спецназначения. Разработайте его организационно-штатную структуру и завтра представьте ее мне перед вылетом.

Василий Васильевич недоуменно посмотрел на «папу» и сказал:

– Чтобы расписать штатную структуру отряда мы должны знать его основные задачи.

– Хорошо, – согласился «папа», – только без распространения: отряд формируется по просьбе президента Афганистана Тараки для охраны правительства. Вы знаете, у них начались волнения, обстановка в стране сложная, межфракционная борьба в партии нарастает.

Своим они не доверяют.

– Нет проблем, – облегченно вздохнул Колесник. – У подразделений спецназа основная задача – разведка и диверсии в тылу противника. Их структура мало подходит для выполнения охранных задач. Мы знаем структуру шахской гвардии, но у нее вооружение слабовато. Давайте возьмем за основу наш мотострелковый батальон, усилим его техникой и вооружением новых образцов: одна рота на боевых машинах пехоты, две роты на бронетранспортерах, а четвертая рота огневой поддержки: птурсы, автоматические станковые гранатометы АГС-17 «Пламя», огнеметный взвод. Для прикрытия с воздуха – взвод ЗСУ 21—4 «Шилка». – Василий Васильевич сделал паузу, надеясь, что генерал сделает замечания, но их не последовало, и продолжил перечисление: – управление отряда: командир и его заместители по боевой подготовке, политической части, техник, тыловик, начальник службы ракетно-артиллерийского вооружения, начальник инженерно-саперной службы, финансист; начальник штаба, начальник разведки, начальник связи и другие специалисты.

– Хорошо, давайте этот вариант, – согласился «папа», – но учтите – личный состав батальона не должен отличаться от афганцев. Берите узбеков, таджиков, туркмен.

– В спецназе служат в основном славяне, – возразил Василий Васильевич, – где мы столько азиатов наберем? Нужны будут механики-водители, наводчики. У нас вообще таких специалистов нет.

– Берите у мотострелков, зенитчиков, ищите людей во всех округах, учите в конце концов.

Полковника Колесника вызвал к себе начальник ГРУ генерал армии Ивашутин.

– Вы уже два года в Главном разведывательном управлении, – сказал он. – До этого командовали 15-й бригадой, хорошо знаете этот регион. Поэтому вам и доверили формирование отряда. Но учтите: этот вопрос под особым контролем Политбюро ЦК КПСС. Сами понимаете, какая ложится ответственность на вас. Если возникнут проблемы – обращайтесь прямо ко мне. Необходимо организовать боевую учебу отряда с учетом, что он в августе должен быть направлен в Афганистан в готовности выполнить любую поставленную задачу. Но об этом никому!

– Есть! – четко по-уставному ответил Василий Васильевич.

На аэродроме грушников встречал командир бригады подполковник Александр Александрович Овчаров. И не только по долгу службы, но и по велению сердца. К Василию Васильевичу он питал самые добрые чувства, так как всем, чего достиг в жизни, был обязан ему. Хорошо физически развитый, но невысокого роста, юный Овчаров считал, что в воздушно-десантных войсках, а тем более в спецназе должны служить богатыри. Поэтому, когда

призывали в армию, попросился в танковые войска, где техника приумножает силы. Но судьба распорядилась иначе: стал зенитчиком, затем служил инженером-механиком по боеприпасам ствольной артиллерии в Краснознаменном Туркестанском военном округе. В капитанском звании он приехал в 15-ю бригаду заместителем командира отряда по технической части. Тогда еще, будучи начальником штаба бригады, Василий Васильевич обратил внимание на добросовестного исполнительного офицера, и отправил Овчарова учиться в Загорск на начальника службы спецвооружения. Но по возвращению в Чирчик его избрали секретарем партийной организации бригады. Политработники тоже подметили его честность, принципиальность, требовательность к себе и подчиненным.

В 1976 году Колесник, уже командир бригады, вызвал к себе Овчарова, сказал:

– Принято решение выдвинуть вас на должность заместителя командира бригады.

Тот даже опешил от такого предложения:

– Я даже ротой не командовал! Я же технарь! У меня не тот ВУС!

– Был не тот, станет тот, – добродушно ответил Василий Васильевич и отправил его на командные курсы поднабраться знаний.

Но пока Овчаров учился, произошли кадровые изменения, и в июле 1976 года его назначили начальником штаба бригады. В следующем году сам Василий Васильевич ушел в ГРУ и на прощание сказал:

– Александр Александрович, бригаду примешь ты! У меня к тебе, как начальнику штаба, претензий нет.

– Вы уверены, что я справлюсь с бригадой?

– Справишься!

– Василий Васильевич, ротой я не командовал, батальоном не командовал. Полгода был в должности замкомбрига, год – начальник штаба. Кто меня назначит комбригом?

– Назначат! – решительно сказал Василий Васильевич. – Об этом я сам позабочусь. Достояние кандидатуры пока не вижу.

И действительно, в округе Овчаров благополучно прошел все инстанции и командующий Ефимов, окинув взглядом щуплую фигуру офицера, сказал: «С бригадой справишься. Счастливо». А уже через пару дней пришла телеграмма: «Завтра в 10.00 быть в ЦК КПСС на собеседовании». Москва от Чирчика далеко, но Александр Александрович прибыл в ЦК вовремя и уже здесь его разыскал генерал-лейтенант Ткаченко и приказал немедленно прибыть в ГРУ.

– Чей ты сын? – спросил без обиняков «папа». – Спецназовского образования нет, отменился на должности замкомбрига, начальника штаба, и все без нашего ведома. Ух, ты какой шустрый! А, может, ты недостойн?

Несмотря на ворчание «папы», Овчарова в ноябре 1977 года назначили комбригом. И завертелась командирская жизнь. Революция в Иране, и спецназовцы жили в состоянии боевой готовности несколько месяцев. 28 апреля 1987 года произошла революция в Афганистане, – снова повышенная боевая готовность. Занимались днем и ночью. Офицеры из части не вылезали. За успехи в боевой и политической подготовке бригада получила Переходящее Знамя военного совета округа.

Когда Колесник и Швец вошли в зал прилета аэропорта, Овчаров с радостной улыбкой направился к Колеснику. Они по-братски обнялись. И уже когда сели в машину, Овчаров сказал:

– Я догадываюсь, зачем вы к нам пожаловали: 26 апреля пришла директива Генштаба за подписью Огаркова с требованием сформировать в бригаде отдельный батальон специального назначения. Когда ознакомился с его штатом и вооружением, то был немало удивлен: БМП, БТРы, «Шилки». Для чего такой батальон может быть предназначен? Будем начинать третью мировую войну!?

– Типун тебе на язык! – строго сказал Василий Васильевич.

– Уже и спросить нельзя, – притворно обиделся Овчаров и продолжил: – Кто эту фигню придумал: механики-водители, наводчики, зенитчики из Средней Азии... Да еще и годные к службе в ВДВ. Где я таких найду.

– Я эту фигню придумал, – сказал Василий Васильевич.

– А, тогда совсем другое дело, – примирительно ответил Овчаров. – Но вы же сами знаете: ребята из среднеазиатских республик стараются попасть в повара, хлебопеки, строительные войска... Да, задачка! А где мы разместим все это воинство? В палатках на плацу? У меня свободных казарм нет.

– Никаких палаток! Потеснитесь. Ставьте кровати в два яруса.

– Потеснитесь то можно, – ответил Александр Александрович. – Начинается жара. Не дай бог вспыхнет инфекция – всю бригаду положим.

– Что, не знаешь, как делается? Собирай верблюжью колючку и вари в котлах. У каждого солдата постоянно фляга на ремне. Категорически запрети пить сырую воду! Все будет нормально. Ты лучше скажи: кого комбатом собираешься ставить?

– У меня одна кандидатура – майор Холбаев. Он ветеран нашей бригады, опытный и грамотный офицер; его заместители капитаны Сахатов и Сатаров; капитан Ашуров – начальник штаба. С ротными пока не ясно.

– Подбирать людей будут офицеры пятнадцатой и двадцать второй бригад спецназа, – сказал Колесников тоном, не допускающим возражений. – За каждой ротой закрепите наиболее подготовленных офицеров из бригады. К июлю батальон должен быть готов к выполнению любой задачи...

Помимо управления и штаба, отряд состоял из четырех рот. Первая имела на вооружении БМП-1, вторая и третья – БТР-60 ПБ. Технику получили всю новую, с завода. Рота вооружения состояла из взвода АГС-17, взвода реактивных пехотных огнеметов «Рысь» и взвода саперов. Также в отряд входили отдельные взводы: связи, ЗСУ «Шилка», автомобильный и материального обеспечения. Поскольку эксплуатация боевой техники предполагает специальные знания, людей отбирали в мотострелковых и танковых частях соединений азиатских округов. По национальности – узбеки, туркмены и таджики. Единственным русским был командир зенитного взвода Василий Проута. Отряд в обиходе стали называть «мусульманский батальон». Общая численность солдат и офицеров составляла пятьсот двадцать человек. Батальон возглавил майор Халбаев, исполнявший до этого в 15-й бригаде должность заместителя командира отряда спецназа по воздушно-десантной подготовке. Его срочно отозвали с курсов «Выстрел» и пришлось десантнику спешно учиться управлять усиленным мотострелковым батальоном со специфической задачей.

Ротных искали по всем вооруженным силам. Старшего лейтенанта Владимира Шарипова вызвал к себе командир полка. В кабинете сидел незнакомец в «гражданке» и листал его личное дело. Захлопнув папку, он вышел навстречу Владимиру, крепко пожал руку и с удовлетворением в голосе сказал:

– Молодец! Мастер спорта по стрельбе, кандидат в мастера спорта по мотокроссу. Не хотите послужить в спецназе?

– Ну, какой настоящий военный не мечтает о спецназе! – ответил Шарипов и без раздумий добавил: – Согласен.

Шарипов фамилию унаследовал от отца. Мать у него была славянских кровей, и с рыжеватыми усами он больше походил на типичного полесского белоруса. Но это уже были детали. Шарипова назначили командиром первой роты. Остальные роты возглавили старшие лейтенанты Кудратов, Амангельдиев, Мирюсупов. Солдат подбирали только прослуживших полгода, год. В основе, конечно, лежал принцип добровольности, но хорошего специалиста могли зачислить в отряд и помимо его воли.

Через полтора месяца «мусбат» был сформирован. В каждую роту прислали переводчиков, курсантов-стажеров Военного института иностранных языков. В отряде вообще-то не было с этим проблем, поскольку таджики, примерно половина узбеков и часть туркменов владела фарси – одним из основных языков Афганистана.

Посмотреть, как идут дела, приехал командующий войсками округа генерал-полковник Максимов.

– Где расположили батальон, – спросил Юрий Павлович, – как обустроили?

– Потеснились, товарищ командующий, – ответил комбриг, – поставили койки в два яруса.

– Это не дело, – Юрий Павлович испытующе посмотрел на Овчарова. – Ну что, будем строить новую казарму?

– Товарищ командующий, если отремонтировать заброшенный городок учебного центра Ташкентского общевойскового училища, – предложил комбриг, – то мы сразу двух зайцев уьем: и личный состав быстро разместим, и полигон под боком – на дорогу время не надо тратить, горючее сэкономим.

– Правильно мыслишь, – сказал командующий, и обращаясь к порученцу, строго добавил: – Составить смету и военным строителям восстановить городок.

Июнь и август занимались боевой подготовкой. Никаких лимитов – ни на боеприпасы, ни на моторесурсы. Смутно догадывались – предстоит отправиться куда-то за рубеж. А значит, каждый должен уметь постоять за себя, показать, каков советский солдат. Никаких работ. Только боевая учеба. Физподготовка, марш-броски по 30 километров с полной выкладкой. По распоряжению начальника Генерального штаба в любое время Ташкентское высшее общевойсковое командное училище и Чирчикское танковое училище предоставляли свои полигоны, даже если у них там были запланированы занятия с курсантами.

Стройбат быстро отремонтировал для «мусбата» несколько зданий. Невзрачные полигонные мазанки превратились в городские дома со всеми удобствами. А потом и Боевое Знамя части вручили с наименованием – 154-й отдельный отряд специального назначения.

Появились и первые потери.

Когда Овчаров вернулся из штаба округа, ему навстречу вышел дежурный по части и доложил:

– Товарищ подполковник, у нас «чп»! В мусульманском батальоне перевернулся ГАЗ-66: три трупа и девять тяжелораненых.

– Как!? Где это случилось?

– Возвращались со стрельбища. Водитель на уклоне решил сэкономить горючее, выключил зажигание, и машина стала неуправляемой.

Приехали родители погибших. Симпатичный седовласый таджик, учитель русского языка, ничего не требовал, не угрожал. Еле сдерживая слезы, он сказал:

– Товарищ подполковник, как мне жить дальше? У меня был единственный сын, и он погиб. Я его отправлял в армию и наказывал, чтобы он служил достойно, а он так нелепо погиб! Скажите, как мне дальше жить, как смотреть в глаза жене. Это я послал его на смерть!

Он заплакал навзрыд, как ребенок, беспомощно опустив руки.

– Я тоже отец, – как мог, успокаивал его Овчаров, – у меня два сына, и я понимаю вас, разделяю вашу скорбь. Мне трудно подобрать слова утешения, но вины командования в гибели вашего сына нет.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» ОСОБАЯ ПАПКА

Из записки в ЦК КПСС от 28 июня 1979 года

(...) МИД СССР, КГБ СССР, Министерство обороны и Международный отдел ЦК КПСС считают целесообразным:

(...) 4. Для обеспечения охраны и обороны самолётов советской авиаэскадрильи на аэродроме Баграм направить в ДРА, при согласии афганской стороны, парашютно-десантный батальон в униформе (комбинезоны) под видом авиационного технического состава. Для охраны совпосольства направить в Кабул спецотряд КГБ СССР (125—150 чел.) под видом обслуживающего персонала посольства.

В начале августа с.г., после завершения подготовки, направить в ДРА (аэродром Баграм) спецотряд ГРУ Генерального штаба с целью использования в случае резкого обострения обстановки для охраны и обороны особо важных правительственных объектов (...).

А. Громько. Ю. Андропов,

Д. Устинов, Б. Пономарёв

Парашютно-десантный батальон из состава 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка в начале июля перебазировался в район аэропорта Баграм и взял его под охрану.

На личный состав «мусбата» в Москве пошили униформу афганской армии, готовили необходимые личные документы на афганском языке. С именами мудрить не пришлось – каждый пользовался своим, поскольку в Афганистане, особенно в северных районах, много и таджиков, и узбеков, да и туркмены тоже не редкость. В августе «мусбатовцев» проверила комиссия Генштаба и признала уровень боевой подготовки хорошим. Но в Афганистан они не пошли, а остались в Чирчике до особого распоряжения. Грушники в «гражданке» исчезли, и занятия совсем остановились.

Начались хозяйственные работы: подметай, убирай, строй...

Амин настойчиво требовал ввода десантников, просил заменить расчеты зенитных батарей, прикрывающих столицу, в благонадежности которых не был уверен, советскими специалистами, но Москва уже не доверяла Амину. И на это были веские причины.

Глава 5. ГЕНЕРАЛ ВАРЕННИКОВ

Командующий войсками Прикарпатского военного округа генерал армии Варенников находился в кабинете, когда зазвенел телефон ЗАС. Он поднял массивную трубку цвета слоновой кости. Звонил начальник Главного управления кадров Министерства обороны генерала Шкадов:

– Здравствуй, Валентин Иванович. А не засиделся ли ты на округе – седьмой год пошел. Может, в Москву переедешь?

– Иван Николаевич, не трогайте вы меня! – ответил Варенников. – Мое сидение на пользу всем – и главному управлению кадров, и вооруженным силам. Вы же знаете, офицеры у нас получают отличную подготовку. Боевая учеба налажена.

– Но я же еще не сказал куда в Москву, – продолжал наседавать кадровик. – Речь идет о Генеральном штабе, о должности начальника Главного оперативного управления. Вы будете первым заместителем начальника Генерального штаба. Огарков хочет, чтобы на эту должность назначили именно вас, Валентин Иванович, – польстил самолюбию собеседника Шкадов. – С министром обороны ваша кандидатура уже согласована.

Но вместо благодарности, Варенников недовольно проговорил:

– Я не могу понять, чем руководствовался Огарков, называя мою фамилию министру обороны. Я – сторонник школы бывшего министра Гречко и его поклонник. Устинову это не нравится. Зачем же на рожон лезть? А потом, ну какой из меня штабист? Всю жизнь на командных должностях. Когда-то, при выпуске из академии Генштаба, я просился на штабную работу, но тогда мою просьбу проигнорировали. А сейчас мне уже поздно перестраиваться. Так что, Иван Николаевич, будьте добры, оставьте меня на округе. Или переведите на Дальний Восток, если мое место кому-то приглянулось.

– Валентин Иванович, так вопрос уже предрешен, – не сдавался Шкадов. – Для вас открываются такие масштабные перспективы. Или поедете в Забайкалье.

– Кем может быть предрешен вопрос без моего согласия? – возмутился Варенников. – Это даже странно. Я прошу доложить министру обороны, что у меня совершенно нет никакого желания работать в Генеральном штабе. А что касается Забайкалья, то я немало лет пробыл за Северным полярным кругом и имею право выбирать место службы.

– Конечно, я все это доложу, – недовольно ответил Шкадов. – Но и вы имейте в виду, что иногда мы не особо считаемся с пожеланиями тех, кто рассматривается на какую-то крупную должность. Часто в этом случае доминируют не личные интересы, а интересы дела, государства. До свидания!

Вечером Варенникову позвонил сам Огарков.

– Валентин Иванович, здравствуйте! – сказал маршал таким тоном, словно они были знакомы и дружны много лет. – Шкадов мне доложил о разговоре с вами. Я считаю, что такие вопросы должны решаться не по телефону. Прошу вас прилететь завтра в Москву в первой половине дня. Министр обороны об этом знает. Когда приедете в Генштаб, сразу заходите ко мне. До нашей с вами встречи консультации или разговоры с кем-то еще не желательны. Договорились?

– Завтра я буду у вас, – обреченно сказал Валентин Иванович.

– Вот и хорошо. До встречи!

Варенникова этот разговор расстроил. Надвигалась реальная «угроза» расстаться с округом, к которому прикипел сердцем. Ему нравился прекрасный карпатский край, живущие здесь люди. Чернобровый, с пышной шевелюрой, он сильно смахивал на лихого украинского казака. Да и в фамилии, происходящей от национального украинского блюда «вареник», только с русским окончанием выдавала его украинские корни. Он начал подыскивать аргументы для про-

тивостояния с начальством. Нет опыта штабной работы? Приобретешь. Нет желания? Но требует дело. Округ готовит хороших офицеров? Но это может делать и другой командующий. О возможном переезде в Москву вечером поговорил с женой – Еленой Тихоновной, лейтенантом медицинской службы в отставке. Они познакомились еще в Великую Отечественную войну и всю жизнь были вместе, куда заносила мужа военная судьба.

– Нам совершенно незачем ехать в Москву! – поддержала она мужа. – После стольких лет мыканий по Заполярью только-только начали жить как люди, и снова все бросай, лети куда-то. А ради чего? От добра добра не ищут. Пора уже уgomониться, внуков растить.

На следующий день в 11 часов утра Варенников уже предстал пред ясные очи начальника Генштаба. Огарков радушно встретил его у порога, усадил за приставной столик, сам сел напротив, заказал чай и сразу перешел к делу.

– Валентин Иванович, военно-политическая обстановка в мире осложняется, – сказал он, – потому задачи Генштаба в вопросах строительства Вооруженных Сил, их развития возрастают. Главным оперативным управлением в этих условиях должен руководить тот, кто имеет не только богатую войсковую практику, но и стремление к новому.

– И склонность к этой работе, – парировал Варенников. – А у меня ни склонности, ни желания работать в Генштабе нет.

– В отношении желания мы еще поговорим, – Огарков пропустил мимо ушей иронический тон Валентина Ивановича, – а что касается склонности, то любой военный, который командовал корпусом, армией и тем более округом, да еще окончивший Военную академию Генерального штаба, имеет склонность и к командной, и к штабной работе. Во всяком случае, эти две способности должны в нем гармонично сочетаться. А что касается желания? На мой взгляд, желание у офицера угасает, если он не видит перспективу. Я же считаю, что, побыв первым заместителем начальника Генерального штаба, тем более после округа, вы можете рассчитывать на самостоятельный участок в центральном аппарате министерства обороны.

– Товарищ маршал, – не сдавался Варенников, – я вполне удовлетворен своей должностью командующего округом и буду стараться оправдывать доверие, которое мне оказано. Как я понимаю, сейчас особых претензий к округу нет. Если необходимы перемещения, готов пойти на Дальневосточный военный округ.

– Вы понимаете, Валентин Иванович, – Огарков встал и начал ходить по кабинету. Варенников тоже встал, но тот махнул рукой: – Да вы сидите! Я похожу... Конечно, к округу претензий нет. У вас там все налажено. У нас в Генштабе тоже все налажено, но мы взяли за проведение реформ по совершенствованию наших вооруженных сил. У нас с вами по большинству позиций – полное единство. А для Генштаба очень важно, чтобы его руководство мыслило одними категориями. Вот почему я считаю, что ваше место на этом этапе – в Генеральном штабе.

Огарков начал по полочкам разбирать все элементы реформ, и было видно, что он живет этим.

– Гражданскую оборону надо объединить с военными комиссариатами, – решительно сказал он в заключение. – Функции гражданской обороны – защита объектов и недопущение аварий. А если они произошли – к быстрой ликвидации последствий. Особенно во время войны.

– Товарищ маршал, – не удержался Варенников, – военкоматы и органы гражданской обороны совершенно несовместимы, хотя у них и есть общие вопросы. К примеру, проблемы мобилизации, где они должны тесно взаимодействовать. Что касается задач гражданской обороны, то я убежден, что они не должны ограничиваться только перечисленными вами функциями. На мой взгляд, руководство гражданской обороны должно отвечать и за глобальные проблемы, поэтому обязано входить в правительство с предложениями. Например, о принятии мер по недопущению катастроф в районах, постоянно подвергающихся наводнениям,

сходам селевых потоков, землетрясениям. Или такая проблема: при существовании дальнебойного высокоточного и мощного обычного оружия, неприемлемо, чтобы различные виды оружия и боевой техники, к примеру, самолеты, создавались на заводах, которые разбросаны по всей стране. А строительство кораблей – тем более. Наконец, гражданская оборона. На мой взгляд, она должна всячески оберегать природу, заботиться о том, чтобы не «умирал» Арал, не загрязнялся Байкал, «не задыхалось» Черное море от подпора мертвого сероводородного слоя. Поэтому к гражданской обороне можно было бы добавить слова: «и защите природы».

Огарков не промедлил радостно заметить:

– Вот, Валентин Иванович, вы уже погрузились в генштабовскую жизнь?

– Нет, я этого не чувствую, – спохватился Варенников. – На моем месте любой командующий войсками округа высказался бы так же, как и я.

– К сожалению, не любой, – возразил Огарков. – Вы прошли такую школу! Скопив глаза на орденские планки, украшавшие грудь Варенникова, полюбопытствовал: – Где воевали, какую награду и за что получили?

– После окончания Черкасского пехотного училища в октябре 1942 года попал на Сталинградский фронт, командовал взводом, а затем стал артиллеристом, командиром батареи. Был ранен. Потом форсировал Днепр, участвовал в освобождении Одессы, форсировании Днестра. В 1943 году стал заместителем командира 100-го гвардейского стрелкового полка 35-й гвардейской стрелковой дивизии по артиллерии. Летом 1944 года попал на 1-й Белорусский фронт. Там участвовал в операции «Багратион», наша дивизия прорывала оборону немцев западнее Ковеля. Потом вошли в Польшу, в боях за Вислу снова был ранен. Через четыре месяца вернулся в родной полк и в январе 1945 года пошли на запад, захватывали плацдарм в районе Кюстрина на Одере. В марте третий раз ранило, но легко. В звании капитана участвовал в Берлинской операции в районе Зееловских высот. Утром 2 мая со своим полком был в Берлине в здании рейхстага. В качестве начальника почетного караула принял Знамя Победы на Центральном аэродроме, а потом участвовал в Параде Победы 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве. За войну заслужил два ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны и медали, а остальные награды – за достижения в боевой и политической подготовке.

– А я в 41-ом окончил Военно-инженерную академию, – сказал Огарков, – и всю войну служил на инженерных должностях. Довелось воевать на Карельском, 2-м и 3-м Украинских фронтах. С 1948 года перешел на штабную работу. Служил и на Дальнем Востоке, и в Германии. В 1968 году перешел в Генштаб, получил звание Маршала Советского Союза. – Улыбнувшись, добавил: – В армии все просто: надел человек мундир, и сразу видно, с кем имеешь дело.

– Особенно если этот человек – Верховный главнокомандующий и Генеральный секретарь ЦК КПСС, – сказал с сарказмом Варенников. – Любовь Леонида Ильича к наградам уже стала притчей во языцех. В войсках уже смеются над всей этой наградной канителью.

– Ну, там груз всенародной любви, – добродушно ответил Огарков. – Особенно наш Дмитрий Федорович старается. Просто не успевает товарищу ордена навешивать. – Николай Васильевич замолчал, нахмурился и с болью в сердце добавил: – Есть проблема и более серьезная: Устинов решил на старости лет повоевать. Захотелось к славе гениального оборонщика страны присовокупить славу великого полководца. – Он немного помолчал и, глядя Варенникову в глаза, спросил: – Валентин Иванович, вы как относитесь к вводу наших войск в Афганистан?

– Ни в коем случае! – не задумываясь, ответил Варенников. – Там идет гражданская война, как у нас после октябрьской революции. Только у нас были большевики и меньшевики, а у них халькисты дерутся с парчамистами. Оппозиционеры тоже стремятся к власти пробраться. Чью бы сторону мы ни взяли, – все равно американцы не упустят шанс расквитаться с нами за свой вьетнамский позор, к чему мы приложили свою крепкую мозолистую руку. Помогать – да! А самим лезть туда не надо.

– К октябрьской революции у меня особое отношение, – сказал, улыбнувшись, Огарков, – я ее ровесник: родился 30 октября 1917 года. Кстати, в один день с Дмитрием Федоровичем, только он на 9 лет старше. – А затем решительно добавил: – Я тоже категорически против ввода наших войск. – И в Политбюро есть люди, которые выступают против нашего военного присутствия в Афганистане. Но все дело идет к тому. Общая обстановка в стране продолжает ухудшаться. Растет число беженцев в Пакистан и Иран. Из них лидеры мусульманских организаций формируют отряды оппозиции, с помощью американских советников обучают их и совершают набеги на приграничные районы. Тараки и Амин постоянно требуют от нашего руководства прислать десантников. Своим не доверяют. 5 августа в Кабуле вспыхнул мятеж в 26-м парашютно-десантном полку и 444-м батальоне «коммандос». Начальник генштаба Якуб быстро подавил мятеж. В это время восстал гарнизон Асмара в провинции Кунар, убито 150 человек, на сторону оппозиции перешло около двух тысяч военнослужащих 9-й горно-пехотной дивизии. Часть мятежников арестована, часть дезертировала в Пакистан, пополнив оппозицию. Понятно, что Афганистан нужно удерживать, но это можно сделать только политическими средствами. Как только наши войска войдут на его территорию, в мире американцы поднимут такой вой, настроят против нас мусульман, и мы не будем знать, как оттуда выбраться. Но Устинов создал группу своих сторонников, и его переубедить нелегко.

Огарков открыл папку, достал из нее листок, протянул Варенникову:

– Прочтите эту телеграмму.

Валентин Иванович пробежал глазами по тексту:

«Начальнику Генштаба Огаркову от начальника ГРУ Ивашутина.

В период с 11 по 17 июля 1979 года произведена рекогносцировка в городе Кабул с целью возможного использования 15-й бригады спецназа ТуркВО. По мнению советского посла и руководителей спецслужб, наибольшая активизация мятежников на периферии и в г. Кабул ожидается в августе. В связи с этим посол просит перебросить отряд в Кабул до 10 августа. Разработку мероприятий по переброске возложить на главкома ВВС и командующего ТуркВО. Генерал армии Ивашутин».

Он отложил в сторону листок, внимательно посмотрел на Огаркова.

– Вот так, посол просит! – сказал маршал и тоже пристально посмотрел ему в глаза: – Значит, будем вместе отстаивать позицию Генерального штаба по этому вопросу?

Варенников молчал. В его душе боролись противоречивые чувства. Он хотел вернуться к себе во Львов в спокойную размеренную жизнь округа. И в то же время вспомнил всё горе и тяжесть Великой Отечественной войны. Он почувствовал, что теперь и от него зависело – будут умирать советские солдаты в далеком Афганистане, или останутся жить. Если откажешься – в случае чего, будешь корить себя всю оставшуюся жизнь.

Огарков подсел к столу и с мольбой в голосе сказал:

– Валентин Иванович, я очень прошу вас согласиться с нашим предложением. Это имеет исключительное значение для Генштаба и для меня лично. Без вашей помощи мне не преломить ту косность и рутину, которые сейчас существуют в министерстве обороны. К тому же – запахло порохом. И если все начнется, то в генштабе должен быть человек, который воевал, умеет командовать войсками. У вас все это есть.

Огарков продолжал неотрывно смотреть в глаза Варенникову, и его тронула откровенность маршала, но еще больше – какая-то таинственная тревожная недосказанность.

– Товарищ маршал, – сказал он, – конечно, если требует дело и у вас все варианты исчерпаны, я вынужден согласиться. – Но прошу вас иметь в виду: если буду назначен в Генеральный штаб, то позвольте надеяться, что со временем вы отпустите меня в войска.

Огарков радостно пожал Варенникову руку и тут же позвонил министру обороны, доложил:

– Дмитрий Федорович, вопрос с Варенниковым решен. Я прямо сейчас переговорю со Шкадовым и со всеми, от кого зависит утверждение на должность.

Он тут же начал названивать по телефону в ЦК, другие структуры, а затем, спохватившись, сказал:

– Валентин Иванович, учитывая, что свободного жилья пока нет, вы временно поселитесь на одной из явочных квартир Главного разведывательного управления. Я переговорю с генералом Ивашутиным.

Через некоторое время Варенников уже был в кабинете Петра Ивановича Ивашутина, одного из самых старых работников Центрального аппарата Минобороны. Главный разведчик страны участвовал в советско-финской войне, потом в Великую Отечественную воевал на Закавказском, Кавказском, Крымском, Северо-Кавказском, и 3-м Украинском фронтах и свое дело знал хорошо. Он принял Валентина Ивановича тепло и радушно, поинтересовался жизнью на Западной Украине, а затем перешел к делу:

– Вы, как начальник Главного оперативного управления, обязаны знать не просто общую обстановку в стране и мире, но и все ее детали. Особенно обстановку в Афганистане, так как надо будет ежедневно готовить справку о происходящем в этой стране, вносить свои предложения, которыми мог бы воспользоваться министр обороны при встрече с Брежневым или на заседании Политбюро. Обстановка там накаляется. Если коротко: идет гражданская война. В июне-июле антиправительственные выступления произошли в провинциях Бадахшан, Лагман, Парван, Вардак и других. Все их организаторы знают друг друга, как говорится, с младых ногтей. Развела в разные стороны и сделала их непримиримыми врагами отчаянная борьба за власть. С этой точки зрения апрельские события в 1978 году можно оценивать, кроме прочего, и как победу одной политической группировки над другой. На мой взгляд, первопричиной кровавой междоусобицы является Бабрак Кармаль. Он был заместителем генерального секретаря НДПА, заместителем председателя Революционного Совета ДРА. Буквально через два месяца после Апрельской революции Кармаль тайно провел съезд «парчамистов», разработал план захвата власти. Естественно, все это стало известно Амину. Он доложил обо всем Тараки, но генсек не пошел на обострение и все спустил на тормозах. Амин самостоятельно решил ликвидировать руководящую верхушку «парчамистов» и разослал её по миру. Буквально через две недели после съезда Бабрак Кармаль поехал послом в Чехословакию, Наджибулла – в Турцию, Вакиль – в Англию, Нур – в США, Барьялай – в Пакистан. В отношении других лидеров «парчам» было сфабриковано уголовное дело, по которому их обвинили в заговоре против республики и решили казнить. Причем, казнить публично. Наше руководство предотвратило эту расправу. В числе спасенных были Кешманд, генералы Кадыр, Рафи и другие лидеры революции. Все они подвергались в аминских застенках жесточайшим пыткам. – Петр Иванович испытующе посмотрел на Варенникова и продолжил: – по имеющимся у нас сведениям теперь уже сам Амин решил узурпировать власть в стране. В начале сентября он должен был принять участие в работе сессии неприсоединившихся государств, которая проходила в Гаване. Однако он убедил Тараки, что ехать нужно ему – генеральному секретарю НДПА, лидеру «революционного Востока». Выступая перед студентами и интеллигенцией Кабульского университета, заявил, что генеральный секретарь ЦК НДПА вылетает на Кубу. Его намерения понятны: в отсутствие президента завершить подготовку к захвату власти. Попытки советского руководства отговорить Тараки от поездки не увенчались успехом. Он отбыл в Гавану с остановкой в Москве 30 августа. Генерального секретаря ЦК НДПА в поездке сопровождали многие сугубо «проаминские» лица: Шах Вали, Катавази, Тарун, Джандад, чтобы с их помощью довести до сведения советских руководителей, что существует заговор против премьер-министра, в котором принимают участие три министра Сарвари, Ватанджар, Маздурьяр и начальник службы безопасности ДРА Гулябзой. Я хочу, чтобы вы знали: это самые преданные апрельской революции люди и её творцы. Катализатором восстания послу-

жило убийство 17 апреля идеолога парчамистов Мир Акбар Хайбара, который в 1960 году совместно с Бабраком Кармалем создал подпольный кружок левого толка. По своим убеждениям он был либералом, антимонархистом и бунтарем. В НДПА он вступил еще при короле Захир Шахе, будучи начальником Кабульской полицейской академии. Похороны Хайбара руководству НДПА удалось превратить в массовую антиправительственную демонстрацию, которая была разогнана полицией. В ночь с 25 на 26 апреля 1978 года по приказу Дауда были арестованы руководители НДПА Тараки и Кармаль. У возглавлявшего военную организацию «Хальк» Амина полицейские произвели обыск, но оставили под домашним арестом. Через служащего кабульского муниципалитета Фахира и младшего офицера ВВС Гулябзоя он передал оставшимся на свободе членам военной организации «Хальк» приказ о вооруженном восстании. Амина вечером 26 апреля посадили в тюрьму, но машина восстания заработала.

В этот день по приказу министра национальной обороны Афганистана Расули в воинских частях проходило празднование победы над коммунистами, чем халькисты и воспользовались. Ранним утром 27 апреля в районе кабульского зоопарка состоялось заседание военно-революционного штаба НДПА, на котором было принято решение о восстании, организовано взаимодействие воинских частей. Саид Мухаммад Гулябзой отвечал за ВВС и ПВО. Принимал участие в совещании и Ватанджар, который помогал Мохаммаду Дауду захватить власть, за что был произведен досрочно в старшие капитаны и назначен командиром батальона 4-й танковой бригады. Как активный сподвижник Дауда, он убедил комбрига в необходимости отправки его батальона к президентскому дворцу для оказания помощи. В накладной на получение боеприпасов к небольшой цифре он прибавил «ноль» и получил их в необходимом количестве. Колонна из пяти танков пошла из Пули-Чархи на Кабул и в полдень танкисты вступили в бой. Ватанджар стрелял по зданию министерства обороны. Маздурьяр – по резиденции Дауда. К рассвету следующего дня танкисты, летчики и часть «командос» Бала-Хисара сломали сопротивление президентской охраны и вынудили ее сложить оружие. К Мохаммаду Дауду была отправлена делегация с предложением капитулировать. Узнав, о роли его бывших сподвижников в восстании, Дауд в ярости открыл огонь из автомата и в перестрелке был убит. К утру 28 апреля всякое сопротивление было прекращено. Возглавивших восстание сделали министрами. Тарун тоже из 4-й танковой бригады и активно помогал Ватанджару. Он стал личным адъютантом Тараки, но, похоже, сейчас он на стороне Амина. Амин усердно создает культ Тараки. Являясь, как и Тараки, по своей родоплеменной принадлежности пуштуном и «халькистом», он всячески прославляет его как вождя. Внешне все эти действия кажутся доброжелательными и наверняка находят у простого народа соответствующий отклик. В городах и кишлаках, где надо и не надо, висят портреты Тараки; во всех газетах – портреты Тараки и его высказывания-лозунги; на каждом даже небольшом собрании или митинге – несколько портретов Тараки; каждое выступление Амин начинает с цитирования «учителя». И если в общественной среде все это находит благоприятную почву, то с интеллигенцией, духовенством и офицерством несколько сложнее. Вначале они посмеивались над Тараки, затем стали возмущаться, и в его адрес посыпалась резкая критика. Что и требовалось Амину. Строительство «замка» культа Тараки он завершил, и теперь одним ударом хочет его разрушить, похоронив в его обломках «учителя». Тараки грозит смертельная опасность. Для его охраны мы подготовили батальон спецназовцев. Он готов вылететь в Кабул по первой команде. – Ивашутин внимательно посмотрел в глаза Варенникову и доверительно добавил: – Скажу прямо – к Амину у нашего руководства нет доверия. Сказывается его учеба в США, связи с ЦРУ, а также неудержимое стремление к власти. 30 августа, когда Тараки улетал на Кубу, Амин организовал грандиозные проводы. На центральном аэродроме все выглядело торжественно и даже трогательно, чтобы глава государства не смог заподозрить неладное. По пути в далекую Гавану Тараки сделал остановку в Москве, встречался с Брежневым и другими членами Политбюро, которые предупреждали о готовящемся заговоре, предлагали отказаться от поездки, но он верит Амину

как самому себе. – Завершая разговор, Ивашутин сказал на прощанье: – Я думаю, что в ближайшее время Афганистан станет нашей большой головной болью, потому и постарался ввести вас в курс дела.

* * *

Чиновничья карусель закрутилась. Варенников ходил по начальству и на второй день вечером вылетел во Львов сдавать должность. Через два дня пришел письменный приказ министра обороны о новом назначении, постановление Политбюро ЦК КПСС и Совмина. Огарков прислал самолет, и пока все необходимые на первых порах вещи загружали в багажное отделение, Варенников прощался с бывшими сослуживцами. Провожать его в аэропорт приехало несколько сот человек: генералы и офицеры управления округа, областное и городское начальство, хотя со многими уже попрощался. Он поднялся по трапу, и оглянулся. Внизу стояли и приветливо махали руками сотни людей, которые стали дорогими за время совместной службы. Увидел знакомые, ставшие родными лица и комок подкатил к горлу. Чтобы как-то заглушить сердечную боль, громко крикнул:

– Ну, чего вы... Будто я на фронт лечу. Если кому-то я не уделял должного внимания – простите меня. Так получалось не потому, что не хотел, а потому, что физически не доставало времени.

Мутная пелена застила глаза. Сдерживая слезы, он широко развел руками, сцепил ладони над головой и низко поклонившись всем, вошел в салон, сел в кресло и посмотрел в иллюминатор. Стоявшая на бетонке аэродрома толпа «забурлила», люди замахали руками, цветами.

Вырулив на взлетную полосу, самолет начал разгон. За окном замелькали знакомые здания, и вскоре они уже оказались под крылом и стремительно уменьшались. «Какие это были счастливые годы! – думал Валентин Иванович под монотонный шум турбин, еще ощущая волнение прощальных сцен. – А впереди – новый этап жизни. Что уготовила судьба? Чего ждать дальше? Незнакомая обстановка, практически незнакомые люди. Как оно все сложится? Многие ведь мечтали об этой должности, а я им дорогу перешел». Он остро ощутил тоску по округу, который так спешно покидал.

Самолет приземлился на военном аэродроме «Чкаловский», подрулил к центральной площадке. Варенникова встречал его заместитель генерал-полковник Николаев. «Почему его не назначили начальником управления, – подумал Валентин Иванович. – Опытнейший же генштабист».

– Загрузим вещи в машину, – предложил Николаев, – отвезем все на квартиру, а потом – в Генштаб.

По дороге он рассказывал о будущих сослуживцах Варенникова.

– С Огарковым вы уже познакомились, а его заместитель – Сергей Федорович Ахромеев – умный, весьма энергичный и преданный делу военачальник. В армии с 1940 года, в Великую Отечественную начинал командиром взвода, дорос до командира батальона. В 1952 году окончил Военную академию бронетанковых войск и перешел на штабную работу. В 1974 году назначен заместителем начальника Генштаба. И хотя Сергею Федоровичу не довелось командовать округом, он прекрасно знает жизнь войск и их проблемы. Правда, есть у него один недостаток – может быстро «завестись», вспыхнуть при остром разговоре или неординарной ситуации. А Генштаб – такой орган, где обстановка должна быть спокойной и уверенной. Нервозность нам сильно мешает.

– Она всем мешает, – сказал Варенников и поинтересовался: – А каковы отношения Огаркова и Устинова? Ходят слухи, что они перестали ладить.

– Да, отношения не простые, – согласился Николаев. – Было время, когда Устинов смотрел на Огаркова влюбленными глазами. Это же он пробил Николая Васильевича на начальника гэша. Кстати, это, пожалуй, его самое эффективное кадровое решение. Огарков – непревзойденный начальник Генерального штаба: самостоятельный, волевой, инициативный,

умеет заглянуть в будущее. Но возникли разногласия по поводу реформы вооруженных сил. И от «жгучей любви» отношения между ними перешли на уровень «прохладных». А это нам совсем ни к чему. Получается, как в той присказке: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат».

Варенников слушал, а в голове зудела комаром тревожная мысль: «Оно тебе все это надо? Жил тихо-мирно, а теперь будешь вертеться меж двух жерновов. Может, как-то попытаться устранить источники этого похолодания. Поговорить с Огарковым, выработать общую линию действий».

Оставив вещи на квартире, они отправились в Генштаб. На лифте поднялись на пятый этаж. Кабинет Варенникова был просторный, с большим столом для совещаний, высоким столом для карт и огромным глобусом.

– Выше вас в Генштабе никого нет, – пошутил Николаев, имея в виду, конечно, что здание пятиэтажное, и многозначительно добавил: – И только из вашего окна виден Кремль. На четвертом этаже такой же кабинет пустует, в резерве, на третьем располагается начальник Генштаба, на втором – Устинов и Главком объединенных Вооруженных Сил стран Варшавского Договора Куликов, на первом – Центральный командный пункт Генштаба.

Огарков встретил Варенникова радушной улыбкой, поздоровался за руку и сказал:

– Пошли к министру обороны.

– Может, предварительно позвонить? – забеспокоился Варенников.

– Я уже позвонил, сказал, что вы прибыли. Он нас ждет.

В приемной сидели помощники Устинова генерал-майор Игорь Вячеславович Илларионов и контр-адмирал Свет Саввович Турунов. Оба были ему преданы до мозга костей, отлично разбирались в технических вопросах, что для Устинова являлось самым главным. Когда вошли в кабинет, Огарков, не скрывая радости, проговорил:

– Дмитрий Федорович, вот, наконец, у нас появился начальник Главного оперативного управления.

Варенников стал по стойке «смирно», доложил, как полагается в армии. Устинов подошел к нему, крепко пожал руку, предложил присесть к большому столу, где уже располагались Илларионов и Турунов.

– Мы с вами, Валентин Иванович, уже знакомы, – сказал добродушно министр. – Как обстановка в округе?

– Округ передал генерал-полковнику Беликову в хорошем состоянии и готов приступить к выполнению своих обязанностей в Генеральном штабе.

– Работать в центральном аппарате – это очень почетно и ответственно, – Устинов решил подчеркнуть важность нового назначения. Он долго и увлеченно говорил о ЦК, правительстве, задачах министерства обороны и Генштаба в связи с Афганистаном, предстоящем визите Тараки на Кубу для участия во Всемирной конференции неприсоединившихся стран. Потом в заключение сказал:

– О ваших конкретных обязанностях вам расскажет начальник Генштаба, а я желаю вам успехов на новом поприще.

На прощание они снова обменялись дружескими рукопожатиями.

Пока шли, Варенников спросил Огаркова:

– Почему Тараки собирается лететь на Кубу, когда он может лишиться своего поста? Неужели в Политбюро не могут его отговорить от этой поездки?

Огарков остановился, удивленно спросил:

– Откуда у вас такие сведения?

– Да наше же радио широко сообщает об этом, – слукавил Валентин Иванович, не зная, говорить ему о беседе с Ивашутиным или нет.

– Да, это опрометчивый шаг Тараки, – согласился Огарков. – Насколько мне известно, наше руководство намерено говорить с ним на эту тему. Но в Афганистане сейчас командует

всем Амин. Он и председатель правительства, он и министр обороны. Эта одиозная личность подмяла под себя открытого и доверчивого Тараки. Амин вынудил Тараки вылететь из Афганистана, чтобы в его отсутствие провести кадровые перестановки, которые бы обеспечили ему полную поддержку в борьбе за власть. У нашего руководства идет трансформационный процесс в отношении уже принятых решений по Афганистану. Сначала члены Политбюро решительно высказались против ввода наших войск в Афганистан, а теперь начались колебания. Видимо, в Кремле убедилось, что беспомощный Тараки к хорошему не приведет. Андропов направил в ЦК КПСС записку о путях преодоления кризиса в Афганистане. Предлагают устранить Амина от руководства страной, возложив на него всю ответственность за необоснованные широкие репрессии, просчеты в вопросах внутренней политики; помочь Тараки создать коалиционное правительство, руководящую роль в котором должны играть члены НДПА, включая представителей «Парчам»; освободить и реабилитировать незаконно арестованных политических заключенных. Готовится неофициальная встреча с находящимся в Чехословакии Бабраком Кармалем, на которой будут обсуждаться вопросы, касающиеся стабилизации внутривнутриполитического положения в ДРА. На случай обострения кризисной ситуации в стране он должен возглавить руководство НДПА.

– А у вас с министром обороны на эту тему был разговор? – спросил Варенников.

– В том-то и дело, что мы почти ежедневно обсуждаем эту проблему. Он, кажется, придерживается прежних позиций. Хотя вчера мне говорит: «Не пойму, почему мы уперлись: войска вводить не будем? А что будем делать?». Хотя члены Политбюро решительно выступают против ввода наших войск в Афганистан, но все к тому идет. Несколько раз проводилось отмотивирование войск Туркестанского военного округа, а 5-я дивизия в Кушке и 108-я в Термезе приводились в состояние повышенной боевой готовности. По планам военного времени действовали и части обеспечения, непосредственно подчиненные штабу округа, – артиллеристы, саперы, связисты, разведчики, приданная авиация. Из запаса призывали тысячи человек. Пружина взведена и осталось только спустить курок.

– Но можно же с министром поговорить откровенно? – спросил Варенников. – Ведь Генштаб должен знать ситуацию, которая может коснуться наших военных советников, а тем более, вооруженных сил.

Огарков насутился:

– С Дмитрием Федоровичем отношения неважные. Поэтому он откровенничать со мной не будет.

– На мой взгляд, ярко выраженных плохих отношений нет, – сказал Варенников. – А если что-то назревает, то можно устранить первопричины.

– Не так все просто, Валентин Иванович, – Огарков сжал правую руку в кулак и с силой стукнул им в ладонь левой, – наши недруги за рубежом заметили эту трещину, и будут расковыривать рану все глубже и больней. Зайдем ко мне, кое-что покажу.

Когда вошли в кабинет, он взял со стола журнал «Штерн», вынул из него два печатных листа, протянул Варенникову:

– Вот, что пишут про нас «за бугром».

Валентин Иванович быстро пробежал подчеркнутые строки. Речь шла о том, что назначение Устинова министром обороны – это ошибка Брежнева, что за три года Устинов на своем посту никак себя не проявил и не проявит, и что рядом с ним начальник Генерального штаба – это одаренный человек. Огарков – восходящая звезда, а звезда Устинова давно закатилась.

– Да, это провокация, – нарушил молчание Варенников. – Они хотят столкнуть вас с Устиновым.

– Они уже столкнули, – сказал Огарков. – Мне это Ивашутин принес. Оказывается, Дмитрий Федорович дал ему задание отыскать журнал и сделать перевод. Значит, кто-то специально его проинформировал. Мне начинать разговор на эту тему неудобно, и он молчит.

– Конечно, министру обороны устоять перед этой провокацией не просто. Уязвленное самолюбие обязательно заговорит.

– Да, если бы эти «сюрпризы» приходили только из-за рубежа... У нас в Генштабе тоже есть «любители» нас стравливать, чтобы потешиться.

Варенников начал прикидывать – кто же мог настраивать Дмитрия Федоровича против Огаркова?

– На втором этаже располагаются сам министр обороны, два его помощника, канцелярия министра, а также два первых заместителя министра обороны – Виктор Георгиевич Куликов и Сергей Леонидович Соколов. Разумеется, помощники министра просто по своему положению обязаны «подпевать» шефу.

Наши отношения начали портиться после исследовательских учений, которые мы проводили на базе Прибалтийского и Прикарпатского военного округа, – пояснил Огарков. – Устинов был против нововведений. Они хотят, чтобы все оставалось, как было. Но жизнь не стоит на месте. Наш вероятный противник обновляет технику и вооружение армии. Соколов тоже категорически возражает против любых изменений в организационно-штатной структуре войск и сил флота, управлении вооруженными силами. К ним примкнул и Ахромеев. Вместе с этими дискуссиями, точнее – вместе с этой тяжбой, и возматало противостояние. Попытки объясниться с Дмитрием Федоровичем не увенчались успехом: каждый раз он приглашал своих помощников, а иногда и Соколова, и они вместе выступали против. С вашим приходом в Генштаб чаши весов несколько выровнялись, но позиции министра пока полностью на той стороне. Однако я намерен все-таки через два-три месяца подписать у него директиву, которая бы положила конец этой распре. Главкомандующие видами Вооруженных Сил и командующие войсками военных округов и сил флота постоянно задают вопросы по поводу реформ, а я толком ничего ответить не могу.

– Неужели нельзя смягчить обстановку! – удивился Варенников. – Ведь вы печетесь об общем деле.

– Конечно, можно, – согласился Огарков. – И если бы удалось разрядить противостояние, то это пошло бы на пользу делу.

Варенников понял, что маршал рассчитывает на него лично. Поднявшись к себе в кабинет, он начал обдумывать, что можно предпринять, чтобы подействовать сближению министра обороны и начальника Генштаба. Уговаривать помощников министра всем вместе взяться за «примирение» – нет никакого смысла. Хотя и отнеслись они к Варенникову внимательно и весьма любезно, но позиция их ясна: министр есть министр, и все остальные должны идти к нему на поклон. Вдобавок, в их «лагере» оказался Ахромеев – прекрасно подготовленный генерал, который мог «обосновать» любую позицию, которую Соколов навязывал министру. Варенников вспомнил, как во время собеседования Ахромеев без обиняков сказал: «Дела принимай у генерал-полковника Николаева. Функции все расписаны в соответствующем документе. Но главная задача – это всяческая помощь министру обороны». Последние слова означали: «Выбирай, либо ты с министром, либо с начальником Генштаба». Один лишь этот намек сразу создал между нами невидимую стену отчуждения. Разве мог Варенников быть не с тем, с кем его мысли совпадали? Склонять же Огаркова к компромиссу либо к «смирению» и «покорности» в отношении взглядов на реформу совершенно бесполезно: в своих убеждениях он был тверд до упрямства. И когда кто-то хотел переубедить в чем-либо, лицо его мгновенно становилось скучно-безразличным. А в глазах можно было прочесть: «Как я сожалею, что вы так и не поднялись до понимания проблемы».

На следующий день Варенников зашел к Огаркову на доклад, а заодно изложил свои доводы по поводу примирения:

– С Соколовым бесполезно говорить: за верность Устинову он уже стал маршалом. Сергей Леонидович – главный из тех, кто старается сохранить в армии все без изменений. Именно

он внушает Устинову не поддаваться давлению Генштаба. Что касается Сергея Федоровича Ахромеева, то с ним тоже не следует затевать разговор. Он – по ту сторону баррикад. Дмитрий Федорович любит преданных людей. Видимо, и общие мордовские корни тоже имеют значение в их отношениях. Просить кого-нибудь со стороны, того же маршала Куликова помирить вас – тоже не резон, поскольку он просто попадет в сложное положение. – Варенников помолчал, а затем решительно добавил, глядя Огаркову в глаза: – Николай Васильевич, а почему бы вам самому чисто по-человечески не объясниться с Устиновым?

– Это исключено! Никакого примирительного разговора не будет! – отрезал Огарков. – А вот постоянно и настойчиво разьяснять ему положения директивы по реформированию вооруженных сил – это я гарантирую.

Этот юношеский максимализм убеленного сединами маршала удивил Варенникова. Он понял, что ему нелегко будет служить в Генштабе под его началом.

Глава 6. УБИЙСТВО ТАРАКИ

На пути из Гаваны 10 сентября Тараки прилетел в Москву, побывал у Брежнева. Они обнялись, как старые друзья. Тараки поделился впечатлениями о конференции. Леонид Ильич с нескрываемым чувством тревоги сказал:

– Дорогой Тараки, мы предупреждали вас о коварстве Амина. Наши худшие опасения подтвердились. Воспользовавшись вашим отсутствием, он отстранил от должности всех преданных вам людей. Повсюду и в партии, и в государстве он посадил на руководящие должности своих родственников и преданных ему людей. Его племянник и зять Асадулла занимает 9 постов в государственных учреждениях и по партийной линии. Причем Амин обосновывает свои действия тем, что проводит чистку государственного аппарата от лиц, которые, пользуясь покровительством генсека, ведут разгульный образ жизни и совершенно неспособны выполнять служебные обязанности. По его утверждению, к ним относились министр внутренних дел Ватанджар, министр связи Гулябзой, министр по делам границ Маздурьяр, начальник службы безопасности Сарвари и другие преданные вам товарищи. Может, вы пока останетесь в Советском Союзе, дорогой Тараки. Я очень беспокоюсь за вашу безопасность.

Это известие подействовало на Тараки, как ушат холодной воды, но он надеялся, что произошло какое-то недоразумение, и по прилету в Кабул все уладится.

– Не беспокойтесь, Леонид Ильич, – сказал он, стараясь подавить волнение. – Я контролирую обстановку полностью, и ничего там без моего ведома не случится.

– Мы озабочены сосредоточением чрезмерной власти в руках Амина, – Леонид Ильич стоял на своем. – Вряд ли целесообразно, чтобы кто-то, кроме генерального секретаря ЦК НДПА, занимал исключительное положение в непосредственном руководстве страной, вооруженными силами и органами государственной безопасности. Может, мы отправим батальон для вашей охраны?

– В этом я не вижу необходимости, – гордо проговорил Тараки и встряхнул копной волос.

После Брежнева Тараки беседовал с Андроповым, Устиновым и Громыко. Они уверяли, что когда он вернется в Афганистан, Амина уже не будет в Кабуле. Но когда 11 сентября Тараки прилетел в Кабул, его самолет целый час кружил над аэродромом, ожидая разрешения на посадку. За это время начальник Генерального штаба Якуб полностью заменил охрану аэродрома на военных, а также поставил армейские подразделения на пути, намеченном для движения правительственного кортежа. Генерального секретаря ЦК НДПА встречало афганское руководство. Обходя шеренгу встречающих, спросил: «Все здесь?». В ответ – молчание. Он и так видел, что ряды его сторонников поредели.

Амин приехал на аэродром для встречи «своего учителя», сидя за рулем белого «фольксвагена». Цел и невредимым. Увидев его, Тараки опешил и даже пошатнулся. Получается, что советские товарищи его обманули. Потом они расцеловались, как хорошие друзья, сели в машину и поехали в ЦК НДПА. Их сопровождали Пузанов, Павловский, Иванов и Горелов. Пили «за встречу» коньяк и кофе. Договорились, что все останется попрежнему. Как было, так и будет. Тараки – генеральный Секретарь ЦК НДПА и председатель Ревсовета, Амин – премьер-министр и министр обороны.

На заседании совета министров Тараки рассказал о конференции в Гаване и итогах визита в Москву.

– Я глубоко удовлетворен итогами встречи с Леонидом Ильичом Брежневым. Но неудовлетворен нашими делами. Все ли руководители во время моего отсутствия остались на своих постах?.. Я обнаружил в партии раковую опухоль. Будем ее лечить!

Тараки, видимо, запомнил, что болезнь полностью поразила партийный организм, а на последних стадиях рак неизлечим.

Утром 12 сентября Тараки пригласил Амина для доклада в свою резиденцию. Он приехал с многочисленной вооруженной охраной и с порога заявил:

– Против меня организована травля со стороны четырех министров.

Я требую отстранения этих лиц от занимаемых постов.

Тараки попытался сгладить остроту ситуации, предложил:

– Это самые верные и преданные революции люди. Они ее совершали. Хафизула, прими извинения от этих министров и будем считать вопрос закрытым.

– Вы идете на поводу министров и не хотите слышать премьер-министра! – на лице Амина было написано недоумение. А затем он властным, не терпящим возражений, голосом сказал: – Я отстранил от занимаемых должностей всех, кто наносит ущерб государству. Министров Ватанджара, Сарвари, Маздурьяра и Гулябзоя снимешь ты сам! И отправишь послами в различные страны, как мы это сделали с Бабраком Кармалем и его сообщниками.

– Нет! – гневно воскликнул Тараки. – Этого не будет! Они мои самые верные соратники.

В ответ Амин зло усмехнулся. Он уже провел подготовительную работу по захвату власти и теперь был готов к окончательной схватке: заранее организовал распространение слухов, что Тараки теперь больше верит четверке, чем премьер-министру и собирается его убить.

О конфликте в Кабуле быстро стало известно Москве. Огарков пригласил к себе Ивашутина и Варенникова.

– Есть информация по линии КГБ, – сказал он, – что в день прилета Тараки афганские патриоты должны были ликвидировать Амина. Они устроили засаду на дороге, по которой он обычно ездил на аэродром. Но Амин поехал по другой дороге.

– А у меня есть информация, – заметил Варенников, – что в числе тех, кто готовил эту акцию, были купленные Амином люди. Он подкупил все ближайшее окружение Тараки, охрану, в том числе и его адъютанта подполковника Таруна, который сообщает все, что говорит и о чем думает Тараки. Зная редкостное коварство этой личности, можно предположить, что «покушение» подготовил сам Амин и дал «утечку» информации на наших советников, а те сообщили в Москву.

– Как бы там ни было, – сказал с горечью Огарков, – но предназначенный для охраны Тараки батальон спецназа не вылетел 10 сентября, а вернулся с аэродрома в пункт постоянной дислокации.

– Это ошибка! – решительно сказал Варенников. – Даже если бы этим, так сказать, патриотам и удалось осуществить свой замысел, то Тараки все равно нуждается в нашей охране, потому что его личные телохранители попросту уже продались. И об этом должно знать руководство нашей страны. Пусть Дмитрий Федорович подробно доложит ситуацию Брежневу.

* * *

13 сентября Тараки вновь пригласил Амина к себе, надеясь продолжить разговор, но тот не приехал, узнав от своих осведомителей, что на обед также приглашены Ватанджар, Гулябзой и Маздурьяр. Когда назначенное время вышло, Тараки позвонил Амину:

– Хафизула, почему ты не приехал?

– Банда четырех собирается меня убить. Я требую снять их с постов и наказать за организацию заговора и фракционную деятельность в партии. – В голосе Амина появились металлические нотки:

– Иначе я перейду к активным действиям.

– Вы что вздумали не подчиняться мне! – вспылал Тараки. – Я вас сниму со всех постов!

– Не получится, – ответил с ухмылкой Хафизула. – Армией команду я, Амин!

Он сразу же вызвал к себе начальника Генерального штаба Якуба и начальника национальной гвардии Джандада и приказал:

– Никакие указания, исходящие от Тараки, не выполнять, ясно!

– Так точно! – ответил Якуб.

Джандад молча кивнул головой. Они и так уже все последнее время выполняли команды премьер-министра и готовы были служить ему дальше верой и правдой.

– Я буду жить и работать в министерстве обороны, – предупредил подчиненных Амин.

Противостояние в Кабуле нарастало. Вечером во двор советского посольства въехал автомобиль. В нем сидели опальные министры Ватанджар, Гулябзой, Сарвари и Маздурьяр.

– Посла нет, – предупредил их сотрудник КГБ полковник Богданов.

– Он сейчас на встрече с Тараки. Чем могу быть полезен?

– Амин хочет нас арестовать, – сказал Ватанджар. – Мы просим временного убежища.

– Проходите в посольство, – пригласил их Богданов. – Чайку попьете?

– Мы готовы защитить Тараки и завоевания революции, – сказал Ватанджар. – В армии есть преданные нам люди.

Из холла посольства по открытому телефону он начал обзванивать командиров частей кабульского гарнизона. Первым вышел на связь командир танковой бригады.

– Амин звонил тебе? – спросил Ватанджар.

– Нет!

– Революция в опасности! Не выполняй приказы Амина, а только мои команды!

Но никаких конкретных задач Ватанджар не ставил. Видимо, конкретного плана у четверки пока не было.

Командиры частей, которых обзванивал Ватанджар, сразу докладывали Якубу. Тот доложил Амину:

– Ватанджар призывает командиров кабульского гарнизона выступить на защиту генерального секретаря ЦК НДПА.

– Выяснил, откуда он звонил?

– Из советского посольства.

Амин взвился. Арестовать министров в посольстве он не мог.

– Поехали к Тараки!

Вместе с министром без портфеля Сахраи и Таруном в сопровождении трех охранников он приехал в резиденцию Тараки и с порога заявил:

– Я требую решить вопрос относительно четверки. Они уже обосновались в советском посольстве и оттуда подстрекают войска выступить против меня. Можешь сам в этом убедиться.

Тарун позвонил Богданову и спросил:

– По какому поводу прибыли гости?

Богданов замаялся, не зная, что ответить, извиняющимся тоном сказал первое, что пришло на ум:

– Я только сегодня вернулся из отпуска и пока не в курсе дел.

– Так вот, Хафизула Амин сейчас прибыл в резиденцию Тараки и ведет с ним переговоры.

– Наш посол Пузанов тоже поехал на встречу с Тараки. Скоро будет у вас.

По приезду в Дом народов, Пузанов попросил Тараки:

– Пригласите Амина.

Тот появился сразу и Пузанов крепко, по-дружески пожал ему руку, сказал:

– Я привез послание советского руководства. Политбюро ЦК КПСС и лично Леонид Ильич Брежнев выражают надежду, что руководители Афганистана проявят высокое чувство ответственности перед революцией. Чтобы спасти ее надо сплотиться, действовать с позиций единства. Раскол в руководстве губителен для афганского народа. Он будет незамедлительно использован внешними врагами.

Оба лидера внимательно слушали посла. Тараки с пафосом проговорил:

– Прошу передать руководству СССР, что все будет нормально. Мы тоже за единство партии. Но иногда возникают вопросы, которые трудно решать. Я хочу откровенно признаться,

что у меня недостаточно опыта для ведения государственных дел. В эпоху революционных перемен это бывает. Но мы с этим справимся, правда, Амин?

– Да! Я тоже благодарен советскому руководству за глубокое и емкое послание, – сказал премьер-министр. – Я как искренний последователь Тараки, сделаю все для продолжения дела своего учителя.

Обычно такие слова говорят на траурных митингах, но тогда никто не придавал значения смыслу сказанного. Посчитав, что примирение Тараки и Амина состоялось, Пузанов по-своему предложил:

– Хафизула, может, ты сам переговоришь с четверкой.

– Хорошо, пусть меня соединят с ними.

Тарун связался с посольством, попросил к телефону Ватанджара.

– Ну что, герои, испугались? Прячетесь, – крикнул в трубку Амин.

– Тараки пригрел на своей груди змею, – зло ответил Ватанджар. – Мы будем с тобой бороться.

Амин передал трубку Тараки и снисходительно проговорил:

– Может, ты их уразумишь?

– Ватанджар, все вопросы урегулированы, – горячо проговорил Тараки. – Во имя революции надо сплотиться и действовать сообща. Езжайте по домам и не волнуйтесь.

Домой поехал только Маздурьяр. Ватанджар, Гулябзой и Сарвари решили укрыться в советском госпитале. Гулябзой позвонил Тараки, предупредил:

– Я прошу вас вызвать советский батальон из Баграма для личной охраны. Амин замышляет недоброе.

– Сынок, мы уже обо всем договорились, не беспокойся. Да и потом, негоже мне, пуштуну, укрываться под охраной советских штыков.

Утром 14 сентября Гулябзой снова позвонил Тараки:

– В 9 часов в приемной начальника службы безопасности убит его заместитель Наваб и начальник политотдела Салтан, пришедшие арестовывать Сарвари, а также его адъютант-телохранитель Касым. Он не пропустил их в кабинет начальника и первым открыл огонь из автомата.

Учитель, надо предпринимать срочные меры!

– Сынок, не волнуйся, – успокаивал его Тараки, – все идет по плану.

Но все шло по плану Амина. Он назначил Азиза Акбари исполнять обязанности начальника службы безопасности и попросил представителей КГБ СССР приехать к нему. Утром Иванов и Богданов прибыли в Генеральный штаб, где временно располагался Амин, и попытались выяснить его позицию по всем спорным вопросам.

– Почему вы решили снять с должности Сарвари? – спросил Иванов.

– За бездеятельность. Предлагаю заменить его Таруном, а Тараки предлагает кандидатуру Акбари.

Я при вас сейчас позвоню Тараки. Вы сами убедитесь.

Тараки выслушал Амина и предложил:

– Приезжайте ко мне без оружия и охраны, за обедом все обсудим.

В это время в кабинет вошел Якуб и что-то сказал на пушту. Тут же появился начальник канцелярии Тарун и тоже начал эмоционально говорить с Амином на пушту. Но тот перебил его:

– Говори по-русски!

– Я специально приехал предупредить Амина, чтобы он не приезжал к Тараки на обед. На него готовится покушение.

– Об этом мне говорил и начальник Генерального штаба Якуб, – сказал с вызовом Хафизула. – Как вы думаете, ехать мне или нет? Если скажете «ехать» – я поеду.

– Конечно, мы не уполномочены давать такие ответы, – растерянно проговорил Иванов. – Надо посоветоваться в посольстве.

– Вот вы посоветуйтесь и дайте ответ до 17 часов. Я должен принять решение по составу правительства. Тараки не хочет увольнять четверку. Я буду вынужден собрать пленум ЦК НДПА и серьезно обсудить этот вопрос.

Собирать пленум без команды Тараки он не имел права. Но он знал, что в ЦК больше половины – его сторонники, потому и пошел «ва банк».

Возвратившись в посольство, Иванов позвонил в Москву, доложил начальству о складывающейся обстановке. Ему поручили передать устное послание Брежнева и советские представители в сопровождении вооруженной охраны поехали в Дом народов. Тараки выглядел несколько подавленным, хотя старался не подавать виду.

– Я искренне благодарю Леонида Ильича Брежнева за заботу о судьбах афганской революции, – ответил он, выслушав послание. – Я сейчас позвоню Амину и приглашу к нам.

– Нет, я не приеду! – сказал решительно Амин.

Трубку взял Иванов и твердо сказал:

– Дорогой Амин, пока советские представители находятся в резиденции Тараки вам опасаться нечего.

– Хорошо, я приеду. Но только с охраной.

Он продиктовал свои условия, вплоть до того, через какой вход зайдет, кто его будет встречать.

Амин подъехал к тыльному входу в резиденцию генсека. Как и договаривались, его встретил подполковник Тарун и пошел впереди по лестнице. Вдруг сверху ударили автоматные очереди. Стреляли охранники Тараки. Тарун и двое сопровождающих рухнули на пол, а Амин рванулся назад, выскочил в дверь, добежал до своей машины и спешно уехал.

Приехав к себе в резиденцию, Амин позвонил Иванову:

– Вот видите, я же говорил вам, что Тараки хочет меня убить.

– В 16.20 по команде начальника генштаба Якуба войска кабульского гарнизона блокировали резиденцию Тараки, отключив все линии связи.

В 17.50 по кабульскому радио передали сообщение об изменениях в правительстве. На ключевые посты Амин назначил своих сторонников.

Иванов по правительственной связи позвонил в Москву, доложил Громыко:

– В Амина стреляли. Тараки арестован, находится в Доме народов под усиленной охраной. Правительство сформировано из сторонников Амина.

– Была ли кровь? – спросил настороженно Андрей Андреевич.

– Афганские руководители не пострадали. Убит начальник канцелярии президента Тарун.

– Это очень плохо. Есть ли человек, способный удержать власть в Афганистане?

– Кроме Амина таких людей в Кабуле нет. – Значит, работайте с ним.

В 19.30 Иванов приехали к Амину. Тот встретил его возбужденными восклицаниями:

– Тараки давно хотел меня убить!.. Я ждал покушения еще в аэропорту, когда он вернулся из Гаваны. Но, очевидно, не хотел делать это при советских товарищах. А теперь он и вас не постеснялся.

– Мы сожалеем, что этот инцидент случился, – сказал Иванов. – Призываем вас во имя революции проявлять хладнокровие и не допустить расширения конфликта.

– Нет, я не намерен больше терпеть! Завтра будет созван пленум ЦК партии и Тараки сместят со всех постов. Мне трудно удержать партийцев после теракта. Погибли люди!

– Если Тараки будет отстранен от власти, то вас руководство Советского Союза не поймет.

– Вы передайте в Москву, что я готов и дальше следовать советам Леонида Ильича Брежнева и других товарищей. Но пролита кровь, – зловеще сказал он, показав на бурое пятнышко на костюме, – а кровь у нас, афганцев, смывается только кровью! Мы предложим Тараки добровольно отказаться от всех постов, сославшись на плохое здоровье.

– А если он не согласится?

– Тогда мы его лишим этих постов!

– Можно ли встретиться с Тараки?

– Все контакты с Тараки будут проходить только с моего разрешения, чтобы не было недоразумений с охраной и только тогда, когда я сочту их нужными для страны.

– Но вы понимаете, что это может привести к тяжелым последствиям и для партии, и для страны?

– Хуже не будет! Я наведу порядок и в партии, и в стране.

Иванов понимал, что рвущийся к власти Амин сделал последний прыжок, и его уже не остановить. Поэтому примирительно сказал:

– В случае ухода Тараки с занимаемых постов мы рекомендуем не принимать к нему никаких репрессивных мер. Его жизнь должна быть вне опасности. Мы призываем вас также удержаться от репрессий против его сторонников и других лиц, не являющихся врагами революции.

– Рекомендации советского руководства и лично Леонида Ильича Брежнева после урегулирования создавшегося положения я буду выполнять неукоснительно. Уход Тараки не нарушит единства в партии, а наоборот, сплотит ее.

Как только Варенникову стало известно о произошедшем в Кабуле, он доложил Огаркову:

– Поступила информация о покушении на Амина в резиденции Тараки. Подполковник Тарун убит, двое охранников ранены. Но есть вопросы. Как я выяснил, стрельба велась с верхней площадки под небольшим углом и все идущие по лестнице хорошо просматривались. Спрашивается: почему пострадали сопровождающие, а Амин остался цел и невредим? Видимо потому, что стрелявшие тоже из аминовской компании. Если бы они имели задачу убить Амина, то выскочили бы вслед за ним во двор и там застрелили. Но они не сдвинулись с места. В момент стрельбы у Тараки находились советский посол и главный военный советник. Видимо, хотели их помирить, а получилось, что они стали свидетелями покушения. И теперь Амин может обвинить нас в заговоре.

– Да, Амин «убил двух зайцев», – согласился Огарков. – Во-первых, блестяще исполнена инсценировка с покушением на его жизнь и теперь вся инициатива, а, следовательно, и власть полностью перешли в его руки. Во-вторых, Амин избавился от подполковника Таруна, который много о нем знал. Теперь Тараки, лишенный своих сторонников, для Амина не представляет никакой опасности.

Огарков оказался прав. В 20.00 кабульское радио сообщило об отстранении от занимаемых должностей сподвижников Тараки – Ватанджара, Гулябзоя, Маздурьяра и Сарвари. Вместо них Амин назначил министром внутренних дел Факира, министром по делам границ – Сахраи, министром связи – Зарифа, начальником службы безопасности – Акбари. В течение ночи были убиты многие сторонники Тараки, в том числе его адъютанты Касым и Бабрак, стрелявшие в Таруна.

В ночь с 14 на 15 сентября Амин провел заседание Политбюро ЦК НДПА, на котором было принято решение о созыве пленума ЦК. Он состоялся утром 15 сентября. Тараки и его соратники были сняты со всех постов и исключены из партии. Генеральным секретарем ЦК НДПА избрали Амина. Кроме того, прошло заседание Революционного совета ДРА, на котором Тараки был освобожден с поста председателя, а на его место «единогласно» избран Амин.

На утреннем совещании Варенников проинформировал офицеров и генералов:

– В Афганистане произошла смена власти. Тараки изолирован. Его резиденция блокирована войсками. Связь отключена. В Кабул вошли воинские части и взяли под охрану все важнейшие объекты, в том числе здание правительства. Необходимо срочно перебросить в Кабул для спасения Тараки наш батальон специального назначения, но Амин приказал частям ПВО сбивать все прилетающие и взлетающие самолеты и вертолеты. «Мусбат» сидит в самолетах, ждет команды на взлет.

Огарков коротко бросил порученцу:

– Свяжите меня с генералом Гореловым!

Главный военный советник ответил тут же.

– Вы можете обеспечить пролет наших самолетов с десантом на Кабульский аэродром? – спросил его маршал.

– В сложившейся ситуации я не могу что-либо решить. Амин никого не принимает, даже посла. Считает, что он выступал против него, и требует его и моего отзыва из Кабула. Начальник Генштаба генерал Якуб получил приказ Амина сбивать все самолеты, и никто, кроме самого Амина, отменить его не может. Я считаю, что в данной ситуации кто-то из советского руководства должен выйти непосредственно на Амина и вынудить его принять батальон? Тем более, что он настоятельно просил в свое время прислать десантников для охраны объектов.

К сожалению, никто из членов Политбюро конкретных шагов по спасению Тараки так и не предпринял. Амин продолжал свою игру. 16 сентября он направил во все организации письмо ЦК НДПА: «...Попытка Н. М. Тараки осуществить террористический заговор против товарища Хафизуллы Амина провалилась...»

Товарищ Амин проявил свою принципиальность, разоблачая культ личности Тараки. Активные сторонники Тараки – Асадулла Сарвари, Сайд Мухаммед Гулябзой, Шир Джан Маздурьяр, Мухаммед Аслан Ватанжар всячески способствовали утверждению культа личности Тараки. Он и его группа желали, чтобы значки с его изображением носили на груди халькисты. Товарищ Х. Амин решительно выступал против этого и заявил, что даже В. И. Ленин, Хо Ши Мин и Ф. Кастро не допускали подобного при своей жизни. Н. Тараки при согласии и с одобрения своей банды хотел, чтобы города, учреждения, улицы были названы его именем. Кроме того, они пытались соорудить большой памятник Тараки, что вызывало резкий протест со стороны товарища Амина... Банда Тараки постепенно самоизолировалась, перестала подчиняться председателю Совета министров страны и действовала как независимая группа во главе с Тараки...».

Семью Тараки Амин заточил в центральную тюрьму Пули-Чархи. Всю вторую половину сентября и первую неделю октября Тараки был еще жив, надеялся, что Брежнев не оставит его в беде. Но никаких активных мер советское руководство по его спасению не предпринимало. Амин решил довести дело до конца. 9 октября кабульское радио мельком сообщило, что арестованный бывший генсек НДПА Тараки и его жена скорострительно скончались. 10 октября 1979 года в газетах было обнародовано короткое сообщение, что после непродолжительной тяжелой болезни Тараки скончался и его похоронили на кладбище Колас Абчикан на «Холме мучеников». Началась повальная резня его сторонников.

Иванов попросился на прием к Амину, чтобы высказать мнение советского руководства.

– Мы призывали вас удержаться от репрессий против сторонников Тараки и других лиц, не являющихся врагами революции, – сказал он еле сдерживая негодование. – Как же можно бомбить мирные кишлаки?

По вашему приказу уничтожено почти все племя Тараки?

Амин с решительным спокойствием ответил:

– Вы не знаете наш народ! Если какое-то племя взялось за оружие, оно его уже не сложит.

Единственный выход – всех уничтожить от мала до велика. Такие у нас вековые традиции.

– Но это же безнравственно и жестоко!

– Нравственно все, что выгодно для революции. У нас 10 тысяч феодалов. Мы уничтожим их, и вопрос с аграрной реформой будет решен, уверяю вас. Афганцы признают только силу.

* * *

Известие о гибели Тараки потрясло Брежнева до глубины души. Он собрал экстренное заседание членов Политбюро.

– Товарищи, Тараки убит! – сказал Леонид Ильич с дрожью в голосе. Было видно, что он искренне переживал случившееся. – И убит по приказу Амина. Это коварное убийство Амину мы не можем простить. Я воспринимаю расправу над Тараки как личное оскорбление, как вызов Амина. Всего месяц назад при возвращении из Гаваны Тараки был моим гостем. Я обещал ему всяческую поддержку, а теперь наш искренний и преданный друг мертв. Я только вчера лично просил Амина, чтобы он сохранил Тараки жизнь. Он клялся, что исполнит мою просьбу, и при этом без зазрения совести лгал. Оказывается, Тараки уже не было в живых! Какой же подонок Амин: убить человека, с которым вместе участвовал в революции! Кто же стоит во главе афганского государства? Я получил пощечину, которую невозможно проигнорировать! – решительно сказал Леонид Ильич. – Разве можно верить слову Брежнева, если его заверения в поддержке и защите – пустой звук. – Он обвел тяжелым взглядом присутствовавших, словно ища кого-то, затем уставился на Андропова и со злостью проговорил: – Вы обещали обеспечить Тараки безопасность? Что за беспомощность? Кто же у вас работает в Кабуле, что не смогли соблюсти наши интересы, сохранить авторитет Генерального секретаря ЦК КПСС, который обещал Тараки безопасность. Почему не было использовано все наше влияние и возможности, чтобы сохранить жизнь друга Советского Союза? Что там, в Кабуле делают ваши представители, которые обязаны не допустить расправы над лидером апрельской революции? Кто теперь в мире будет серьезно относиться к моим словам и заверениям?

Брежнев замолчал, и в зале заседаний повисла гнетущая тишина. Все члены политбюро в какой-то мере были повинны в том, что состоялось политическое убийство. И жажда мести притупила чувство разума.

– Подумайте, кем его заменить, – нарушил тишину Леонид Ильич. – Мы не можем иметь дело с человеком, который способен на подобное коварство и подлость. Египет, Чили, Сомали мы упустили, теперь вот Афганистан...

Андропов решил подлить масла в огонь.

– Внешняя политика Афганистана в отношении США буквально на глазах претерпела изменения, – сказал он. – Участились контакты с американским посольством. Последнее доносит в Вашингтон о благоприятном развитии событий. Группировка Амина может пойти на сговор с США, и это неизбежно приведет к появлению на юге еще одного недружественного нам режима. Этого мы не можем допустить. По нашим данным, Амин после многократных обращений к нам с просьбой ввести войска и нашего решительного отказа начал заигрывать с американцами.

– Нам нельзя больше спокойно смотреть на развязанный Амином террор против своего народа, – сказал Громыко. – Я думаю, что присутствие наших войск в Афганистане остудит горячие головы сторонников Амина, да и оппозиционных сил и, наконец, исключит возможные поползновения американцев, стабилизирует обстановку.

– Мы беседовали в Чехословакии с Бабраком Кармалем, – как бы между прочим заметил Андропов. – Он ведь был в партии вторым лицом.

– Очень хорошо, – оживился Брежнев. – Вот и готовьте его на руководителя Афганистана.

– Нам надо сменить руководителей наших представительств, – предложил Громыко. – У Амина нет доверия к людям, которые сотрудничали с Тараки.

– Это верно, – поддержал его Брежнев, – заменяйте.

Быстро подобрали подходящие кандидатуры. Посла Пузанова заменил Табеев. На пост главного военного советника вместо Горелова поехал Магометов. Обновлялись лица и на других постах.

Амин прислал в Москву телеграмму: «Леонид Ильич, прошу Вас принять меня, чтобы все объяснить лично». Но ответа не было. Решив, что его телеграммы не доходят до Кремля, Амин передал конфиденциальное письмо кремлевским руководителям. В послании он уверял в своей полной лояльности Москве и вновь просил Брежнева принять его. Но в Кремле уже сделали ставку на Бабрака Кармаля...

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

ОСОБАЯ ПАПКА

Записка в ЦК КПСС от 9 ноября 1979 года

Обстановка в Афганистане после событий 13—16 сентября с. г., в результате которых Тараки был отстранён от власти и затем физически уничтожен, остаётся крайне сложной. В стремлении укрепиться у власти Амин, наряду с такими показными жёстами, как начало разработки проекта конституции и освобождение части ранее арестованных лиц, на деле расширяет масштабы репрессий в партии, армии, государственном аппарате и общественных организациях (...).

По имеющимся данным, в настоящее время Амином готовится расправа над группой членов Политбюро ЦК НДПА (Зерай, Мисак, Пандшири), которым предъявляются вымышленные обвинения в «антипартийной и контрреволюционной деятельности». На состоявшемся недавно Пленуме ЦК НДПА Амин взял в руководящие органы партии наиболее преданных ему лиц, в том числе ряд своих родственников (...).

В последнее время отмечаются признаки того, что новое руководство Афганистана намерено проводить «более сбалансированную политику» в отношениях с западными державами. Известно, в частности, что представители США на основании своих контактов с афганцами приходят к выводу о возможности изменения политической линии Афганистана в благоприятном для Вашингтона направлении.

С учётом изложенного и, исходя из необходимости, сделать всё возможное, чтобы не допустить победы контрреволюции в Афганистане или политической ориентации Амина на Запад, представляется целесообразным придерживаться следующей линии:

1. Продолжать активно работать с Амином и в целом с нынешним руководством НДПА и ДРА, не давая Амину поводов считать, что мы не доверяем ему и не желаем иметь с ним дело. Использовать контакты с Амином для оказания на него соответствующего влияния и одновременно для раскрытия его истинных намерений (...).

6. Находящимся в Афганистане советским воинским подразделениям (узел связи, парашютно-десантный батальон, транспортные эскадрильи самолётов и вертолётов), а также отряду по охране советских учреждений продолжать выполнять поставленные задачи (...).

При наличии фактов, свидетельствующих о начале поворота Х. Амина в антисоветском направлении, внести дополнительные предложения о мерах с нашей стороны.

А. Громько, Ю. Андропов, Д. Устинов, Б. Пономарёв».

В Москве начали спешно формировать новое правительство Афганистана. Его основу должны были составить опальные министры, поэтому Андропов приказал нелегально вывезти их в Советский Союз. В подмосковной Балашихе умельцы соорудили три контейнера, похожие на ящики с оружием, но только значительно длиннее. В крышках и по бокам просверлили отверстия, чтобы министры не задохнулись, на дно постелили полосатые бело-красные матрасы. Контейнеры погрузили в крытую машину и доставили ее 18 сентября на авиабазу Баграм транспортным самолетом «Аэрофлота». А с Баграма автомобиль направился в Кабул на арендованную у афганцев виллу, где прятали опальных министров под охраной 17 офицеров КГБ. Из Советского Союза специально прислали гримера, который изменил их внешность в соот-

ветствии с фотографиями заранее подготовленных советских паспортов для пересечения государственной границы. Одели министров в спецназовскую форму, чтобы выдать за своих.

Непосредственно операцией руководил Богданов. Он собрал подчиненных на инструктаж:

– Легенда нашей операции: мы выезжаем в отпуск в Союз. В грузовике лежит багаж, личные вещи. В автобусе едут сами специалисты и провожающие помочь погрузить вещи в самолет. В автобусе шесть человек и шесть в грузовике. Для подстраховки рядом с нами будут идти «Жигули» и УАЗик. Там семь наших. Итого: два десятка хорошо вооруженных и обученных бойцов. В случае чего, конечно, отпор мы дадим, но нам нужно добраться без приключений до Баграма и загрузить три ящика в самолет. Вот и все. Таков приказ. И мы его выполним любой ценой! Если будет заварушка, то в любом случае грузовик с контейнерами должен прорваться к авиабазе.

В середине дня во двор виллы въехал крытый тентом грузовик с местными номерами. Он привез контейнеры. Ворота на всякий случай подперли автобусом, контейнеры споро перетаскивали в дом. Опальные министры залезли в них, прихватив с собой по автомату и фляге с водой. Они сотворили афганскую революцию, а сейчас вынуждены убегать от нее в деревянных гробах, но живыми, опасаясь, чтобы их мертвыми не завернули по афганским обычаям в ковер. Гулябзой выбрал себе короткоствольный «Хеклер и Кох». Видимо, посчитал, что из него сподручнее стрелять в стесненном пространстве.

– Ну, с богом! – сказал Валерий Курилов и наглухо заколотил крышку ящика гвоздями-шестидесяткой.

Во втором ящике лежал Ватанджар с автоматом Калашникова. Дюжие молодцы подхватывали потяжелевшие контейнеры, выносили из дома и грузили в кузов машины.

Закидайте сверху картонными коробками, чтобы не так было заметно, – распорядился Валерий.

В кузов запрыгнули подчиненные Далматова. У каждого автомат, пистолет, гранаты и два боекомплекта. Тент наглухо закрыли, затянули веревкой.

В автобус сели офицеры в гражданке. Оружие положили на пол и прикрыли куртками, брезентом. Дежурный распахнул ворота, и колонна выехала на улицу. Долго петляли по переулкам и только затем вышли на проспект Дар-уль-Аман.

– К колонне пристал автомобиль афганской «наружки», – сказал подчиненным Долматов. – Будьте наготове.

На КПП при выезде из Кабула афганцы остановили колонну для досмотра. Наблюдавший в щелку Долматов тихо предупредил:

– К нам идут... Всем приготовиться. Без моей команды не стрелять!

Афганский офицер, высокий сухощавый молодой парень с тщательно ухоженными усами, подошел к кабине и о чем-то спросил водителя. В кузов долетал приглушенный тентом голос переводчика Нурика, однако разобрать слова было трудно. Потом офицер подошел к автобусу. Афганские солдаты лениво глазели по сторонам, немного отстав от него. В узенькую щелку, образовавшуюся на стыке, Курилов тоже напряженно наблюдал за происходящим. Не заходя в автобус, лейтенант заглянул в салон через переднюю дверь. Тут открылась задняя дверь и из нее вышли два наших сотрудника, подошли к афганцу вплотную. Не обнаружив ничего подозрительного, лейтенант снова подошел к заднему борту грузовика, попытался отогнуть туго прихваченный веревкой край брезента.

– В кузове ящики, личные вещи советских специалистов, – сказал по-афгански Нурик.

Лейтенант все же развязал веревку, оттянул тент, правой рукой ухватился за борт и приподнялся на цыпочках. Вытянув шею, он пытался рассмотреть, что находится в кузове. Но ничего не было видно, и он левой ногой стал на буксирный крюк, чтобы пролезть под брезентом, и вдруг скривился от боли. Его правую кисть придавил тяжелый спецназовский боти-

нок Долматова. Афганец попытался выдернуть руку, но ботинок давил все сильнее. Он поднял глаза и увидел направленную в лоб пахнущую оружейной смазкой бездонную дыру автоматного ствола со скошенным компенсатором. Долматов поднес указательный палец к губам. Лейтенант вдруг увидел еще несколько направленных на него автоматов. Лицо его посерело, зрачки расширились от ужаса, и он безвольно опустил левую ногу на землю. С лица градом покатались крупные капли пота. Челюсть медленно отвисла, в уголке рта вскипела белая пенка слюны. Сзади стояли еще двое здоровенных шурави со зловещими физиономиями. Наверняка с оружием... Опустив глаза, лейтенант обреченно кивнул головой. Долматов кивнул в ответ и убрал ботинок с побелевшей кисти афганца. Опустив голову и не снимая руки с борта, он стоял у грузовика, приходя в себя. А затем, переставляя непослушные ноги, словно на ходулях, пошел прочь. Затем что-то злобно крикнул солдатам и махнул рукой. Полосатый шлагбаум поднялся, и колонна выехала из Кабула.

После КПП к колонне присоединилась машина с советскими военными советниками с авиабазы и до Баграма доехали без приключений. Две машины афганской «наружки» долго тянулись за колонной и отстали только при въезде в город. Наконец, машины вырулили на бетонку аэродрома, и все вздохнули с облегчением. Огромный транспортный Ан-12 с эмблемой Аэрофлота ждал их на дальней стоянке. По мере того как колонна подъезжала к нему, открывалась задняя рампа. Из бокового люка на бетонку прыгнули спецназовцы с автоматами наготове и большими рюкзаками за спиной. Они быстро заняли круговую оборону. Как только край рампы коснулся бетона, грузовик, взревев, въехал по направляющим в чрево самолета. Внутри засуетились техники в синих комбинезонах, ставили под колеса колодки, цепями закрепили машину, и уже через несколько минут самолет покатил по взлетной полосе, дрожа от напряжения и слегка подпрыгивая на стыках. Вибрирующий дюралевый пол начал крениться, и самолет взлетел, круто забирая вверх, взял курс на север.

Курилов достал штык-нож, лезвием поддел крышку ближайшего ящика и поднатужился. Гвозди вылезали нехотя, но все же образовалась небольшая щель. Упершись ногой в край ящика, Валерий ухватился за крышку и с силой потянул ее вверх. Гвозди со скрипом вылезали из дерева. Крышка оторвалась, и он увидел лежащего на матрасе Гулябзоя с автоматом в руках. Он был мокрый до ниточки от пота, но жив. Вскочив, бросился обнимать Курилова:

– Я спасен! Спасибо, шурави!

Вырываясь из объятий, Валерий начал спешно срывать крышку второго контейнера, затем третьего. Ватанджар тоже был мокрый от пота, но жив и радостно возбужден. Все радовались спасению министров.

Самолет зашел на посадку, и благополучно приземлившись, долго катил по бетонке. Наконец, остановился, заехав на самую дальнюю стоянку, подальше от любопытных глаз. Техники открыли боковой люк, скинули металлический трап. Курилов подошел к люку. Держа наготове автомат, выглянул, осматривая аэродром, и по надписи на вокзале понял, что приземлились в Ташкенте. Неподалеку стояли четыре черных волги, два уазика и машина скорой помощи. Хотя встречающие были в штатской одежде, при галстуках, но наметанным глазом он определил: «Похоже, первый Главк приехал».

Министры в спецназовской форме спустились по лесенке вниз. Они сразу посуровели, стали какими-то чужими, отстраненными и только влажная одежда свидетельствовала, что им пришлось пережить. Их развели по волгам и кортеж, резко набирая скорость, рванул в сторону города. С 18 сентября по 14 октября они жили в отдельном двухэтажном особняке ЦК компартии Узбекистана, отгороженным от мира высоким забором. Затем на самолете их отправили из Ташкента в Болгарию, где они жили на специальной вилле у Черного моря в ста километрах от Варны. А в Кабуле распространили слух, что после исчезновения из Афганистана министры были замечены в Иране.

В начале ноября в Москву сотрудники КГБ доставили всех членов будущего правительства Афганистана: Бабрак Кармаль и Анахита Ротебзад приехали из Чехословакии; Ватанджар, Гулябзой и Сарвари – из Болгарии. Они приступили к формированию общей политической линии нового руководства и разработке конкретных планов по устранению Амина и его клана от власти. Вся работа проходила под неусыпным оком ЦК КПСС.

Подготовка советских войск к вводу в Афганистан тоже шла своим ходом. В ноябре провели от мобилизацию войск Туркестанского военного округа. В 5-ю дивизию в Кушке и 108-ю дивизию в Термезе призывали из запаса военнослужащих зрелого возраста, которые имели семьи, детей. В «мусульманском» батальоне снова появились крепкие мужчины в «гражданке» и резко изменили программу боевой подготовки: вместо обороны зданий начали учить спецназовцев их штурмовать. Если раньше большая часть личного состава обороняла здания, а небольшие группы любыми путями стремились проникнуть в них, то теперь с утра и до вечера основные силы учились карабкаться на покрытые копотью напалма стены, лезли в проемы окон, прыгали по разрушенным пролетам лестничных маршей. Выезжали спецназовцы на занятия в советской форме, а уже на полигоне переодевались в афганскую без знаков различия. Впрочем, тогда они даже не знали, что она афганская. Старались ни у кого, ни о чем не спрашивать. Отзанимались, иностранную одежду сняли, сложили в грузовик, а свою вновь надели и домой. Офицерам батальона начали выделять квартиры в Чирчике, отправлять в отпуска.

Часть вторая

ЖАРКИЙ ДЕКАБРЬ

Глава 7. ТАЙНА ОРЕХОВОЙ КОМНАТЫ

В кабинет Косыгина вошел офицер спецсвязи с секретной почтой и положил на стол пачку документов. Алексей Николаевич тут же вскрыл первый конверт и начал читать:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

ОСОБАЯ ПАПКА Согласовано на заседании Политбюро ЦК КПСС

Записка в ЦК КПСС от 6 декабря 1979 года

С учётом усложнившейся обстановки и просьбы Х. Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей специальный отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью около 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооружённым Силам СССР. Возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 19. 06. 1979 г. №11156 / К.

В связи с тем, что вопросы о направлении отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолётами военно-транспортной авиации в первой декаде декабря с. г. Тов. УСТИНОВ Д.Ф. согласен, чтобы 29 декабря 1979 года подразделения Советской Армии пересекли афганскую границу.

Ю. Андропов, Н. Огарков»

Косыгин еще раз внимательно перечитал записку и тяжело вздохнул. На всех заседаниях Политбюро он четко и однозначно высказывался против ввода советских войск в Афганистан. «А тов. Устинов, значит, согласен, чтобы наши солдаты встретили Новый 1980 год в Кабуле». Как председатель Совета министров, Алексей Николаевич хорошо понимал все последствия такого шага, и материальные, и политические. «Значит, все мои доводы не возымели действия», – подумал он и позвонил Огаркову:

– Николай Васильевич, тут мне документ о направлении нашего спецотряда ГРУ в Афганистан принесли. Но это мы вроде все согласовали. Меня другое удивляет: Устинов не против, чтобы наши войска 29 декабря пересекли афганскую границу. А вы-то сами как относитесь к вводу?

– Категорически против! – решительно сказал Огарков. – Поддерживаю любые другие действия, в том числе материальные и финансовые затраты, но только не ввод войск.

– Я так понимаю, что решение о вводе все-таки готовится, – медленно проговорил Косыгин. – И если вы против, то убедите Дмитрия Федоровича, что делать это нельзя, несмотря на устремления американцев влезть в Афганистан. Будут очень тяжелые последствия для всей нашей страны.

– Да я уже говорил ему об этом, и не раз, – толку мало!

– А вы еще раз попытайтесь, – настаивал Алексей Николаевич. – Вы же Генштаб – мозг армии! Не может он так просто отмахнуться от вашего мнения.

После разговора с Косыгиным Огарков тут же вызвал к себе Варенникова и решительно сказал:

– Нам необходимо еще раз попытаться убедить министра, что вводить войска нельзя. Подготовь справку-обоснование.

Через час Варенников зашел с двумя исписанными листами бумаги. Огарков быстро посмотрел их, добавил кое-что от себя и позвонил Устинову:

– Товарищ министр обороны, мне надо доложить ряд документов.

– Готов встретиться, – ответил Устинов, не подозревая об истинной цели визита.

Записку об Афганистане Огарков подавал последней, так как предвидел, что могут быть трения.

– А это что? – спросил Устинов, глянув на него исподлобья.

– Обоснование, почему нецелесообразно вводить войска в Афганистан, – ответил Огарков, стараясь сохранять спокойствие.

Устинов вдруг взорвался:

– Вы постоянно строите какие-то козни! Систематически саботируете мои решения! А сейчас вам уже не нравится то, что готовит руководство страны. Это не ваше дело. Все решает Политбюро! Ваше дело – штаб.

– Вы заблуждаетесь! – сдерживая волнение, ответил Огарков и с достоинством в голосе добавил: – Генеральный штаб Вооруженных Сил – не канцелярия министра, а главный орган государства по управлению армией, флотом и обороной страны как в мирное, так и в военное время. И Генштаб обязан знать все, что касается Вооруженных Сил. Кстати, Дмитрий Федорович, в военное время должность министра обороны упраздняется, а Генштаб подчиняется Верховному Главнокомандующему, которым является глава государства.

– Ах, так вы хотите командовать Вооруженными Силами Советского Союза, – взвился Устинов. – Может, вам и Политбюро подчинить? Вы хотите всю власть в стране захватить? Не выйдет!

Огарков опешил от этих обвинений.

– Да не хочу я ничего захватывать, – сказал он примирительно. – Просто я вижу, что вы решили низвести Генштаб до уровня своей канцелярии. Я уже не один раз повторял: этого делать нельзя! Такими действиями вы наносите ущерб лично себе, своему авторитету, бросаете незаслуженную тень на Генеральный штаб. Я понимаю, что у вас появилась неприязнь ко мне. Но личные отношения можно было бы отделить от Генштаба, а не перекладывать его на моих подчиненных. Вы никак не можете смириться с тем, что министр обороны и Генштаб выступают на равных, что у начальника Генштаба может быть совершенно иное, чем у министра обороны, мнение.

– Я больше разговаривать с вами не намерен! – раздраженно перебил его Устинов и ушел в комнату отдыха, хлопнув дверью.

Не чуя ног, Огарков буквально влетел в кабинет Варенникова, швырнул папку на стол. Лицо его было покрыто красными пятнами. Чтобы хоть как-то успокоится, маршал подошел к окну и неподвижно смотрел на улицу невидящим взглядом.

– Что случилось? – участливо спросил Варенников, прервав затянувшееся молчание.

– Скандал, Валентин Иванович, – медленно проговорил Огарков, все также уставившись в окно. – В полном смысле слова – скандал. Видели бы вы, что там было! В чем он меня только не обвинял! Хорошо хоть, что мы были вдвоем.

– Товарищ маршал, – Варенников подбирал слова, чтобы не травмировать уязвленное самолюбие начальника, – то, что министра прорвало, – этого следовало ожидать. Конечно, это неприятно и ему, и вам, но когда-то это должно было случиться. Он успокоится, и отношения станут хотя бы внешне нормальными. Зато теперь вы знаете, что у него в голове. Да и ему, наконец, стало ясно, что такое Генштаб. В этой обстановке, я думаю, вам было бы удобно позвонить Громыко или Андропову, а может быть, тому и другому, и предложить, чтобы они выслушали и вашу позицию. При этом можно было бы намекнуть, что одному Дмитрию Федоровичу делать выводы по вашему докладу будет неудобно, так как здесь затрагиваются политические аспекты.

– Да-да, мне надо переговорить с ними именно сейчас, – согласился Огарков и решительно направился в свой кабинет.

Утром ему позвонил Устинов и, как ни в чем не бывало, сказал:

– Николай Васильевич, вам к одиннадцати часам необходимо быть в Кремле в Ореховой комнате. Состоится встреча членов Политбюро, и вы доложите им свои взгляды на афганскую проблему.

В Ореховой комнате обычно собирались члены Политбюро до начала совещания. На встречу пришли Андропов, Громыко и Устинов. Несколько позже к ним присоединился Сулов. Все они были прекрасно осведомлены о положении в Афганистане, каждый имел свой канал информации, но по настоянию Устинова выслушали и позицию Огаркова.

Вернувшись в Генштаб, он пригласил к себе Ахромеева, Варенникова и подробно проинформировал их о встрече.

– Я двадцать минут докладывал и час отвечал на вопросы, – подытожил он свой рассказ. – Активно себя вел только Андропов. Громыко задал три-четыре вопроса. Устинов вообще ни о чем не спрашивал – ему, видимо, все ясно.

– Но вы почувствовали, к какому решению они склонны? – спросил Варенников.

– Как-то однозначно сказать нельзя, – Огарков в раздумьях потер подбородок, – но то, что и Громыко, и Андропов нервничали, – это было видно, особенно когда я говорил о возможных последствиях для Советского Союза ввода войск в Афганистан.

– Еще бы не нервничать! – воскликнул Варенников и предложил: – Наверное, надо бы сообщить Алексею Николаевичу Косыгину о вашей встрече?

– Да, я сейчас позвоню и ему, и другим товарищам, – сказал Огарков. – Я чувствую, что руководство страны фактически уже у порога принятия решения о вводе наших войск в Афганистан. Думаю, что не только Устинов согласен на ввод войск, но и Леонид Ильич. Давайте попробуем еще раз встретиться с Дмитрием Федоровичем и уговорить его не делать этого.

Министр на разговор согласился, пригласил на него Епишева. Он слушал Огаркова не перебивая, однако на его скучающем лице можно было прочесть: «Ну, зачем ты мне все это говоришь? Уже все решено, и я не намерен что-то менять!» Когда Николай Васильевич закончил выступление, министр спросил Епишева:

– Алексей Алексеевич, у тебя вопросы есть?

– Да нет у меня вопросов, – ответил тот, и, с деланным возмущением добавил: – У товарища Огаркова всегда свое особое мнение.

– Это верно, – согласился Устинов. – Я учту позицию Генерального штаба.

Когда уже собрались уходить, Варенников решил поддержать начальника, горячо проговорил:

– Товарищ министр обороны, это последний шанс остановить надвигающуюся беду. Мы очень надеемся на вас.

Огарков решительно добавил:

– Афганцам надо дать возможность самим разобраться в своих делах. Наша армия тут не поможет.

8 декабря Огаркова снова пригласили на совещание в Ореховую комнату. В течение часа он старался убедить членов Политбюро не вводить войска. Но напрасно старался. Андропов, Громыко, Устинов и Сулов хотели полнее вооружиться к совещанию с участием Брежнева. Но не для того, чтобы его отговаривать. Пружина войны уже была спущена и все крутилось только по ей ведомым законам. В Кремле понимали, что без советских войск устранить Амина от власти трудно. Полагаться только на внутреннюю оппозицию рискованно: власть может оказаться в руках исламистов, с которыми не по пути. И где гарантии, что афганская армия поддержит Бабрака Кармала? В воинских частях, отрезанных от своих штабов, то и дело вспыхивали вооруженные мятежи. Восстаниями охвачены более половины провинций страны. Сумеет ли он отразить натиск вооруженной оппозиции, которая контролирует половину территории Афганистана, свыше 10 миллионов человек.

Глава 8. БАГРАМСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Заместитель начальника группы «А» 7-го управления КГБ СССР майор Романов вызвал к себе майора Изотова.

– Поедешь в командировку на три дня, – сказал он безапелляционным тоном. – Возьмешь с собой Головатова, Картофельникова и Виноградова. Спускайтесь вниз, там вас ждет машина.

– Михаил Михайлович, а командировочные? – недовольно проговорил Изотов, – у нас же денег ни копейки. Что мы три дня как медведи лапу сосать будем?

– Некогда с этим возиться. Крючков ждет.

– Тогда займи. Вернемся, отдадим.

– Сто рублей хватит?

– Вполне.

Изотов, зажав сотню в кулак, с Головатовым забежали в продуктовый магазин, купили копченой колбасы, сыра, рыбных и мясных консервов. Вскоре их повезли в Серебряный Бор, на дачу Первого главного управления КГБ. Крючков привел в комнату смуглых мужчину и женщину, похожих на жителей Средней Азии, и сказал Изотову:

– Юрий Антонович, отвечаете за них головой. Если хоть один волос упадет с их головы, то вы потеряете свою голову. – Изотов насторожился, понимая, что это не шутка. Крючков, несколько смягчив тон, представил незнакомцев: – Кармаль, Анахита. А это наш сотрудник майор Изотов и его помощники. Будут вас охранять. Прошу любить и жаловать.

Кармаля привезли во Внуково и посадили на самолет Ту-134 Андропова.

– Куда летим? – спросил летчиков Изотов.

– На юго-восток, – неопределенно ответил командир экипажа и заговорщицки подмигнул. Изотов понял, что лучше бы и не спрашивал.

Прилетели в Ташкент. Афганцев повезли на дачу члена Политбюро ЦК КПСС Рашидова. Там они пробыли один день и вылетели в Баграм. Самолет шел на посадку, выпустил шасси и готов был коснуться бетонки, как вдруг на всем аэродроме погас свет. Ярый сторонник Амина начальник авиабазы Хаким заподозрил неладное и выключил освещение, решив таким образом устроить авиакатастрофу. Но летчики не растерялись. Два столпа света бортовых фар выхватили из кромешной темноты стремительно набегающую взлетно-посадочную полосу.

– Выбросить тормозной парашют! – скомандовал командир экипажа.

Тут же за хвостом самолета вспухло белое шелковое облако, но он упрямо продолжал катиться почти до самого края бетонки. После остановки самолета кагебисты выскочили из него и заняли круговую оборону в готовности вступить в бой. Но здесь их уже ждали руководитель оперативной группы ВДВ генерал Гуськов, представители советского посольства. Они подошли с фонариками к самолету, поднялись по приставной лестнице в салон принимать пассажиров. Их было 19 человек. Всех посадили на машины и привезли в расположение советских десантников.

Несколько раньше таким же секретным рейсом из Москвы сюда прибыли Н. А. Нур, А. М. Ватанджар, С. М. Гулябзой, А. Сарвари. Кармаля и его соратников разместили рядом со спецназовцами в капонирах. На следующий день всех свозили на вещевой склад, одели в длинные шинели времен Великой Отечественной войны. Подпоясанные брезентовыми ремнями, в кирзовых сапогах и солдатских шапках-ушанках они заметно выделялись среди советских военнослужащих. Питались афганцы в одной столовой с солдатами, но никаких контактов.

Анахита с Бабраком жили в одной землянке. Мороз под 25 градусов, условий никаких. Рядом находились кагебисты. По двое два часа стояли на посту, два часа отдыхали. Еду приносили из десантного батальона. Котелок с гречневой кашей разогревали на «буржуйке».

Из посольства иногда привозили мед в банках, пакистанское варенье. Этими продуктами подкармливали Кармаля, Анахиту и министров.

9 декабря на аэродром Баграм в отряд специального назначения КГБ СССР «Зенит» из Чирчика прибыло подкрепление. В группу входили 18 сотрудников Первого главного управления КГБ СССР и работники территориальных органов госбезопасности. По легенде, они являлись инженерно-технической группой «мусульманского» батальона. Возглавлял вновь прибывшую группу полковник А. Т. Голубев. Численность «зенитовцев» в Афганистане составила около 150 человек. Общее руководство ими осуществлял полковник Алексей Константинович Поляков. Основной состав отряда размещался на трех виллах в Кабуле, арендованных советским посольством.

Готовился к передислокации и «мусбат». Старший лейтенант Шарипов уехал в отпуск к себе на родину в Душанбе. Через пару дней почтальон принес телеграмму: «Срочно прибыть в часть! Овчаров». «Может, ребята пошутили? – подумал он. – От Душанбе до Ташкента 45 минут лета. На верное, вызывают «отдохнуть». Они знали его веселый гусарский нрав, желание кутнуть. Решил позвонить оперативному дежурному. «Никакая это не шутка, – услышал в ответ. – Ваши зашевелились». Холодным ужом заползла в душу тревога: «Началось!» Он готовился к этому и физически, и морально, но все же наступление часа испытаний всегда волнует кровь. Первым же рейсом вылетел в Ташкент, на такси примчал в батальон. На территории военного городка увидел скопление черных «волг», людей военной выправки в «гражданке» и понял, что готовится что-то серьезное.

В приемной командира бригады дежурили посыльный солдат и человек в «гражданке». Но по всему было видно, что это офицер КГБ. Он поднял телефонную трубку, позвонил в кабинет комбрига. Дверь тут же открылась, и из нее пахло табачным дымом. В пепельницах высились горки окурков. За т-образным столом, кроме Овчинникова, сидели командир мусбата майор Холбаев, начальник штаба батальона капитан Ашуров и еще трое в «гражданке».

– Шарипов, давай быстро фамилии десяти человек, – сказал комбриг. – Только не пулеметчиков и не из состава экипажей боевых машин.

– Можно, я за штатно-должностной книгой сбегаю? – растерянно спросил офицер. – У меня в роте 120 человек и 13 БМП.

– Некогда бегать! По памяти давай!

Шарипов называл фамилии, а комбриг тут же по телефону диктовал их кому-то в Москву... Затем, посоветовавшись с далеким собеседником, сказал:

– Давай еще десять человек.

Закончив диктовать фамилии, он строго посмотрел на Шарипова:

– Теперь слушай задачу: получишь боеприпасы. По три боекомплекта на каждую единицу оружия. Но не на складе, а из своих БМП возьмешь. Получать будешь лично, понял. Пусть тебе поможет кто-нибудь из бригады. Но только не из вашего батальона, уяснил?

– Так точно!

– Выполняй!

Уже на следующее утро двадцать солдат, фамилии которых назвал Шарипов, под командованием заместителя комбата капитана Михаила Сахатова вылетели из Чирчика ставить палаточный городок. Куда? Шарипов этого не знал. Но это означало только то, что скоро снимется с места и весь «мусбат». Хафизула Амин настойчиво теребил советское руководство просьбами направить в Кабул батальон военнослужащих для охраны его новой резиденции, просил заменить афганские расчеты зенитных установок, в благонадежности которых он не был уверен, советскими расчетами. И батальон в Кабул посылали. Но только не защищать его, а убить.

Согласно первоначальным планам руководства, «мусбат» должен был выдвинуться из аэродрома Баграм и с ходу захватить резиденцию Амина, которая находилась в центре

Кабула. Всех срочно переодели в солдатскую форму. У офицеров нашивки на погонах красные, у сержантов – желтые. По званиям офицеров различали так: ефрейтор – лейтенант, младший сержант – старший лейтенант, сержант – капитан. Майор Холбаев – старшина. Вместо пистолетов ПМ выдали ТТ. Автоматы – АКМ. За день до вылета выдали получку, чтобы оставшимся семьям было на что жить. Вечером Шарипов с офицерами роты накрыли стол, выпили за удачу. А утром отправились на аэродром. Часть батальона в тот же день улетела из Чирчика. Загрузили технику – и опять в Чирчик. Личный состав, имущество отряда, включая дрова, перевозили на Ан-12, тяжелую технику – на Ан-22 «Антей». Суматоха погрузки не смогла скрыть волнения и тревоги спецназовцев. Что ждет их там, куда нацелили батальон?

7 декабря с ташкентского аэродрома стартовали в неизвестность основные силы ««мусбата». Взлетали ночью. В Ил-76 вместе со спецназовцами сидели несколько человек в летах, одетые в старую военную форму. Подумав, что это призванные из запаса, которых в обиходе называли партизанами, Шарипов подошел к одному, похлопал по круглому животу и сквозь шум двигателей прокричал:

– Не страшно, дядя? На войну вроде как летим. Судя по возрасту, ты еще в Великую Отечественную воевал...

Незнакомец инстинктивно подобрал живот, улыбнулся в ответ:

– Да нет, все нормально, не страшно.

Прилетели на рассвете. В легкой дымке утра вырисовывались крутые горные хребты. Выяснилось, что аэродром, где сели, – афганский, и находится он в 70 километрах от Кабула. Здесь же поодаль от бетонки стояли палатки «мусбата».

Шарипов неожиданно встретил «своего» «партизана»: перед ним навтыжку... стоял генерал! Заметив ротного, он по-доброму улыбнулся, спросил:

– Как дела?

Шарипов тоже непроизвольно вытянулся по стойке «смирно» и со страхом вспомнил, как запанибрата хлопал по животу человека, который командует генералами. «Вот так влип по доброте душевной», – подумал он с горечью, прикидывая, чем может обернуться его выходка в самолете.

– Да ты не тушуйся, – успокоил его «партизан». – Молодец, хорошо держишься. Давай так и дальше действуй.

Он то уж точно знал, что этому молодому офицеру мужество скоро ой как понадобится.

Холбаев собрал подчиненных, пояснил:

– Никакие это не «партизаны», а представители советского правительства и военачальники. Будьте с ними поосторожнее.

«Мусбат» и в Афганистане жил по давно установившемуся распорядку дня: в 5 утра подъем, физзарядка, утренний осмотр, обязательная тридцатиминутная политинформация, завтрак, развод, занятия. То, что правительственный переворот в Афганистане первоначально планировался на 14 декабря, никто из «мусбатовцев» не знал. Этот план знали, пожалуй, только члены Политбюро ЦК КПСС да кое-кто из руководства КГБ.

В Кабуле руководили всем только три человека: это сам Амин, начальник службы госбезопасности Асадулла, его племянник, и начальник Генерального штаба Якуб. В первую очередь необходимо было нейтрализовать эту тройку, лишить их возможности управлять армейскими соединениями и частями. А затем выдвинуть из Баграма советские подразделения и захватить важные государственные объекты в Кабуле, нейтрализовать афганские воинские части с помощью советников.

Командиром авиационного полка в Баграме был недружественно настроенный к советским военным служащим афганский подполковник Хаким. Одним лишь своим присутствием он постоянно держал в напряжении готовивших операцию. И тут подвернулся случай. В момент посадки Ил-76 на аэродроме снова внезапно погас свет. Прогуливавшегося по аэродромной

бетонке афганца кагэбэшники скрутили и, дав мощный пинок под зад, впихнули в иномарку. Машина рванула с места, и больше никто Хакима на аэродроме не видел. Став невольным свидетелем этой сцены Шарипов только подивился дерзости комитетчиков.

Глава 9. МОМЕНТ ИСТИНЫ

10 декабря Огаркова снова вызвали на заседание Политбюро. Но теперь он докладывал уже в присутствии Брежнева и заметно волновался, хотя внешне это никак не проявлялось.

Леонид Ильич сидел во главе стола и молча слушал, периодически шамкая губами. Кажется, что он думал о чем-то своем. Но когда Огарков перешел к прогнозам возможных изменений международной обстановки, он оживился. Лохматые брови приподнялись, выдавая неподдельный интерес.

– Введением войск в Афганистан наша политика усилит конфронтацию в «третьем мире», – горячо говорил Николай Васильевич. – Выгоды от этой акции будут незначительными по сравнению с ущербом, который она нанесет нашим интересам. В дополнение к двум фронтам противостояния – в Европе против НАТО и в Восточной Азии – против Китая, возникнет третий опасный очаг военно-политической напряженности на южном фланге СССР в невыгодных географических и социально-политических условиях. Произойдет значительное расширение и консолидация антисоветского фронта государств, опоясывающих СССР с запада до востока. Значительно снизится влияние Советского Союза на движение неприсоединения, особенно на мусульманский мир. Будет заблокирована разрядка и ликвидированы политические предпосылки для ограничения гонки вооружений. Западная пропаганда получит сильные козыри для расширения кампании против Советского Союза в целях подрыва его престижа в общественном мнении Запада, развивающихся государств, а также социалистических стран. Уже заметно дистанцирование от Советского Союза Югославии, Румынии и КНДР. В печати Венгрии и Польши впервые открыто обнаружилось признаки сдержанности в связи с акциями Советского Союза в Афганистане. В этом, очевидно, нашли свое отражение настроения ответственности и опасения руководства быть вовлеченными в них. Это заметили западные державы, и перешли к тактике активного вторжения в сферу отношений между Советским Союзом и социалистическими странами, открыто играя на противоречиях и несовпадении интересов между нами. Наконец, на Советский Союз ляжет бремя экономической и другой помощи Афганистану в значительно больших размерах, чем мы это делаем сейчас.

В целом афганский народ настроен к нам дружелюбно. Однако отдельные, верные Амину, части афганской армии могут оказать сопротивление, – привел Огарков веский довод. – Офицеры обучались у нас, имеют боевой опыт, в отличие от наших командиров.

Как итог: ввод войск только обострит ситуацию. Мы восстановим про тив себя весь исламский мир и политически проиграем во всем мире...

– Занимайтесь военным делом, – перебил его Андропов, – а политикой займемся мы, партия, Леонид Ильич!

– Я начальник Генерального штаба...

– И не более! – зло бросил Андропов. – Вас пригласили не для того, чтобы выслушивать ваши сентенции, а чтобы вы записывали указания Политбюро и организовали их выполнение.

Устинов промолчал. Создавалось впечатление, что с Брежневым они все давно обговорили, и решение уже принято. А все эти обсуждения нужны только для того, чтобы склонить на свою сторону остальных членов Политбюро.

В конце заседания Леонид Ильич с какой-то неуверенностью в голосе сказал:

– Очевидно, надо что-то вводить... Давайте на пару месяцев введем и посмотрим. Думаю, за это время все уляжется и к весне войска вернутся на Родину. Должны же мы как-то отреагировать на просьбы афганской стороны.

К какой весне вернутся солдаты на родину – тогда никто не знал. Неуверенность в голосе Генсека несколько приободрила Огаркова, который все еще надеялся, что сможет переломить ситуацию.

12 декабря он пригласил к себе в кабинет Ахромеева и Варенникова, решительно сказал:
– Предлагаю вам подписать доклад министру обороны об оценке обстановки в Афганистане и вокруг него, а также предложения Генштаба.

Читая доклад, Варенников обратил внимание на заключительные строки: «Учитывая, что еще не исчерпаны все возможности самого правительства Афганистана по созданию стабильной обстановки в стране, Генеральный штаб предлагает от ввода наших войск на территорию этого суверенного государства воздержаться, что соответствует ранее принятому решению руководства СССР и позволит избежать тяжелых политических, экономических, социальных и военных последствий».

Ахромеев молча подписал документ, Варенников тоже поставил свою подпись, многозначительно взглянув на Огаркова. Тот решительно сказал:

– Теперь – к министру. Я с ним уже договорился, что придем втроем. Правда, я не говорил, по какому поводу.

Устинову и самому не трудно было догадаться, зачем начальник Генштаба ведет с собой подкрепление.

– Мы подготовили документ на ваше имя, – сказал Огарков и подал доклад министру.

Устинов начал медленно читать, делая пометки на полях. Внешне он был спокоен. Закончив читать, взял на столе красные корочки, вложил туда листы доклада. Затем расписался вверху на первой странице, приговаривая:

– Это вам для прокурора. Вы опоздали. Решение уже состоялось.

Он закрыл корочки и спокойно вернул доклад Огаркову, уверенный в своей правоте. Тот от неожиданности широко развел руками:

– Дмитрий Федорович, но Генштабу ничего по этому поводу не известно! Ведь наши действия в мире могут быть расценены как экспансия. – Еще раз повторяю: решение о вводе состоялось, – в голосе Устинова появились металлические нотки. – Вашу позицию члены Политбюро учли. Поэтому вам сейчас надо не обсуждать действия Политбюро, а их выполнять! Или вы против курса политики партии?!

– Никак нет! – опешив от такого вопроса, по-военному ответил Огарков.

Устинов дал понять, что разговор окончен. Утром он вместе с Андроповым и Громыко написали письмо Брежневу с предложением ввести войска в Афганистан. В итоге его обсуждения на свет появился любопытный документ.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» ОСОБАЯ ПАПКА

Председательствовал тов. Л. И. Брежнев.

Присутствовали: Сулов М. А., Гришин В. В., Кириленко, А.П., Пельше А. Я., Устинов Д. Ф., Черненко К. У., Андропов Ю. В., Громыко А. А., Тихонов Н. А., Пономарев Б. Н.

Постановление ЦК КПСС «К положению в «А».

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю. В., Устиновым Д. Ф., Громыко А. А.

Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить коррективы непринципиального характера. Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю. В., Устинова Д. Ф., Громыко А. А.

2. Поручить тт. Андропову Ю. В., Устинову Д. Ф., Громыко А. А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

№997 (1 л.) Секретарь ЦК Л. Брежнев. П. 176/125 от 12/XII».

Постановление так засекретили, что непосвященным невозможно было догадаться, о чем идет речь. Литерой «А» обозначался Афганистан, под «мероприятиями» подразумевался ввод войск. Постановление собственноручно написал Черненко, и его даже не осмелились перепечатать в секретариате.

Когда решение было принято, к Брежневу зашел Громыко.

– Леонид Ильич, наверное, ввод наших войск стоит оформить как-то и по государственной линии? – сказал он, подсаживаясь к столу.

Брежнев поднял телефонную трубку и медленно проговорил:

– Михаил Андреевич, не зайдешь ли ко мне? Есть нужда посоветоваться.

В кабинете тут же появился Сулов.

– Члены Политбюро предложили ввести наши войска в Афганистан, – сказал ему Брежнев. – В сложившейся обстановке, видимо, нужно принимать решение срочно – либо игнорировать просьбы Афганистана о военной помощи, либо спасти народную власть и действовать в соответствии с советско-афганским договором.

Сулов сразу сообразил, что от него хочет услышать генсек, открыл папку, заглядывая в нее, сказал:

– У нас с Афганистаном 5 декабря 1978 года подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Им предусматривается, что СССР и Афганистан будут консультироваться и с согласия обеих сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран. В целях укрепления обороноспособности сторон развивать сотрудничество в военной области. Надо наши обязательства по договору выполнять, раз уж мы так решили. А на заседании ЦК эту ситуацию обсудим позднее.

Брежнев согласно кивнул головой.

Члены Политбюро завизировали документ, кроме Косыгина. Он наотрез отказался ставить под ним свою подпись. Но с этого момента у Алексея Николаевича произошел полный разрыв с Брежневым и его окружением.

* * *

Генштабисты вышли из кабинета Устинова в расстроенных чувствах. Ахромеев остался в приемной министра, о чем-то тихо заговорил с Илларионовым.

– Если решение состоялось, то надо готовить директиву в войска, – сказал Огарков и затем с горечью добавил: – У меня такое впечатление, что инициатор всей этой затеи с Афганистаном – наш министр. Никак не пойму: зачем старику эта война? Или решил заступиться за своего друга Брежнева?

– Вполне возможно, – согласился Варенников. – Время покажет. Но вы сами говорили, что он хоть и поддерживал предложение воздержаться от ввода наших войск, но без энтузиазма и только тогда, когда к нему обращались непосредственно.

Как только Варенников зашел к себе в кабинет, затрезвонил прямой телефон Огаркова. Он снял трубку и услышал голос шефа:

– Валентин Иванович, пока вы поднимались, я уже переговорил с министром. Точнее, он мне позвонил и потребовал подготовить директиву о вводе наших войск в Афганистан. Видно, Сергей Федорович подсказал помощникам, что такой документ нужен. Подготовьте проект директивы, и заходите с ним ко мне.

В соответствии с директивой, в ночь с 11 на 12 декабря 108-я мотострелковая дивизия была поднята по тревоге и сосредоточилась в учебном центре. 180 мотострелковый полк вышел на прикрытие госграницы. 13 декабря была сформирована оперативная группа министерства обороны СССР и на следующий день она уже была в Термезе, на советско-афганской границе и начала подготовку ввода войск.

Генерал-полковник Магомедов докладывал по спецсвязи Устинову военную обстановку в Афганистане, когда тот перебил его вопросом:

– Как идет подготовка к выполнению плана по отстранению от власти Амина?

Этот вопрос министра обороны поставил Магомедова в тупик.

– О каком плане идет речь?

Устинов некоторое время молчал, видимо соображая, что посоветовать, и решительно сказал:

– Уточните все детали у генерал-лейтенанта Иванова.

Однако когда Магометов обратился к спецпредставителю КГБ, тот недоуменно пожал плечами:

– Не имею ни малейшего понятия!

– Мне об этом сказал Устинов...

Через некоторое время Иванов, переговорив с Андроповым, пригласил Магометова, показал ему разработанный сотрудниками КГБ план операции. Для захвата объектов выделялись: резиденция Амина – рота «мусульманского» батальона, взвод 9-й парашютно-десантной роты, взвод АГС-17, взвод ЗСУ-23-4 и группа «Зенита» (22 чел.); здание Министерства обороны – рота (без взвода); штаб Центрального армейского корпуса – взвод десантников; радиоцентр – рота (без взвода); штаб ВВС – парашютно-десантный взвод; здание Министерства внутренних дел – парашютно-десантный взвод; здание контрразведки – отделение; тюрьма в Пули-Чархи – парашютно-десантный взвод; 4 и 15 танковые бригады – 4-я рота «мусульманского» батальона и батарея ПТУРС; 7-я пехотная дивизия – рота; 8-я пехотная дивизия – рота; 88-я артиллерийская бригада – взвод; 37-й полк «командос» – рота (без взвода); 26-й парашютно-десантный полк – рота (без взвода). На каждый объект направляются также диверсанты-разведчики из «Зенита» и пограничники.

Прочитав все это, Магометов решительно сказал:

– Это не план, а «филькина грамота».

– Вам предстоит эту «филькину грамоту» претворять в жизнь, – ответил Иванов. – Лучше подумайте, как все сделать по уму.

Поздно вечером 12 декабря Магометов приехал в Баграм и показал генералу Гуськову разработанный на карте план операции по захвату ключевых объектов в Кабуле. Тот, внимательно изучив карту, решительно глядя в глаза Магометову, спросил:

– Как же вы могли утвердить такой план?

– Да я его сам только перед приездом в Баграм увидел, – словно оправдываясь, ответил Магометов и добавил: – И все же, план нужно выполнять. Поставьте задачи командирам перечисленных подразделений, которые находятся в вашем подчинении.

– Да, ну и задачку вы мне подбросили, – почесал макушку Гуськов.

Магометов уехал в Кабул, а он вызывал командиров подразделений, каждому отдельно ставил боевые задачи. Шарипову предстояло захватить Кабул-радио и Кабул-телевидение. На это выделялся один взвод плюс штатные БМП. Что будут делать в Кабуле его взводные – он даже не представлял. Каждый знал только свою роль в сценарии, который сочинили где-то наверху.

Утром офицеров повезли в Кабул на рекогносцировку. Машина по виду напоминала «санитарку», но сидения были мягкие, как в микроавтобусе. За рулем – офицер КГБ, «гид» – тоже комитетчик. С Шариповым взаимодействовал офицер КГБ подполковник Анатолий Рябинин.

– Я работал в Афганистане «инженером», – сказал он Шарипову, – и прекрасно знаю Кабул. А ты смотри внимательно.

«Гид», услышав это, сразу предупредил:

– Головами не крутите. Чей объект – только тот и смотрит. Теперь по порядку. Слева перед въездом в столицу стоит танковый батальон. Мимо него никак не проскочить. Поэтому до КПП идем общей колонной. А дальше все действуют по своим задачам.

Микроавтобус долго колесил по городу на небольшой скорости, чтобы спецназовцы успели хорошо рассмотреть свои объекты. После рекогносцировки их повезли на арендован-

ную посольством виллу пообедать. Шарипов с Рябининым помыли руки, и пока шли в столовую, переглянулись.

– Я вообще удивляюсь, насколько бестолково операция спланирована, – прошептал Рябинин. – Надо же додуматься – сержанту на одном БТР с отделением солдат взять... афганский комитет государственной безопасности! Они по-настоящему пороку не нюхали, а там же все обстрелянные в боях с мятежниками.

– Это же самоубийство! – поддержал его ротный. – 540 человек должны захватить все ключевые позиции в городе. – Развернув блокнот, он добавил: – Я тут втихаря схемку набросал, пока разглядывал объект. Вот смотри: внизу улочка такая узкая, что БМП там не развернуться. Справа – посольство США, слева – стадион. Со стороны стадиона атаковать запретили – можно зацепить огнем американцев. Со стороны посольства тоже нельзя – афганцы могут по нему ударить. Остается одно: атака через футбольное поле в лоб. А там у них четыре танка, три БМП да еще ДШК. А у нас всего один взвод. Перебьют, как мух...

Рябинина вдруг осенило:

– Сделаем так. Ты подбери водителей. Когда мы в город пробьемся, технику свою оставим и пересядем на гражданские легковушки. Тогда легко проедем по этой улочке. Отсюда и будем объект брать.

– А легковушки нас там так и дожидаются, – с сарказмом в голосе ответил Шарипов. – Надо будет останавливать машины, выкидывать из них водителей и пассажиров.

– И все же этот вариант лучше, чем по футбольному полю под пулями бегать. Там даже в травке не спрячешься.

Пока обедали, во двор заехали два уазика, в которых находились комитетчики и какой-то важный афганец, видимо, еще один представитель будущего правительства. Комитетчик спросил:

– Вы оружие с собой взяли?

– У офицеров – пистолеты, – ответил Шарипов, – да еще пара автоматов у сержантов.

– Ну, блин, на прогулку собрались, что ли? Пошли со мной!

Он вывел спецназовцев в холл. Там, в чаше фонтана лежали ящики с оружием и боеприпасами. Его припасли для верных Бабраку Кармалю подпольщиков, которые должны придти на помощь во время путча. Шарипов взял новенький автомат, несколько гранат и с недоумением посмотрел на комитетчика.словно услышав его немой вопрос, тот сказал, чтобы все слышали:

– Возле танкового батальона – шлагбаум. Если нашу машину не пропустят – открывать огонь без предупреждения. Шлагбаум проскочить любой ценой!

Афганец в окружении офицеров КГБ сел в один из уазиков, спецназовцы – в свою «санитарку» и поехали в город. Уазик вел себя как-то странно: то вперед выскочит, то сзади идет. Когда подъезжали к шлагбауму, он вдруг резко обогнал «санитарку» и благополучно проскочил КПП. Колонна на полной скорости помчала в Баграм. Все радовались, что пронесло.

Их встретил Гуськов. Когда офицеры собрались в штабной палатке, он спросил:

– Все хорошо уяснили порядок своих действий.

– Уяснили, – ответил за всех Шарипов, – только задачу мне поставили фантастическую. Ее можно выполнить, если афганцы сопротивляться не будут.

– Да, Шарипов прав, – поддержал его Рябинин.

Остальные офицеры тоже высказали сомнение в возможности реализовать намеченное.

После совещания Гуськов позвонил Устинову и предупредил:

– План нереален.

– Это не твое дело! – оборвал его министр обороны. – Ты должен обеспечить только переброску подразделений в Кабул, а дальше ими будут руководить Магомедов и сотрудники КГБ.

– Я сомневаюсь, что наши подразделения дойдут до Кабула. Нужно проехать перевал, а его охраняет танковая рота. Согласно плану обороны Кабула, разработанного нашими же военными советниками, усиление охраны объектов осуществляют две пехотные дивизии и две танковые бригады. Если они перекроют дорогу, то батальоны даже до афганской столицы не дойдут. На захват резиденции Амина в центре Кабула, которую охраняют примерно две тысячи гвардейцев, выделяется рота и 20 человек КГБ. Ни плана дворца, ни системы его охраны у спецназовцев нет.

– Хорошо, мы пришлем вам подкрепление, – сказал Устинов. – Только и вы там не сидите сложа руки, думайте, как реализовать задачу имеющимися силами. Вам на помощь придут верные Бабраку Кармалю люди.

В течение двух дней в Баграме напряженно готовились к операции: добывали необходимую информацию, рисовали планы и схемы охраны объектов, уточняли вопросы взаимодействия... В Баграм начали перебрасывать второй батальон и разведывательную роту 345-го парашютно-десантного полка. Однако даже с учетом этого усиления людей было очень мало, и подразделениям ставились абсолютно нереальные задачи.

И все же «мусбат» выстроился в колонну для совершения марша на Кабул. Командиры согласовали сигналы управления и взаимодействия, уточняли позывные. Комбат вызвал к себе Шарипова и Рябинина, сказал:

– Ваши объекты прежние: радио и телевидение. Идите к генералу Дроздову, получите задачу у него лично.

Офицеры зашли в здание и удивились: у генеральского кабинета стоял здоровенный амбал с автоматом «узи», обвешанный гранатами, на боку – пистолет Стечкина. Раньше такой охраны не было.

Дроздов посмотрел на Шарипова усталым взглядом:

– В твою машину мы посадим человека с охраной. За него будешь отвечать головой, понял? В остальные машины загрузишь листовки.

Что за человека ему дают – генерал не сказал, но Шарипов и сам догадался: «Раз иду на радио и телевидение, то этот афганец наверняка будет выступать с обращением к народу. Значит, важная птица».

Но в этот вечер колонна не ушла в Кабул. Генерал Магоматов позвонил Устинову:

– Товарищ министр, у меня нет сил для выполнения поставленной задачи. Очень мало сил.

– Вы что, товарищ Магоматов, трусите там? – оборвал его Устинов.

Но главный военный советник твердо стоял на своем:

– Это не только мое мнение. Представители КГБ СССР, руководитель оперативной группы ВДВ, сотрудники аппарата военного атташе считают, что те силы и средства, которые сейчас имеются, выполнить поставленную задачу не в состоянии. В случае неудачи Афганистан будет для нас потерян навсегда, а посольство СССР разгромлено.

– Хорошо, срочно пришлите телеграмму со своими предложениями.

Вскоре в Москву ушла шифротелеграмма за подписями руководителей советских представительств с оценкой ситуации в Афганистане и выводом о том, что имеющимися в Кабуле силами они устранить Амина от власти не смогут и без войсковой поддержки не ручаются за успех переворота. Просят усиления для проведения операции в Кабуле.

По планам, как только второй парашютно-десантный батальон выгрузится, авангард должен был начать движение на Кабул. Когда приземлился последний самолет, Гуськов дал команду на начало выдвижения. Но едва передовые подразделения тронулись, его срочно вызвали к телефону. Звонил Варенников.

– Доложите обстановку!

– В 16.00 начали выдвижение на Кабул.

– Немедленно остановите все подразделения и верните их в исходное положение! Операция отменяется.

Затем Гуськову позвонил Андропов:

– Есть ли у вас самолет, чтобы срочно отправить Кармаля в Ташкент?

– Есть!

– Хорошо, ждите команды.

Буквально через несколько минут позвонил Устинов:

– Срочно отправьте Кармаля и его спутников в СССР.

Через сорок минут два Ан-12 взяли курс на Ташкент.

Варенников увидел Крючкова на общем совещании силовиков, готовивших переворот в Афганистане, спросил его:

– Что случилось? Почему отменили операцию?

– Хафизулла Амина и его племянника Асадуллу должен был отравить внедренный в его окружение наш сотрудник. В полдень 13 декабря во время обеда отраву подмешали в еду. Рассчитывали, что когда средство начнет действовать, то во дворце начнется паника, пойдут звонки в советское посольство. После такой информации и предполагалось начать выдвижение из Баграма советских подразделений. Однако вечером в резиденции Амина все было спокойно. Об этом посол Табеев доложил в Москву и попросил Громыко прислать какой-нибудь срочный документ, который мог бы быть поводом для посещения Амина. В середине ночи из Москвы прислали «срочную» телеграмму, и Табеев поехал в резиденцию Амина. Тот встретил его в праздничной белой пуштунской одежде, словно предчувствуя хорошие вести. Из соседней комнаты в зал вышел и племянник, живой и невредимый. В телеграмме было всего несколько слов: «Политбюро ЦК КПСС приняло решение о вводе контингента советских войск на территорию Афганистана». Амин обрадовался, посчитал, что во имя общих интересов ему простили убийство Тараки, просил передать советскому руководству и лично Леониду Ильичу Брежневу искреннюю благодарность. Он тут же позвонил начальнику генштаба Якубу и приказал оказывать всяческое содействие вводимым советским войскам! Асадулле Амину стало плохо только к утру. Советские врачи оказали ему первую помощь и с тяжелейшим приступом гепатита отправили на лечение в СССР. Хафизулла Амин остался невредим: яд он нейтрализовал «Кока-колой».

Все эти неудачи с покушениями на Амина выводили Крючкова из равновесия. Он не хотел признаться в своей бессилии даже самому себе.

– Так как вы все-таки думаете решить вопрос с Амином? – спросил его Валентин Иванович.

– Мы ликвидируем Амина при переезде во дворец Тадж-Бек, – сказал многозначительно Крючков.

– И как вы собираетесь это сделать?

– Организуем засаду и расстреляем кортеж из автоматов.

– Амин ездит на бронированном «мерседесе», кстати, поставленном в Афганистан по линии КГБ.

– Тогда надо будет применять гранатометы, – Крючков задумался, а затем решительно добавил, – но у нас нет людей, обученных стрельбе из гранатомета.

Варенников только подивился столь легковесному подходу солидного и грозного ведомства к решению столь многотрудной задачи.

Получив команду «отбой», «мусбатовцы» облегченно вздохнули. Но опять пошли дни напряженного ожидания. Угнетала неизвестность. Никто ничего толком не знал. Так – догадки, обрывки информации. Только вечером 17 декабря Гуськов вызвал к себе майора Холбаева и поставил задачу «мусбату»: выдвинуться колонной в Кабул в район Дар-уль-Амана и присту-

пить к охране новой резиденции главы Афганистана Хафизулы Амина. Сам, того не ведая, афганский президент облегчил спецназовцам выполнение их основной задачи.

Семьдесят километров до афганской столицы батальон ехал четыре часа, хотя времени на дорогу планировалось потратить вдвое меньше. Афганские посты останавливали их раз пятнадцать. Проклиная несогласованность между советским и афганским командованием, Холбаев выходил на связь со своим руководством. Те дозванивались до начальника афганского генерального штаба генерала Якуба, и только потом сверху вниз по всем инстанциям спускалось на пост разрешение продолжать движение дальше... Шарипов со страхом представил, что с такой организацией марша могло бы получиться 14 декабря... «Пожалуй, дальше танкового батальона, что на окраине Кабула, мы бы не прошли», – подумал он с горечью. Только в Кабуле колонну встретили офицеры ХАДа и сопроводили ее до самого дворца. А ведь это они должны были сделать еще в Баграме. Видимо, афганцы решили показать шурави, как у них все строго и под контролем. Только к вечеру следующего дня «мусбат» разместили метрах в трехстах от Тадж-Бека в недостроенном двухэтажном здании, которое имело только стены и крышу. Окна спецназовцы завесили плащпалатками, печки-«буржуйки» затопили дровами, которые привезли с собой. Кровати поставили в два яруса и умудрились втиснуть в новостройку весь личный состав. В отряде по штату были автоперевозочная, врач-анестезиолог и хирург. Для них выделили помещение и оборудовали в нем медпункт, где можно было делать неотложные операции. На все ушло не более суток.

Глава 10. РЕШЕНИЕ НА ШТУРМ

18 декабря Начальник ГРУ генерал армии Ивашутин вызвал к себе полковника Колесника и подполковника Швеца:

– Вы формировали батальон, вам и реализовывать задачу, – сказал он офицерам. – Завтра утром вылетаете в Афганистан в гражданской одежде для выполнения специального правительственного задания. Только между нами: вам предстоит организовать действия наших подразделений по отстранению Амина от власти. С первого раза ничего не получилось. Потому направляем вас, как наиболее опытных и знающих регион офицеров. Все сами посмотрите и разберетесь на месте.

В КГБ выбор пал на начальника управления нелегальной разведки генерал-майора Ю. И. Дроздова. На совещании к нему подошел Крючков и тихо сказал:

– Нас вызывает Юрий Владимирович к 19.00.

Зачем, почему – объяснять не стал, и Дроздов начал теряться в догадках. Документы для Андропова он передал Крючкову, потому решил, что может понадобиться начальству для более подробных объяснений.

Андропов поздоровался с обоими за руку, приветливо предложил:

– Чай с лимоном и бутербродами будете? Вряд ли вы успели поужинать.

Пока генералы пили чай и закусывали сырокопченой колбасой с крупными кусочками ароматного сала, Андропов быстро просмотрел срочные документы о деятельности нелегальной разведки.

– А как ваши люди в Афганистане? – посмотрел он сквозь линзы очков на Дроздова. – Там назревают серьезные события. Все наши попытки убрать Амина и поставить во главе партии и страны Бабрака Кармаля пока не увенчались успехом. Сейчас мы предпринимаем решающую попытку. В Афганистан будут введены наши войска. Но важно, чтобы до их ввода с Амином было покончено. Мы возлагаем в этом плане большие надежды на тебя. Ты у нас один из немногих, кто по-настоящему воевал. Потому прошу тебя вылететь в Кабул. Ознакомишься на месте с обстановкой, согласишься, чем занимаются наши сотрудники.

– Когда вылетать? – спросил Дроздов.

Юрий Владимирович посмотрел вопросительно на Крючкова. Тот незамедлительно сказал:

– Завтра утром, в 6.30 с аэропорта Чкаловский. Возьмете с собой капитана II ранга Козлова.

Андропов тепло попрощался с Дроздовым, пожал руку и сказал:

– Удачи!

Ранним утром 19 декабря Колесник и Швец тоже приехали на военный аэродром «Чкаловский». Загранпаспорта им привезли прямо к самолету. В нем уже сидели Юрий Иванович Дроздов и Эвальд Григорьевич Козлов.

Познакомились. Колесник тихо сказал:

– Нас направили организовать работу спецназа ГРУ.

Генерал тоже не стал скрывать цель своей командировки:

– Мы курируем деятельность спецподразделений «Гром» и «Зенит» по линии КГБ. Будем обеспечивать их взаимодействие с «мусбатов».

– Значит, летим делать одно дело, – обрадовался Колесник.

Кроме них в салоне Ан-12 сидел экспедитор, сопровождавший груз парфюмерии для посольства. В Баграм прилетели поздно вечером. Здесь переночевали, а утром выехали в Кабул.

Колесник представился Главному военному советнику Магомедову, и тот сразу высказал свое недовольство командиром «мусбата»:

– Бестолковый он какой-то у вас. По дороге одна из машин вышла из строя. Вместо того, чтобы взять ее на буксир, оставил с ней своего заместителя по техчасти, и поехал дальше. Он не может организовать марш отряда, а вы ему хотите доверить штурм дворца Амина. Я настоятельно рекомендую назначить комбатом другого офицера.

– Холбаева я знаю давно! Это вполне подготовленный офицер, – встал на защиту подчиненного Колесник. – А то, что машина поломалась? Ничего не поделаешь – и космическая техника иногда выходит из строя. Для того и существует техническое замыкание колонны, чтобы все неисправные машины подбирать и ремонтировать. И то, что колонну у каждого КПП останавливали – это вина не его, а тех руководителей, которые дали команду на марш, не подумав о сопровождении ее афганцами. Он же не мог не выполнить приказ!

Эти доводы несколько остудили пыл генерала. Султан Кекезович успокоился и сказал:

– Организуйте боевую подготовку отряда в соответствии с новой задачей. Будете охранять дворец Тадж-Бек. Непосредственно во дворце находится рота личной охраны. Вторую линию должны составить вы, а третью – бригада охраны, которую возглавляет майор Джандад – главный порученец Амина. Состав с афганцами план совместной охраны дворца, отработайте порядок взаимодействия. Ну, а чтобы наладить личные контакты, организуйте торжественный вечер, пригласите командование бригады. Майор Джандад закончил наше воздушно-десантное училище в Рязани, а потом учился в Военной академии имени Фрунзе. Говорит порусски очень хорошо, хотя старается это не афишировать.

Полковник Колесник решил сразу же реализовать предложение генерала и пошел к афганцам знакомиться. Джандад находился у себя в кабинете.

– Начальник штаба батальона майор Колесов, – представился ему Василий Васильевич. – Прибыл уточнить, как будем решать поставленные задачи, организовывать связь, боевую учебу?

Джандад радушно улыбнулся, крепко пожал руку и протянул небольшую радиостанцию «Уоки-токи»:

– Вот, связывайся со мной в любой момент, днем и ночью.

Они объехали всю местность вокруг дворца, определяя, где можно организовать стрельбище, проводить занятия. Василий Васильевич делал пометки в блокноте, набрасывал схему расположения объектов. Каждый батальон бригады имел свою казарму, и лишь танковый жил вместе с первым пехотным батальоном. В строящейся для него казарме и разместили «мусбат».

– Вы здесь временно, – сказал Джандад, – пока мы не подберем место получше.

– Ничего-ничего, – успокоил его Колесник. – Сам знаешь, наши солдаты неприхотливы. Главное, чтобы было где поспать и плотно покушать. Давайте, заходите сегодня с командованием бригады в гости. Посмотрите, как мы обустроились, выпьем по рюмке чая за дружбу советского и афганского народов.

Джандад понимающе улыбнулся и сказал:

– Хорошо, ждите нас в 19 часов.

В батальоне начали спешно готовиться к приему гостей. Поскольку узбеки умеют прекрасно готовить, с поварами проблем не было. На рынке купили зелень и все необходимое. Посольство выделило коньяк, водку и различные деликатесы. Общими усилиями в спешно развернутой штабной палатке накрыли великолепный стол.

Гостей было человек пятнадцать. Колесник начал знакомить их с командованием батальона. Подполковника Швеца он представил как начальника разведки, генерала Дроздова – зампотехом батальона. Они так и сидели по должностям, чтобы в следующий раз, когда будет поставлена задача, они могли нейтрализовать афганских офицеров.

Поначалу не могли определиться, как подавать на стол коньяк и водку. Все-таки мусульманская страна. Спиртное налили в чайники и поставили на столы. По палатке поплыл коньячный дух, вызывая снисходительные улыбки, что настроило на доверительный лад.

Из чайника разлили водку по кружкам, в которых было трудно определить количество спиртного. Афганцы выпили. Снова налили. Замполит бригады капитан Хадуд быстро утратил «революционную бдительность» и, полагая, что за столом все друзья, в порыве откровенности похвастал:

– Это Джандад, я и старшие лейтенанты Эқбаль и Рузи подушкой удавили Тараки. Даже не пикнул. Как ваши офицеры задушили русского царя Павла. История повторяется...

Услышав, что несет комиссар, Джандад взбеленился от ярости, схватил его за грудки, затряс словно грушу, и голова незадачливого политработника безвольно болталась в разные стороны. Поостыв, он извинился:

– Простите, замполит выпил лишнего и городит всякую чепуху.

Щедрое застолье было по достоинству оценено афганцами. Расставались уже почти друзьями, и как-то не хотелось думать, что всего через пару дней они будут стрелять друг в друга. Спецназовцы получили задачу убить Амина и все, кто мог хоть мало-мальски помешать этому, тоже были обречены на смерть.

В ту же ночь в Москву ушло сообщение об обстоятельствах убийства Тараки по линии КГБ и в ГРУ.

Утром в Кабул прибыла группа «Альфа», что предвещало приближение штурма. Каждый ее член нес чемодан с личным оружием, бронежилетом и прочим снаряжением. Альфовцев переодели в афганскую форму, и они незаметно растворились среди солдат «мусбата». В батальон привезли пять тяжелых ящиков. Когда вскрыли их, то комбат с Шариповым насчитали три десятка бронежилетов. Прибывшие вслед за «Альфой» офицеры КГБ из группы «Зенит» тут же их реквизируют.

– Нам штурмовать дворец, – сказал Яков, – значит, нам «броня» нужней. Вы в БМП укроетесь.

В полночь началось занятие по вождению. С постов, которые были расположены на высотах вокруг дворца, полетели осветительные ракеты.

Джандад позвонил в батальон, с тревогой в голосе спросил:

– Что такое, почему стреляют? Почему машины гудят?

– У нас боевая подготовка идет, – спокойно ответил комбат. – Нормально все.

Джандад уже более сдержанно спросил:

– Почему не предупредил заранее?

Холбаев с невозмутимым спокойствием ответил:

– У нас же каждую ночь занятия, чего тут предупреждать? Мы же должны готовиться к защите товарища Амина.

– Ну, вы хоть машинами не гудите, – попросил Джандад. – Вы же ему спать не даете.

* * *

24 декабря в кабинете генерал-полковника Магометова собрались все организаторы операции. Здесь же присутствовал и главный советник КГБ генерал-лейтенант Иванов.

– Свержение режима Амина намечено на 27 декабря, – сказал Султан Кекезович. – В соответствии с ранее утвержденным планом отряд должен направить по взводу на аэродром, к Генеральному штабу, на узел связи, в ХАД и «Царандой». На основной объект – дворец Тадж-Бек – идет рота и два взвода. Какие будут предложения?

Колесник покачал головой:

– Разрешите мне доложить свои соображения... Если я не ослышался, вы сказали, что на штурм дворца направляется рота и два взвода. При этом они должны нейтрализовать роту личной охраны внутри дворца, бригаду, состоящую из трех пехотных батальонов и одного тан-

кового, охраняющую резиденцию по периметру. Вдобавок ко всему, у дворца зарыты по башню три танка. Соотношение сил и средств явно не в нашу пользу. Кроме того, нельзя забывать и про две танковые бригады, которые стоят под Кабулом. Поэтому даже самые грубые расчеты вызывают сомнения в возможности осуществить этот план.

Магомедов с недовольным видом проговорил:

– А что ты предлагаешь?

– Имеющихся у нас сил недостаточно для взятия дворца. Необходимо попросить у Москвы хотя бы еще одну десантную роту.

Магомедов с Ивановым переглянулись.

Объявляю перерыв, – сказал Султан Кекезович. – Соберемся у меня через два часа.

Однако собрались несколько позже, около восемнадцати часов. Магомедов сказал Колеснику:

– Ваш план утвердили. Вы назначены руководителем операции. Вам необходимо переговорить с маршалом Огарковым.

Колесник поехал на узел связи, и оттуда позвонил в Москву.

– Кто вызывает Огаркова? – поинтересовались на том конце радиомоста.

– Передайте начальнику Генерального штаба, что звонит полковник Колесник по его приказу.

Спустя некоторое время в трубке послышался голос Николая Васильевича:

– Здравствуй, полковник! Что ты мне можешь доложить?

– Объект находится на господствующей высоте, задачу по его охране и обороне выполняют рота личной охраны, бригада охраны, а от ударов с воздуха дворец прикрывает зенитный полк. Орудия и пулеметные установки полка находятся на позициях, которые, в случае надобности, позволяют вести огонь и по наземному противнику. Общая численность частей охраны составляет около двух с половиной тысяч человек. Кроме того, не исключена возможность вмешательства двух танковых бригад, расквартированных под Кабулом. В случае выдвижения к дворцу хотя бы одного танкового батальона, остановить его будет нечем. Противотанковых средств у нас нет. Батальоны бригады расквартированы в трех городках. Для блокирования каждого мы выделили по роту, а также одну роту для штурма дворца. Мне еще необходима рота десантников и взвод ПТУРС. Доклад окончен.

– В ваше распоряжение будут выделены необходимые силы, – пообещал Огарков. – А сейчас подготовьте и передайте по ЗАС решение на штурм. Оно должно быть подписано вами и Магомедовым.

Решение было готово к трем часам ночи. Колесник и Султан Кекезович поставили свои подписи, и оно ушло в Москву.

Колесник отработал на карте план штурма и принес на подпись Магомедову и Иванову. Однако, утвердив его устно, ни тот, ни другой свою подпись не поставили. Колесник в их присутствии написал на документе: «План устно утвержден Главным военным советником Магомедовым С. К. и Главным советником КГБ Ивановым Б. И. От подписи отказались», поставил время, дату и свою подпись.

Из прокуренного кабинета разошлись только утром 25 декабря. Время «Ч» было назначено на 22 часа 27 декабря. До начала штурма оставалось немногим более двух суток...

Колесник с генералом Дроздовым поехали в батальон, чтобы поставить задачи участникам предстоящего штурма.

Амин является агентом ЦРУ, – сказал безапелляционно генерал собравшимся офицерам, и этого было вполне достаточно, чтобы у них возникло желание убить его. Но он решил еще усилить важность и ответственность задачи, потому добавил: – Если американцы влезут в Афганистан, они построят свои ракетные базы в подбрюшье Советского Союза и со Средней

Азии смогут достать до наших важных стратегических центров, ракетных частей и секретных полигонов.

Колесник начал ставить конкретные задачи.

– Дворец штурмуют две группы, – сказал он. – Первая – «Гром». В нее входят бойцы «Альфы» под командой Михаила Романова. К дворцу ее доставляет старший лейтенант Шарипов. – Он строго посмотрел на ротного и сказал:

– Старганешь на пяти машинах. В каждой – по пять человек твоих, плюс «кагэбэшники». Потом твоих людей, кому не хватит места в БМП, подвезут следом. С началом движения откроешь огонь из всего оружия. Оцепишь здание так, чтобы никто не ушел. Внутри будут комитетчики действовать, а твоя задача – никого не выпустить! Никого – это, в первую очередь, самого Амина! Боеприпасы выдать за час до начала операции. Чтобы отличаться от охраны Тадж-Бека и не перестрелять друг друга в темноте, на рукав, выше локтя, каждый боец штурмовой группы наматывает белый бинт! Все понятно?

– Так точно! – ответил Шарипов.

– Группу «Зенита» к ведущей к главному входу лестнице доставляет на своей технике командир взвода лейтенант Турсункулов, – продолжил инструктаж Колесник. – Подготовить штурмовые лестницы, чтобы в случае выхода из строя БМП, можно было продолжить штурм дворца по склонам, которые заминированы.

Теперь позывные. Чтобы не мудрствовать лукаво и легко запомнить: «Миша» – по имени командира Михаила Романова, и «Яша» – по имени Якова Семенова.

Задача группы подполковника Швеца – нейтрализовать зенитный полк. В нее входит инженерный взвод, усиленный двумя расчетами АГС17. Гранатометчики должны отсечь личный состав от средств ПВО, расположенных на огневых позициях, а саперы – взорвать их.

– Вы, товарищ Сахатов, – Колесник посмотрел на заместителя командира отряда, – на автомобиле ГАЗ-66 выдвигаетесь мимо расположения третьего батальона и захватываете три закопанных у дворца танка. Подберите людей, умеющих водить танки и стрелять из них в случае необходимости. Кроме танковых экипажей, в вашу группу войдут четверо «комитетчиков», два снайпера и два пулеметчика. Всего двенадцать человек.

Второй и третьей ротам отряда, а также приданной роте десантников старшего лейтенанта Востротина – блокировать расположения батальонов бригады охраны.

Штурмовая группа Шарипова сразу же после постановки задач приступила к тренировке. В каждую БМП, кроме экипажа, он посадил по два пулеметчика, 20 альфовцев разместил равномерно по «десантам». Начали их учить посадке-высадке. Сначала попробовали высаживать на пониженной передаче, но альфовцы запротестовали: скорость слишком маленькая. Пришлось им выскакать на второй передаче. Поначалу комитетчики снопами вываливались из машин, а потом приловчились. Вся подготовка к штурму происходила на глазах у афганцев. Её выдавали за обычную плановую учебу.

Глава 11. УБИТЬ АМИНА!

Варенников готовил справку для доклада Устинову перед руководящим составом Министерства обороны СССР о принятом Политбюро ЦК партии решении ввести войска в Афганистан. За этой короткой фразой скрывалась огромная работа всех звеньев армейского механизма. Было развернуто 100 соединений, частей и учреждений. Управление 40-й армии и смешанного авиационного корпуса, четыре мотострелковые дивизии, артиллерийская, зенитно-ракетная и десантно-штурмовая бригады, отдельный мотострелковый полк, части связи, разведки, тыловые и ремонтно-восстановительные подразделения. На их укомплектование из запаса призвали 50 тысяч офицеров, сержантов и солдат, в войска поступило 8 тысяч автомобилей. Подобных масштабных мобилизационных мероприятий советские республики Средней Азии не знали.

25 декабря в 15.00 по московскому времени начала переправу через Амударью по навешенному саперами понтонному мосту 108-я мотострелковая дивизия. Ее передовые части сразу пошли на Кабул. В ночь на 28 декабря на гератском направлении в Афганистан вошла 5-я гвардейская мотострелковая дивизия. Непосредственно всем вводом войск руководил из Термеза маршал Соколов с Оперативной группой минобороны. Варенников находился в Москве, однако тоже «держал руку на пульсе». У него была прямая радиосвязь с каждой дивизией, полком и бригадой, совершавшими марш в Афганистан. Для переброски 103-й воздушно-десантной дивизии потребовалось около четырехсот транспортных самолетов. Первые из них должны были садиться на Баграмский аэродром с наступлением темноты. За тридцать минут до начала посадки Варенников связался с Гуськовым и потребовал:

– Проверьте практически включением работу всей светообеспечивающей системы аэродрома. Помните инцидент с самолетом Андропова?

– Я недавно все это делал! – успокоил его Гуськов. – Начальник аэродрома находится рядом в соседнем блиндаже.

– Это хорошо, но вы все проверьте и через десять минут доложите, – настаивал Варенников.

Минут через пять Гуськов вышел на связь и растерянно сказал:

– Не можем найти афганского подполковника. Как сквозь землю провалился. Буквально несколько минут назад я с ним разговаривал... Никто не знает, как пользоваться электросистемой.

Варенникова словно током ударило: самолеты в воздухе, а аэродрома нет!

– Немедленно объявите тревогу! – приказал он. – Перекройте все входы и выходы. По громкоговорящей связи постоянно повторяйте: если начальник аэродрома через десять минут не явится, то будет расстрелян. Ищите человека, который знает аэродромные системы. Освещайте бетонку автомобилями. Они должны стать по обе стороны взлетно-посадочной полосы, приблизительно через сто метров. Сверху у каждой машины включена фара. Каждые пять минут докладывать мне ситуацию. Выполняйте!

Через Главный штаб ВВС, оперативные группы на аэродромах Кабула, Шинданда, Мазари-Шарифа и Кандагара Варенников уточнял состояние аэродромов, их способность принять самолеты в случае, если они будут переадресованы с баграмского аэродрома. О случившемся он доложил Огаркову. Обстановка накалилась до предела.

Разрядил ситуацию Гуськов:

– Товарищ генерал армии, все в порядке! Начальника аэродрома нашли в блиндаже. Все освещение включено! Вошли в контакт с самолетами.

– Хорошо, – обрадовался Варенников. У него словно гора с плеч свалилась. – Теперь внимательно следите за посадкой каждой машины. Загоняйте самолет в «карман», разгрузайте и отправляйте подразделения в пункты сосредоточения.

* * *

26 декабря в «мусбате» устроили банный день. Офицеры, хохмы ради, постриглись под «ноль». Солдаты, глядя на командиров, тоже сбрили с голов всю растительность. Все они были молоды, любили жизнь, и не хотели думать, что готовит день грядущий. На следующий день с утра всю готовились к штурму: получали боеприпасы, проводили в подразделениях политинформации. Солдатам объявили: американцы собираются разместить на территории ДРА ядерные ракеты средней дальности, Амин – государственный преступник, его надо сместить силой.

После обеда в расположение батальона въехала афганская машина: из бригады охраны привезли в подарок верблюжьей одеяла. Но кто-то из офицеров КГБ узнал среди афганцев переодетого в солдатскую форму офицера ХАД. «Неужели что-то узнали? – мелькнула у Колесника тревожная догадка. – Надо его арестовать».

Хадовца взяли тихо, заперли в пустую комнатушку, поставили часового. Но в суете командир взвода снял своего солдата с поста и афганец сбежал. Когда хватились, было уже поздно что-либо предпринимать. Колесник решил перенести начало операции на час вперед.

Взвод «Шилок» старшего лейтенанта Василия Проуты встал на холме напротив дворца. Толстые стены были «не по зубам» для их снарядов. Но морем огня зенитчики должны были загнать афганцев внутрь здания.

Шарипов никак не мог решить: как идти к дворцу? Дорога напрямую афганцами была пристреляна. Вокруг здания шла стена высотой метра четыре. Да еще ров, хоть и сухой. Собрал командиров посоветоваться. Поначалу хотели поставить на его дно машину и по ней перебраться, а стену взять с помощью штурмовых лестниц.

– Нет! – твердо сказал Шарипов. – Будь что будет: пойдем по серпантину до самого дворца.

До времени «ч» оставались считанные часы, и вся штурмовая группа собралась на холме прямо перед дворцом. Генерал Дроздов подозвал Шарипова:

– Пока есть время, посмотри схемы здания.

Внимательно перелистав наспех сделанные чертежи, тот попросил:

– Дайте нам!

Генерал помотал головой и решительно сказал:

– Нельзя! – Потом решительно добавил: – Запомни! Нам отступать некуда. Смотри, чтоб Амин не ушел! Не дай Бог, объявится в другой стране!

Шарипов понимал: генерал не шутит. Сознание неотвратимости надвигающихся событий решительности не прибавляло. Скорее наоборот. Страшно было даже не за себя. Страшно было за успех Операции...

БМП выстроились в колонну, и стальная пружина батальона приготовилась к броску в неизвестность. Часы отсчитывали последние мирные минуты. «Пан или пропал!» – подумал Шарипов. Внутри было нехорошо – до тошноты. Был ли это страх, или предстартовое напряжение, он сообразить не мог. И не только он. Чтобы снять напряжение, «кагебисты» достали бутылку водки, разлили по кружкам. Плеснули и Шарипову. Он махнул рукой механику-водителю первой БМП:

– Иди сюда.

Солдат подбежал.

– До армии водку пил?

– Приходилось.

Шарипов протянул солдату кружку:

– Давай.

Тот нюхнул содержимое и удивленно уставился на офицера:

– Это же водка!

– Пей, давай!

Солдат одним махом опрокинул содержимое в рот и, поблагодарив, пустился бегом к машине.

Шарипов сел на место механика-водителя второй БМП. И не потому, что не доверял подчиненному, а сознавал, что как мастер вождения, лучше справиться с машиной в боевой обстановке.

* * *

В этот день Хафизула Амин праздновал новоселье и должен был выступить по телевидению, рассказать о долгожданном вводе советских войск. Для этого были приглашены высшие военные чины и руководители политорганов. Белый дворец сверкал огнями хрустальных люстр. На улице, перед входом, в огромных глиняных чашах благоухали живые цветы. К дворцу, кроме серпантина, вела прямая пешеходная лестница шириной метра полтора. По ней неспешно поднимались многочисленные гости, любуясь прекрасным видом, открывавшимся с холма.

Амину нравились новые апартаменты, утопавшие в роскоши ковров, великолепии мраморных статуй. Он стоял возле окна и наблюдал за тем, как занимаются переодетые в афганскую форму зенитчики взвода «Шилок», даже не подозревая о том, что советские солдаты так старательно готовятся не защищать, а убить его. И не только они.

Обед был в самом разгаре, как вдруг гости, а затем и сам Амин, почувствовали недомогание. Он ушел к себе в спальню, гости расплзлись по всему зданию. Джандад начал срочно вызывать во дворец советских врачей.

Полковник-терапевт Виктор Кузнеченков и хирург Анатолий Алексеев в два часа подъехали к внешнему посту охраны. Их тут же провели в здание. В вестибюле, на коврах, устилавших лестницу, сидели и лежали люди, корчась от боли. Офицеры начали оказывать им первую помощь, но подбежал афганский медик подполковник Велоят и крикнул:

– Бросьте их. Амин умирает!

Хафизула лежал в своей спальне, раздетый до трусов, в состоянии комы: челюсть безжизненно отвисла, глаза закатились. Кузнеченков взял запястье руки: пульс еле-еле прощупывался.

– Принесите капельницы, физраствор панангина, – распорядился он.

Абсолютно не подозревая, что срывают так хорошо начавшуюся операцию спецслужб по ликвидации Амина, врачи начали спасать его жизнь: вставили на место челюсть, восстановили дыхание, отнесли в ванную и промыли желудок, поставили капельницы, и в вены обеих рук медленно потекла живительная влага. До шести вечера они боролись за жизнь Амина и их завидное упорство увенчалось успехом. Амин открыл глаза. Осознав, что его спасают советские врачи, тихо прошептал:

– Спасибо, шурави!

Но их упорство проклинали организаторы операции, похоронив надежду, что сработает «внутренний план» и необходимость штурма отпадет сама собой.

В 19 часов 15 минут группа Сахатова начала выдвигаться к закопанным танкам. Проезжая через расположение третьего батальона, Сахатов увидел, что в нем объявлена боевая тревога. Личный состав получал оружие и боеприпасы. В центре плаца стояли комбат и его заместители. Мгновенно оценив обстановку, он принял решение захватить командование батальона. Автомобиль с нашими разведчиками остановился возле афганских офицеров, и через считанные секунды они уже лежали в кузове. ГАЗ-66 рванул вперед. Солдаты батальона даже не поняли, что произошло. Но потом открыли огонь вслед удаляющейся машине. Из-за пыли,

которая скрывала грузовик, он оказался неэффективным. Сахатов же, проехав метров двести, остановил автомобиль и скомандовал:

– К машине! Огонь по атакующим!

Оставшись без управления, солдаты бежали толпой и представляли собой прекрасную мишень. Два пулемета и восемь автоматов спецназовцев оставили на поле боя убитых и раненых. Снайперы тем временем сняли часовых у танков.

Услышав стрельбу в расположении третьего батальона, Колесник дал команду на начало операции. В небо зловеще взвились две красные ракеты – сигнал к началу штурма. Тут же ударили по Тадж-Беку «Шилки». Огненные трассы крошили стены, стальным вихрем врывались через окна внутрь помещений. Крики раненых, звон разбитых стекол, визг рикошетирующих снарядов – все слилось в какофонию боя. Погас свет. Кто-то из охраны схватился за оружие, кто-то бросился к телефону.

Услышав стрельбу, Амин приказал Джандаду:

– Позвони, сообщи советским о нападении моджахедов на дворец!

– Стреляют советские зенитчики, – сказал обреченно Джандад. Он давно уже догадывался, зачем приехали советские десантники.

Амин схватил пепельницу и, что было сил, со злостью швырнул ее в Джандада, крикнув:

– Врешь! Этого не может быть! Только что советские врачи вытащили меня с того света не для того, чтобы застрелил советский солдат!

Он схватил трубку телефона прямой связи с начальником Генштаба Якубом, но телефон устрашающе молчал. Амин сник, осознав, что ему не простили в Москве убийство Тараки. И вот сейчас, когда он взобрался на самую вершину власти в стране, его хотят убить те, на кого он возлагал самые радужные надежды. И убить также безжалостно, как он уничтожал своих противников, уверовав в свою правоту и непогрешимость. Амин встал, снял со штативов флаконы и вышел в коридор, держа их в руках.

После начала штурма врачи Кузнеченков и Алексеев спрятались за стойкой бара. И вдруг в отблесках огня Алексеев увидел Амина, босого, в белых трусах и майке, несущего перед собой, словно две гранаты, флаконы с физраствором. Он выбежал из укрытия, выдернул иглы из вен, прикрыл пальцами отверстия, чтобы не сочилась кровь, и посадил Амина у стойки бара. Амин безвольно прислонился к ней и вдруг встрепенулся. В грохоте боя он услышал детский плач. Из боковой комнаты вышел его пятилетний сынишка, размазывая кулачками слезы. Увидев отца, он бросился к нему, ища защиты, обнял за колени и прижался, дрожа всем своим маленьким тельцем от испуга. Амин прижал к себе слабыми руками детскую головку и с надеждой посмотрел на советских врачей, которые спасли ему жизнь и сейчас тоже отведут от него беду.

Но оба врача уже поняли, что сами стали жертвами чужой безжалостной игры. Алексеев шепнул напарнику:

– Нам нельзя находиться рядом с Амином.

Они прошли в коридор, и в этот момент раздался взрыв. Их отбросило к двери конференц-зала. Она распахнулась, и офицеры юркнули в кажущуюся спасительной темноту. Сквозь разбитые окна в помещение врывалась какофония боя. Кузнеченков стал в простенке слева от окна, Алексеев – справа. И этот узкий простенок разделил их судьбы. Кузнеченков тихо ойкнул и сполз на паркетный пол. Осколок попал под левую лопатку, пропорол сердце, и оно сразу остановилось...

Две «Шилки» открыли огонь по расположению танкового батальона, не подпуская личный состав к танкам. Расчеты АГС-17 стреляли по расположению второго батальона, не позволяя солдатам покинуть казармы. Вторая и третья роты «мусбата» и рота десантников на броне выдвинулись для блокирования батальонов бригады охраны, а БМП первой роты с группами спецназа КГБ устремились к дворцу. Головная машина с ходу разнесла в щепки полосатое

бревно шлагбаума и на бешеной скорости пронеслась мимо застывших монументами танков президентской охраны. Выскочивший на шум из «караулки» афганец погиб, так и не поняв, что произошло.

А там, где на вершине холма темнел монолит Тадж-Бека, под огненным ливнем «Шилок» металась застигнутая врасплах охрана дворца. В темноте декабрьского вечера афганцы еще не видели атакующих, но уже отчетливо был слышен надсадный рев приближающихся боевых машин...

У Шарипова пропала связь с командным пунктом, и он шел на дворец, словно в одиночестве... Все пять машин на ходу стали бить по окнам из пушек и пулеметов. При въезде на площадку перед дворцом первая БМП зацепила край стены и... заглохла! С парашюта по ней в упор стреляли охранники, пули градом стучали по машине, а механик никак передачу включить не может! «Неужели от ста граммов так развезло, что ничего не соображает... Не хватает только гранатометчиков, – зло подумал Шарипов, – по одному на БМП», скомандовал:

– К машине!

«Альфовцы» быстро выскочили наружу, но огонь был такой плотный, что из-за брони не высунуться!

Наконец, БМП завелась, сдала чуть назад и выскочила к дворцу. «Альфовцы» – за ней следом выбежали на площадку. Но к зданию сразу пробиться не удалось. Снаряды «Шилки» летели снизу над самой головой. Один пробил борт БМП, оторвал пятку командиру взвода Абдуллаеву. Когда он попытался выбраться через верхний люк, две афганские пули пробили руку. И все же взводный, истекая кровью, продолжал командовать! Пришлось посылать гонца, чтобы зенитчики стрелять прекратили.

Шарипов пытался по радиостанции вызвать комбата – никакого ответа... Вдруг шнур от радиостанции натянулся, и его развернуло. Он повернулся, чтобы отругать радиста за беспечность, а тот уже безжизненно на землю повалился. Боковым зрением Шарипов заметил – в арыке афганец прячется. В память почему-то врезалось: у него на руке часы с рубиново-красным циферблатом. Дал по нему очередь... Вроде попал, а афганец... подпрыгивает. Еще очередь – подпрыгивает. Понял, что это пули тело прошивают и от бетона рикошетом тело подбрасывают... Только повернулся в другую сторону, мимо БМП еще один афганец с пистолетом в руке бежит. Он и его из автомата свалил. Пистолет подобрал, зачем-то Бояринову из «Альфы» показал.

– Ну, бери, – сказал тот. – Твой трофей...

Штурмовая группа Шарипова сумела-таки рассредоточиться вокруг здания. БМП вели непрерывный огонь. Бойцы «Альфы» ринулись внутрь.

Спецназовцы рванули за ними! Забыли начисто о своей задаче: никого из здания не выпускать. Если б Амин в тот момент через окошко выпрыгнул, запросто бы ушел! Шарипов побежал за подчиненными, крикнул:

– Стой, назад!

Возле самого здания его вдруг ударило, словно кирпичом, по левому бедру. Сразу и не понял, что ранен. Увидел – у входа убитый Бояринов лежит. Забрало шлема поднято, пуля в лицо попала.

Шарипов кое-как к своей БМП доковылял, вколол в бедро промедол.

Но боль не утихала. Сказал рядовому Джумаеву:

– Давай, быстро поищи аптечку!

Солдат побежал и словно пропал – нет и нет. Шарипов даже волноваться начал... Джумаева перед самой отправкой в Афганистан кагэбисты потребовали оставить в Союзе: его отец когда-то был осужден. А солдат «зайцем» в самолет забрался и прилетел вместе с батальоном в Баграм.

Ну не отправлять же его обратно! «А вдруг сбежал!» – резанула догадка. Но вскоре Джумаев появился с промедолом.

– Ты куда пропал!? – с напускной строгостью спросил его Шарипов.

– Я добежал до БМП, – виновато проговорил солдат, – и увидел, что возле «брони» лежит пулеметчик Хезретов и в одиночку сдерживает афганцев, которые поперли из караулки вверх, к дворцу. Ему пулей челюсть нижнюю разворотило, кровяца хлещет, а он – стреляет! Мужественный парень! Я залез в БМП, из чьего-то вещмешка полотенце вытащил, Хезретову челюсть подвязал – и только тогда к вам.

Бой начал стихать. Кто-то из «Альфы» крикнул в окно:

– Все! Амина убили! Докладывай!

«Пойду, посмотрю», – решил Шарипов, еще не веря в то, что все закончилось.

Он поднялся по лестнице наверх, обходя трупы в военной форме и в штатском, зашел в комнату. Амин лежал окровавленный в трусах и майке около бара. Узнал его по фотографиям, которые до этого показывали. Только левого плеча и почти пол головы не было. То ли его из «Шилки», то ли гранатой изувечили – не смог разобрать. Все... И хотя наверху еще кипел бой, Шарипов с облегчением понял: свою задачу штурмовая группа выполнила. Осталось доложить о смерти Амина. Он спустился к БМП, попытался оживить замолкшую радиостанцию. И, удивительное дело, сразу же ответил начальник штаба капитан Ашуров. Но как ему сказать? Открытым текстом нельзя. Кое-как на ломаном узбекском языке Владимир начал объяснять:

– Амину аминь!

– Понял! – коротко ответил начштаба и погнал эту информацию по инстанции.

С ними должен был штурмовать дворец и Сарвари. Когда все ринулись в бой, он остался в БМП: легко распорядившись чужими жизнями, вдруг почувствовал, что со своей ему очень не хочется расставаться. Услышав о смерти Амина, Сарвари выскочил из боевой машины и стремглав побежал в здание, поднялся по лестнице на второй этаж, подошел к бару, уставился на искромсанное тело. И вдруг запрыгал от радости:

– Я его убил! Убил! Убил.

Вскоре к дворцу подъехали Халбаев и Колесник. Увидев комбата, Шарипов принял строевую стойку, приложил руку к козырьку и пошел, прихрамывая, докладывая о выполнении задачи. Комбат вытянулся, тоже приложил руку к головному убору и... весь доклад выслушал.

Колесник понял комичность и небезопасность ситуации, сказал:

– Зайдите в здание. Стреляют.

Только когда вошли в холл, Шарипов почувствовал: что-то хлопает в ботинке. Он задрал штанину и остолбенел – все белье было уже в начавшей спекаться крови.

– Вот что, забирай раненых и отвези их в наш госпиталь, – распорядился Колесник.

Проехали пол дороги и вдруг впереди стрельба, русский мат-перемат.

Шарипов выглянул, крикнул что есть мочи:

– Вы кто?

– Витебские десантники!

– Мы – спецназ, раненых везем.

– Во дела! – обрадовался встрече десантник. – А мы решили, что едут афганцы, и давай вас в плен брать.

– А вы куда? – спросил его Шарипов.

Старший лейтенант с гордостью ответил:

– Едем дворец Амина брать!

– Можете расслабиться! Дворец уже взяли!

– Как взяли? Кто?

– Мы!

Десантник остолбенело уставился на Шарипова немигающими глазами и только сумел выговорить:

– Ну и бардак?

Оказывается, ни о «мусбате», ни об «Альфе» десантники ничего не знали...

Пока шел бой во дворце, Сахатов со своей группой захватил один из танков и двинулся к Генштабу, но десантники его уже захватили. Поскольку спецназовцы были одеты в афганскую униформу и ехали на афганском танке, они без лишних слов шарахнули по танку из «Мухи». Сахатов нещадно матерясь, крикнул:

– Свои!!!

Услышав родную «ласковую» речь, десантники прекратили огонь.

В тот вечер, одновременно со штурмом дворца Тадж-Бек группами спецназа КГБ при поддержке десантников были захвачены не только Генеральный штаб, но и узел связи, здания ХАД и другие объекты. Важную роль в том, что части Кабульского гарнизона не были подняты по тревоге, сыграла диверсия, проведенная «зенитовцами» непосредственно перед штурмом. Они взорвали узел коммуникаций города, находящийся в специальном бетонном колодце. Так, минимальными силами с небольшими потерями был осуществлен государственный переворот в Афганистане.

Убитых защитников дворца хоронили их пленные товарищи. Хотя значительная часть солдат бригады охраны сдалась, но некоторые подразделения продолжали сопротивление. В частности, с остатками третьего батальона отряд воевал еще сутки, после чего афганцы ушли в горы. Практически без боя сдался зенитный полк. Танковый батальон также не оказал сопротивления. Всего было пленено около 1700 человек. В штурмовой группе погибло десять человек: пять в батальоне и пятеро в группах «Зенита» и «Грома». «Альфа» тоже понесла потери.

Уже под утро к казарме «мусбата» подкатила колонна десантников. Увидев издали грязные неухоженные бронетранспортеры с белыми тряпками на антеннах, людей в афганской форме с оружием, они приняли «мусбатовцев» за охрану дворца и открыли стрельбу. От прямого попадания кумулятивной гранаты разлетелся стоявший на взгорке БТР, упал подкошенный пулеметной очередью готовивший завтрак батальонный повар Алишер. Автоматные очереди сразили еще нескольких спецназовцев. И снова только крепкий русский мат остановил дальнейшее кровопролитие. Командир роты десантников ничего не знал о «мусбате».

– В аэропорту комбат дал мне нарисованную от руки схему движения, – оправдывался он, – и приказал поддержать наших бойцов, которые штурмуют дворец. «Наших» я нигде не увидел. Решил, что вас афганцы всех перебили.

На аэродроме под Баграмом Бабрак Кармаль находился под усиленной охраной десантного полка. Неприметный на вид, в солдатской длиннополой шинели, подпоясанной брючным брезентовым ремнем, в кирзовых сапогах и шапке-ушанке, нелегально проникший на родину новый ее правитель с нетерпением ожидал в бункере известий из Кабула. Ему и привез Абдулаев показать тело Амина. Только теперь, стоя над мертвым врагом, Кармаль согласился въехать в Кабул. Нос его хищно заострился, вислые щеки подтянулись, обозначив скулы, в глазах появился холодный блеск властолюбивого человека. Это был уже не опальный посол в Чехословакии, а Председатель Реввоенсовета республики, глава правительства, Председатель ЦК НДПА.

Еще в 1978 году, спустя два месяца после апрельской революции, когда его сослали в Чехословакию, он пригрозил Амину, что вернется на родину с красным знаменем в руках. И он выполнил свою угрозу с помощью советских солдат...

Рота боевых машин только подвозила Кармаля и его сподвижников к Кабулу, а передававшее бесконечную музыку афганское радио торжественно сообщило о победе второго этапа апрельской революции.

В тот день на заседании Политбюро ЦК КПСС был принят документ, в котором ввод советских войск в Афганистан выглядел несколько иначе.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

ОСОБАЯ ПАПКА ЛИЧНО

№ П 177/151

Тт. Брежневу, Андропову, Гришину, Громыко, Кириленко, Косыгину, Кунаеву, Пельше, Романову, Сулову, Тихонову, Устинову, Черненко, Щербицкому, Алиеву, Горбачеву, Демичеву, Кузнецову, Машерову, Пономареву, Рашидову, Соломенцову, Шеварднадзе, Долгих, Зимянину, Капитонову, Русакову.

Выписка из протокола №177 заседания Политбюро ЦК КПСС от 27 декабря 1979 года.

О наших шагах в связи с развитием обстановки вокруг Афганистана:

– Утвердить приветственную телеграмму Председателю Революционного Совета, Генеральному секретарю ЦК Народно-демократической партии Афганистана, премьер-министру Демократической Республики Афганистан т. Кармалю Бабраку.

– Утвердить предложения о пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана (Приложение б).

Приложение б

О ПРОПАГАНДИСТСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ НАШЕЙ АКЦИИ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА

При освещении в нашей пропагандистской работе – в печати, по телевидению, по радио – предпринятой Советским Союзом по просьбе руководства Демократической Республики Афганистан акции помощи в отражении внешней агрессии руководствоваться следующим:

– Во всей пропагандистской работе исходить из положений, содержащихся в обращении афганского руководства к Советскому Союзу с просьбой о военной помощи, и из Сообщения ТАСС на этот счет.

– В качестве главного тезиса выделять, что осуществленное по просьбе афганского руководства направление в Афганистан ограниченных советских контингентов служит одной цели – оказать народу и правительству Афганистана помощь и содействовать в борьбе против внешней агрессии. Никаких других целей эта советская акция не преследует.

– Подчеркивать, что в результате актов внешней агрессии, нарастающего вмешательства извне во внутренние афганские дела возникла угроза для завоеваний Апрельской революции, для суверенитета и независимости нового Афганистана. В этих условиях Советский Союз, к которому руководство Демократической Республики Афганистан за последние два года неоднократно обращалось с просьбой о помощи в отражении агрессии, откликнулся положительно на эту просьбу, руководствуясь, в частности, духом и буквой советско-афганского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.

– Просьба правительства Афганистана и удовлетворение этой просьбы Советским Союзом – это исключительно дело двух суверенных государств – Советского Союза и Демократической Республики Афганистан, которые сами регулируют свои взаимоотношения. Им, как и любому государству – члену ООН, принадлежит право на индивидуальную или коллективную самооборону, что предусматривается статьей 51 Устава ООН.

– При освещении изменений в руководстве Афганистана подчеркивать, что это является внутренним делом афганского народа, исходить из заявлений, опубликованных революционным Советом Афганистана, из выступлений Председателя Революционного Совета Афганистана.

– Давать твердый и аргументированный отпор любым возможным инсинуациям на счет имеющегося якобы советского вмешательства во внутренние афганские дела. Подчеркивать, что СССР не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана. Задача Советского Союза в связи с событиями в Афганистане и вокруг него сводится к оказа-

нию помощи и содействию в ограждении суверенитета и независимости дружественного Афганистана перед лицом внешней агрессии. Как только эта агрессия прекратится, угроза суверенитету и независимости афганского государства отпадет, советские воинские контингенты будут незамедлительно полностью выведены с территории Афганистана».

Советский народ готовился встречать Новый 1980 год. Тогда никто даже подумать не мог, что последний четверг декабря стал не только началом длинной Афганской войны во имя спасения смертельно больной межпартийными распрями кабульской власти, но и крушения Советского Союза. Именно там, в горах Гиндукуша и пустынях Регистана впервые после победы в Великой Отечественной войне проклюнулась и начала вызревать мысль о его слабости и неспособности советских маршалов победить разрозненные и плохо вооруженные отряды полевых командиров. Что с Советской Армией можно бороться и побеждать. Шурави, которых афганцы прежде боготворили, пролив кровь их соплеменников, превратились в неверных. Смерть за смерть! Око за око! Зуб за зуб!

Глава 12. СТЫЧКА С УСТИНОВЫМ

2 января 1980 года, передав частям 40-й армии боевую технику и тяжелое вооружение, личный состав «мусбата» со стрелковым оружием был переброшен двумя Ан-22 в Ташкент. Спецназовцы опасались, что не долетят до Советского Союза. О втором этапе апрельской революции они знали слишком много такого, что дискредитировало ввод советских войск. Но им милостиво разрешили жить. Это был самый первый вывод советских подразделений из Афганистана.

Колесник попрощался с отрядом, поблагодарил за службу и улетел в Москву, увозя свой план штурма дворца, отчеты об операции и списки для награждения. Прибыв в столицу, он направился на доклад к Ивашутину. Петр Иванович выслушал его, документы закрыл в сейф и решительно сказал:

– Без моего ведома никому ни о чем не рассказывай, понял!?

– Так точно!

Но уже на следующий день он вызвал Колесника, вручил план штурма и сказал:

– На моей машине поедешь на доклад к Устинову.

В приемной министра ожидавшие аудиенции генералы с любопытством и изумлением наблюдали, как генерал-лейтенант Илларионов услужливо помог полковнику снять шинель, и повесив ее в шкаф, учтиво сказал:

– Проходите, министр вас ждет.

Устинов по-отцовски обнял и расцеловал Василия Васильевича, посадил за стол. Достав пачку «Marlboro», предложил закурить. Он был в прекрасном расположении духа. Именно этот неизвестный ранее спецназовец, принес ему славу полководца.

Колесник опешил от столь радушного приема, смущенно ответил:

– Извините, товарищ министр обороны, курю только «Беломор», но папиросы оставил в шинели.

– Устинов кивнул Илларионову:

– Принесите!

Они закурили. Колесник развернул карту с планом операции, и Устинов увидел, что он не утвержден. Покачав головой, сказал:

– Я понимаю, почему осторожный кавказец Магомедов не поставил свою подпись. Но почему Иванов не расписался?

Колесник тактично промолчал, а потом рассказал подробности штурма. Устинова особенно интересовало, как вела себя в бою техника и вооружение.

– Насколько эффективны оказались ЗСУ и АГС-17, инженерные боеприпасы? – спросил он.

– Отлично!

– А гранатомет РПГ-18 «Муха» как показал себя в боевой обстановке?

– Все оружие действовало безотказно! – сказал Колесник, чем немало порадовал душу старого оборонщика.

Когда Василий Васильевич закончил доклад, министр попросил:

– Расскажите немного о себе.

– Родители во время войны партизанили. Их на моих глазах расстреляли фашисты. Я закончил суворовское, а затем пехотное училище, по распределению попал в спецназ. Окончил академию Фрунзе, командовал бригадой, сейчас являюсь заместителем начальника направления по спецразведке.

– А почему не поступаешь в Академию Генштаба? – спросил Устинов.

– Должность позволяет?

– Должность позволяет. И я бы с удовольствием поучился, но мне исполнилось сорок четыре года, а предельный возраст для поступающих – сорок пять лет.

– Ничего, – махнул рукой министр. – Передай Ивашутину: я разрешаю тебе поступать вне конкурса.

Устинов проводил Колесника до приемной, по-отцовски положив руку на плечо. Увидев это, маршал Соколов удивленно сказал:

– Ну, полковник, еще никого из нас министр до дверей не провожал.

– Такую честь надо заслужить, – сказал Огарков и крепко пожал Колеснику руку, – Молодец, полковник, хорошо сработал!

Затем он подошел к телефону, позвонил Варенникову:

– Валентин Иванович, спускайся на второй этаж, к министру.

Не зная, о чем пойдет речь, Варенников на всякий случай прихватил «дежурную» папку со всеми необходимыми справками.

– Министр решил обсудить статус Майорова, – коротко бросил Огарков, когда они вошли в кабинет. – Будем придерживаться прежней позиции?

– Конечно! – решительно ответил Валентин Иванович.

Устинов сидел на своем обычном месте, радостно оживленный. Справа от него расположились Соколов, Епишев, Ахромеев, помощники Илларионов и Турунов. Левая сторона предназначалась для Генштаба. Чтобы создать видимость равновесия, Огарков сел несколько поодаль от министра. Варенников сел через стул от начальника Генштаба. В кабинете было душно, поэтому Устинов добродушно сказал:

– Если кому жарко, можете раздеться.

Все сняли кители, повесили их на спинки стульев. Устинов начал описывать обстановку в Афганистане, а затем перешел к вопросу о назначении командующего войсками Прибалтийского военного округа генерала армии Майорова главным военным советником в Афганистан.

– Нам необходимо определить, – сказал он, – будет ли ему подчиняться только советнический аппарат, или и 40-я армия, которая стала гарнизонами в крупных городах. Есть два мнения. Первое: он должен заниматься только нашими военными советниками и специалистами, оказывая помощь в строительстве национальных вооруженных сил Афганистана. Второе мнение – главному военному советнику предоставить право отдавать распоряжения и 40-й армии. И в связи с этим назначить его на должность первого заместителя главнокомандующего сухопутными войсками. Прошу высказываться. Начнем с вас, Сергей Леонидович.

Маршал Соколов только что вернулся в Москву из Термеза для доклада о вводе войск в Афганистан.

– Я считаю, что нет никакой необходимости назначать Майорова заместителем главнокомандующего сухопутными войсками, – решительно сказал он. – Главный военный советник должен заниматься своим делом. 40-й армией есть кому управлять. Командующий войсками Туркестанского военного округа, хотя и базируется в Ташкенте, но часто бывает в Афганистане. Оперативная группа Министерства обороны представлена в Афганистане достаточно хорошо. Что же касается взаимодействия между 40-й армией и правительственными войсками, то главный военный советник всегда найдет общий язык с командармом.

Ахромеев поддержал Соколова:

– Командующему 40-й армией будет сложно ориентироваться: у него непосредственный начальник – командующий войсками ТуркВО. И вот в Кабуле объявляется еще один начальник в лице главного военного советника. Это только внесет путаницу в управление.

Выслушав одну сторону, министр перешел ко второй:

– А что думает по этому поводу маршал Огарков?

– Такая должность определяется только генералу армии Майорову, – сказал тот, – чтобы, отбыв в Афганистане свой срок, он мог продолжить службу в должности первого замести-

теля главнокомандующего Сухопутными войсками. К этому времени 40-я армия, будем надеяться, вернется на Родину. Ну а главное – оперативность: никого дополнительно не привлекая на месте, главный военный советник оперативно принимает решение в отношении использования правительственных войск и войск 40-й армии. В этих условиях задачи будут решаться оперативно, а не затягиваться, – подчеркнул Огарков.

Устинов слушал, но смотрел куда-то мимо Огаркова. По лицу было видно, что он уже «заводится».

– А какое ваше мнение? – спросил он Варенникова.

– Я целиком разделяю мнение начальника Генерального штаба, – твердо сказал Валентин Иванович. – В это ответственное время необходимо ежедневно, а иногда и ежечасно организовывать взаимодействие между 40-й армией и афганскими войсками. В этих условиях крайне важно сосредоточить в руках генерала Майорова те функции, о которых говорил маршал Огарков. Если бы оперативная группа министерства обороны находилась в Афганистане постоянно, то этот вопрос мог бы отпасть сам по себе. А поскольку она будет в Афганистане наездами, и командующий войсками ТуркВО также не сможет там сидеть постоянно, то такую власть Майорову надо дать...

Устинов перебил Варенникова, раздраженно сказал:

– Генштаб, оказывается, умнее всех! Он не только не поддерживает мнение министра обороны, но не считается и с мнением остальных.

Резким движением руки министр подвинул к себе проект приказа, который подготовил Огарков, размашисто подписал, швырнув его Николаю Васильевичу, проговорил со злостью:

– И вообще, за последнее время чувствуется распушенность даже среди генералов большого ранга. Им предлагают должности, а они носом крутят – не нравится им это, не нравится то, не нравится, видите ли, Забайкалье.

Варенников понял, что речь о нем, резко встал и, глядя прямо министру в глаза, сказал:

– Товарищ министр обороны, зачем эти намеки? Это касается меня лично, вы и назовите мою фамилию. Да, я действительно отказался от Забайкалья. Но должен доложить следующее. Речь идет о перемещении командующего войсками округа. Разве нельзя было кому-нибудь из заместителей министра обороны предварительно поговорить со мной? Да и министр обороны мог бы побеседовать. Почему начальник управления кадров должен решать мою судьбу, не считаясь с моим прохождением службы? Я пробыл пятнадцать лет в Заполярье, и считаю, что имею право выбора...

– Совещание закончено! – резко оборвал его Устинов.

Все поспешно встали и молча направились к выходу. Варенников торопливо надел свой китель и направился к выходу. Устинов подошел к нему и примирительно сказал:

– У вас воротник задрался.

Он хотел его поправить, но Варенников отшатнулся:

– Я сам! – и нервно добавил: – А вы – несправедливый человек!

Все ожидали ответной реакции Устинова, но министр промолчал. Когда Варенников вышел в приемную, на него зашикали:

– Ты что?! Что ты?!

– Выбирай выражения. Это же министр обороны...

– Разве такое допустимо?

– Надо сдерживать себя!

– Это мое личное дело! – бросил на ходу Валентин Иванович и заспешил на свой этаж.

В приемной предупредил порученца:

– Если кто-то будет проситься на прием, пусть приходят после обеда.

Стычка с Устиновым ничего хорошего не сулила. Надо паковать чемоданы. Он подошел к висевшей на стене обзорной карте Европы, нашел Львов, потом отыскал Магдебург,

где командовал армией, Архангельск, где служил командиром корпуса; Кандалакшу, вспомнил родную дивизию, Мурманск, полуостров Рыбачий, «Спутник» и Печенгу, где командовал полками. «Никаких интриг, вся энергия шла на дело, – размышлял он. – А тут... Если министр меня выдворит из Генштаба, – буду только рад. Надо настаивать, чтобы вернули на округ. Желательно, конечно, чтобы находился он восточнее Урала – подальше от этих дрызг. Сыновья уже твердо стали на ноги, офицерская служба у них идет хорошо».

Вечером Варенникову стало известно, что министр пригласил к себе Илларионова и Турунова и обсудил случившееся и сказал в заключение:

– Может быть, Варенников действительно прав? Это ненормально, что с командующим войсками округа беседу проводит всего лишь начальник управления. Надо начальника главного управления кадров повысить в ранг заместителя министра обороны.

Глава 13. МЯТЕЖ В КАБУЛЕ

1980 год для 40-й армии начался относительно спокойно. После декабрьского правительственного переворота жизнь в столице быстро вошла в обычное русло. Простой люд не видел большой разницы между Амином и Кармалем. В дуканах и лавчонках, на базарах и просто на улицах кипела торговля. С наступлением темноты уставший от дневной суеты город затихал. Но по ночам кто-то расклеивал листовки, подстрекавшие к бунту.

20 февраля в город с рассвета и до комендантского часа шел поток крепких мужчин. При проверке на постах слышался один и тот же ответ: – В горах сильно похолодало, идем к родственникам перезимовать.

При досмотре иногда обнаруживали оружие. Афганцы безропотно отдавали его и расходились по городу.

Утром 21 февраля военный комендант Кабула полковник Юрий Иванович Двугрошев, выслушав доклады своих подчиненных, позвонил командарму Тухаринову:

– Товарищ генерал-лейтенант, ночь прошла спокойно. В гарнизоне происшествий не случилось.

Двугрошев служил в 103-й воздушно-десантной дивизии. Военным комендантом Кабула его назначили 1 января 1980 года. За короткое время он сумел быстро организовать службу в, казалось бы, неуправляемом городе и пользовался заслуженным уважением.

Командарм позвонил ему, напомнил:

– Сегодня в нашем посольстве военный атташе полковник Баранаев устраивает прием по случаю 62-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота. Приглашено много высоких гостей – руководителей ДРА и НДПА, будет начальник ГРУ генерал армии Ивашутин с группой генералов и офицеров своего ведомства, так что смотри в оба. Чтобы порядок и охрана были на высшем уровне.

– Есть, товарищ командующий! – четко по уставу ответил комендант.

Петр Иванович Ивашутин прилетел в Кабул в середине февраля, чтобы определиться с выводом войск. Срок в два месяца, который установил Брежнев для наведения порядка в Афганистане, истекал. Предстояло на месте изучить обстановку и уточнить сроки возвращения армии домой.

Застолье в посольстве было в самом разгаре. И вдруг автоматные очереди прервали здравницы в честь Советской Армии и афганско-советской дружбы. Толпы разъяренных людей заполнили улицы. Город запылал, и языки пламени пожарищ окрасили вечернее сумрачное небо в зловещий багровый цвет. В Кабуле начался третий этап апрельской революции. Только теперь к власти рвался Гульбедин Хекматъяр, председатель Исламской партии Афганистана.

Ивашутин чутьем профессионального разведчика понял, что в Кабуле происходит то же самое, что он устроил Амину и его правительству в декабре. А теперь американцы приготовили ему афганский капкан. Все повторялось один к одному как тогда, 27 декабря: пышный прием, торжества по случаю победы и вдруг грянула беда. Тогда гостей потравили, и он настороженно прислушивался к своему телу, нет ли болезненных симптомов. Он больше всего беспокоился, что к мятежникам присоединятся афганские части. После того, что в декабре устроили шурави с охраной Амина, на их сторону может перейти весь Кабульский гарнизон. И пусть у посольства сильная охрана, но и у Амина она была не слабая, а все равно не спасла от смерти...

Петр Иванович позвонил к себе полковника Баранаева, спросил:

– На кого из афганских генералов и офицеров мы можем опереться?

Баранаев пытался вспомнить хотя бы пару фамилий, но ничего путного на ум не приходило.

– Отделение разведки 40-й армии еще не укомплектовано, – сказал он в свое оправдание, – агентурная сеть только создается...

– Что это за агентурная сеть, когда в городе собрались толпы мужчин, и никто даже не поинтересовался: зачем? Тысячи людей знают, что готовится восстание, а вы нет! Какой вы после этого разведчик? Что вы здесь делали? Видно вы уже засиделись, – сделал веское заключение Ивашутин.

Он тут же позвонил в Москву и потребовал прислать вместо Баранаева генерала Крахмалова, а сам принялся за сбор информации через советников других спецслужб.

* * *

Спешно покинув посольство, Двугрошев пробивался через ревушую толпу к себе в комендатуру. Люди дорогу не уступали, непрерывно стучали по машине, некоторые хватались за обшивку, пытаясь перевернуть узик. Повсюду трещали автоматные очереди, возводились баррикады. С криками «Аллах акбар!» поборники ислама громили и жгли дуканы, лавки, школы, автомашины. С большим трудом и с риском для жизни он пробился к пункту управления, сел за телефон и быстро выяснил у комендантов зон сложившуюся обстановку. Понял, что мятеж не стихийный, а управляется опытной рукой. Оппозиция приготовила свой «подарок» к дню рождения Советской Армии. Доложил обстановку командарму Тухаринову по телефону:

– Все части гарнизона и вокруг города полностью заблокированы и обстреливаются. Дороги, ведущие к городу, перекрыты. Бандиты грабят дуканы, магазины и рестораны, жилые дома. Одна группа ворвалась на хлебокомбинат, чтобы разрушить оборудование и лишиться Кабул хлеба, вторая пытается захватить электростанцию, мятежники заложили взрывчатку в хранилище пресной воды. Мятежники также подожгли здание гостиницы, а когда прибыли пожарные, открыли по ним огонь из автоматов. Используя громкоговорящие установки и заранее подготовленные пленки с записями шумов стрельбы и криков, они создают эффект захвата всего Кабула, разбрасывают листовки, угрожая сторонникам правительства и всем непокорным физической расправой.

– Приведите в полную боевую готовность все советские части в Кабуле! – приказал Тухаринов. – Немедленно усильте патрульные группы. До особой команды не стрелять, дабы не допустить кровопролития. В провокации не ввязываться.

Обстановка в городе с каждым часом ухудшалась. С крыш домов, с верхних этажей лавок и постоянных дворов хлестали автоматные очереди по патрульным бронемашинам и цепям милиционеров. На асфальте уже лежали трупы афганских солдат. Никто их не убирал.

Двугрошева вызвал в штаб маршал Соколов. И снова комендант прорывался сквозь ревушую толпу восставших, чудом оставшись жив. Милиционеры и афганские солдаты встали живой стеной перед озверевшей массой бунтовщиков, подогреваемых призывами к насилию. «Братья мусульмане! – неслось из мощных динамиков. – Шурави убили тысячи наших единорогов! Пусть они омоют свои преступления перед афганцами своей кровью. Все – на баррикады. Аллах акбар! Аллах акбар!».

Маршал встретил Двугрошева сидя за столом. Выглядел он спокойным, хотя вид был усталый. По карте Юрий Иванович доложил обстановку в городе.

– Около 10 тысяч наиболее агрессивно настроенных повстанцев скопилось в центре города, – он обвел кончиком указки площадь Пуштунистан, – возле банка, почтамта, правительственного дворца. Они окружили наши воинские части, советское посольство, блокировали гостиницу, где живут наши советники, пытались захватить жизненно важные объекты. В царандое приготовлены 4 вертолета и 40 тысяч листовок с призывом к горожанам разойтись и впредь не собираться группами более десяти человек. В случае невыполнения требования будет применено оружие. Главную роль по наведению порядка в городе выполняет наш советник в царандое полковник милиции Гринин.

– Хорошо, действуйте! – одобрил план маршал.

Как только комендант ушел, Соколову позвонил Бабрак Кармаль и с недовольством в голосе спросил:

– Почему вы бездействуете? Почему не используете советские войска для наведения порядка?

Видимо, Кармаль решил, что все трудности с подавлением бунта шурави должны взвалить на свои плечи. Соколова возмутила подобная бесцеремонность.

– Советские солдаты не будут стрелять в афганский народ! – решительно сказал он. – Подавление путча – это задача руководства вашей страны. Ваша задача. Все необходимое для этого у вас есть. Своему выступлению путчисты стремятся придать видимость массовой «исламской революции». Однако никакого народного бунта нет. Главная их цель, как это было и в Герате – привлечь на свою сторону афганскую армию, объединиться с солдатами и добиться масштабного кровопролития, чтобы против советских войск восстал весь народ. Поэтому они всячески стремятся спровоцировать наши части на активные действия. Мы не должны идти у них на поводу. Войска будут применены только в крайнем случае. Хочу вам сообщить, что в боевую готовность приведены части и соединения Туркестанского военного округа. А пока вы сами работайте. Я считаю, что органы безопасности Афганистана, подразделения армии и царандоя, партийные активисты сумеют своими силами справиться с выступлением оппозиции.

Бабрак Кармаль не ожидал столь резкого ответа от советского военачальника и примирительно проговорил:

– Хорошо, действуйте, как считаете целесообразным.

* * *

Полеты боевых вертолетов на низкой высоте и листовки сыграли свою роль. Бушующие толпы начали утихомириваться и постепенно поределели. К ночи правительственным силам удалось восстановить контроль над всем городом. На следующий день начались облавы и аресты зачинщиков бунта, среди которых оказался американский гражданин Роберт Ли и шестнадцать пакистанских диверсантов. У мятежников изъяли большое количество оружия, в основном американского и китайского производства, взрывные устройства, бутылки с зажигательной смесью и значительные суммы денег.

Но главный организатор Гульбеддин Хекматяр исчез.

Утро 23 февраля выдалось солнечным. Город был тих и пуст. Постепенно начали оживать улицы, и к полудню милиционеры и солдаты разобрали баррикады, расчистили проезжую часть от сгоревших машин, разбитых стекол витрин. Изучив обстановку, Двугрошев доложил командарму Тухаринову:

– В городе все утихомирилось. В отелях «Джамиль», «Метрополь» и «Ништаль» задержаны иностранные наемники, снабженные фиктивными документами. При них обнаружили оружие, портативные приемо-передающие станции, магнитофонные пленки с записями антиправительственных подстрекательских выступлений. В Кабуле найдены тайные склады оружия, которым преступники намеревались воспользоваться...

Эта информация вскоре пошла в Москву по всем каналам. Собралось Политбюро ЦК КПСС. Открывая заседание, Брежнев, сказал:

– Нам необходимо посоветоваться. Свою задачу по свержению узурпатора Амина наши войска выполнили, и мы думали их выводить. Но обстановка в Афганистане складывается не совсем так, как бы нам хотелось. В Кабуле произошли волнения. Свою оценку нам доложит генерал армии Ивашутин.

– Мне удалось разобраться в причинах бунта, – сказал Петр Иванович. – Антиправительственные силы, играя на трудностях с хлебом и топливом, развернули широкую агитацию среди городской бедноты, опутанной религиозными и националистическими предрассудками. Они сумели вывести на центральные улицы Кабула несколько тысяч горожан. В толпу влились

выпущенные из тюрем уголовники, начались насилия и погромы. Но главная цель мятежа – привлечь на свою сторону афганские части, спровоцировать столкновения с советскими подразделениями, вызвать большое кровопролитие. Однако эта цель не была достигнута. Афганская армия осталась верной правительству. Со стороны наших войск не прозвучало ни единого выстрела.

Эту тщательно спланированную и довольно умело осуществленную акцию готовили за пределами Афганистана – в США и Пакистане. Путч приурочен ко дню истечения ультиматума, предъявленного президентом США, с требованием вывода из Афганистана наших войск.

– Вы же знали об американском ультиматуме! – укорил разведчика Брежнев. – Наверное, можно было догадаться, что они постараются устроить нам какую-то каверзу. – Несколько помедлив, он продолжил: – Для бесед с новыми афганскими руководителями мы направляли товарища Андропова. Юрий Владимирович, а как вы оцениваете обстановку?

Андропов обрисовал ситуацию в стране и в завершение сказал:

– Считаю устранение Амина правильным. Положение в стране улучшилось.

Брежнев согласно кивнул головой и сказал:

– Мы надеялись, что смещение Амина и определенное закрепление нового афганского правительства во главе с Кармалем обеспечит стабилизацию обстановки в стране. Поэтому полагали, что наши войска свою задачу по смене руководства выполнили и их можно будет вернуть на Родину. Но я смотрю, что ситуация в Афганистане осложняется. Ясно, что мятеж в Кабуле – дело рук американцев. Или есть другие мнения?

Устинов поддержал генсека:

– Леонид Ильич, я тоже считаю, что вывод наших войск в то время, как США объявили нам ультиматум, будет означать уступку их агрессивной политике, и только укрепит позиции сторонников жесткого курса Запада в отношении Советского Союза. И, что еще немало важно, вызовет дальнейшую дестабилизацию обстановки в Афганистане. Партийно-государственный аппарат и вооруженные силы там еще очень слабы. Мы можем потерять Афганистан. А его потеря приведет к резкому росту мусульманского экстремизма вблизи границ Советского Союза, да и в самих республиках Средней Азии. Они же воспримут нашу добропорядочность за слабость. Наш ограниченный контингент должен пробыть в Афганистане год, а то и полтора до окончательной стабилизации обстановки.

– Леонид Ильич, я тоже предлагаю вопрос о выводе войск рассмотреть позднее, – поддержал Устинова Громыко. – Когда мы добьемся реальной стабилизации политической обстановки в стране, тогда и вернемся к нему.

Хотя мятеж в Кабуле бесславно провалился, он имел тяжелые последствия. Перепуганный путчем Кармаль добился от правительства СССР решения задержать наши войска в Афганистане на долгие годы. И не только охранять его, но и воевать с его народом.

Глава 14. ПЕРВАЯ КУНАРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

К концу февраля 1980 года 40-я армия контролировала все крупные города, девять основных аэродромов, двадцать провинциальных центров. Большинство военнослужащих надеялись, что скоро вернуться в Союз. Но повезло не всем. Только призванные из запаса «партизаны» заменялись кадровыми офицерами и прапорщиками, которых присылали со всех округов и групп войск. Вместо танков Т-55 пришли современные Т-62 и Т-64. В войска поступали новые виды оружия, в том числе и гранатомет АГС-17 «Пламя». Офицеры чувствовали, что бои начнутся уже очень скоро.

В начале марта в штаб 108-й мотострелковой дивизии поступила кодограмма о подготовке рейдовой группы в приграничную провинцию Кунар. Возглавил ее полковник Борис Всеволодович Громов. Ещё 16 января он был в Майкопе на Северном Кавказе, готовился к учениям, но позвонил командир корпуса и сухо сказал: «Министр обороны подписал приказ о назначении вас начальником штаба 108-й дивизии в Кабул». Это известие несколько озадачило. За восемь лет после Военной академии Громов успешно прошагал по ступеням служебной лестницы от командира батальона до начальника штаба дивизии, готовился к беседе по поводу назначения командиром дивизии, а тут – равноценная должность. И предстоит руководить не командно-штабными учениями, а боевой операцией в афганских горах. Громов тогда и помыслить не мог, что пройдет время, и он сам будет командовать 40-й армией, выводить её из Афганистана.

На постановку задачи в большую палатку набилось много народу. Кроме командиров подразделений здесь были офицеры штаба армии, оперативной группы МО СССР, которым предстояло координировать действия советских и афганских войск. Впереди висела большая склейка карт, на которой был проложен маршрут рейдовой группы от Кабула до Асмара с обозначением боевого порядка на всех этапах марша. На розданных офицерам аэрофотоснимках были отчетливо видны устроенные на дорогах завалы и обрушения.

Задачу ставил командующий 40-й армией генерал-лейтенант Юрий Владимирович Тухаринов. Высокий и стройный в молодости, к пятидесяти годам он ссутулился от навалившейся на него непомерной тяжести служебных забот. До Афганистана он был первым заместителем командующего войсками Туркестанского военного округа. 40-я армия существовала только на бумаге в мобилизационных планах оперативного управления. В короткий срок он превратил «бумажное» войско в боевое объединение.

Командарм взял длинную гладко выструганную из соснового бруска указку, и Громову показалось, что он разительно похож на странствующего рыцаря Дон Кихота. Это сравнение вызвало мимолетную улыбку, так неуместную в строгой обстановке совещания, и он быстро прогнал ее.

– Нам предстоит провести первую боевую операцию в пограничной с Пакистаном провинции Кунар, – сказал Тухаринов и решительно добавил: – Оппозиция стремится захватить её и объявить на востоке страны исламскую республику. Вышел из повиновения 30-й горно-пехотный полк 9-й пехотной дивизии, дислоцирующийся в Асмаре. Все офицеры полка – члены НДПА убиты. Погибли и наши военные советники. Мятежная кунарская группировка насчитывает около трех тысяч человек. Основная группа базируется в районе кишлака Шинкорак, расположенном в 15 километрах северо-восточнее Асадабада. Около 600 – в кишлачной зоне ущелья реки Печдары, которая впадает в Кунар возле Асадабада. Около 500 человек под командованием бывшего начальника штаба полка Баки, составляют гарнизон города Асмар, расположенного в сорока километрах северо-восточнее Асадабада.

Руководит мятежниками председатель Исламской партии Афганистана Гульбеддин Хекматъяр. Наиболее хорошо подготовлена группировка его сподвижника Асил-Хана базируется в ущелье Шигал. Отряд бывшего командира 30-го горно-пехотного полка Рауфа контролирует большую часть территории провинции и своей ближайшей задачей ставит овладение городом Асадабад, и там создать плацдарм для крупномасштабного наступления на Джелалабад, а затем и Кабул.

Женщин и детей восставшие отправили в лагеря беженцев в Пакистан, а район предстоящих боевых действий около семи месяцев готовили к обороне. Вдоль дороги Асадабад-Асмар оборудовано 17 опорных пунктов. На них находятся посты наблюдения, созданы каменные завалы, рвы. У препятствий оборудованы позиции снайперов, гранатометчиков и пулеметчиков.

Части 9-й горно-пехотной дивизии, расквартированные в Асадабаде, пока удерживают город. Но по численности они уступают мятежникам, и без нашей помощи им не справиться. Замысел операции: нанести одновременно удар по отрядам моджахедов в ущелье Шегал силами двух мотострелковых батальонов со стороны Асадабада, а тактический воздушный десант ударит с тыла. 69-й горно-пехотный полк, дислоцирующийся в Асадабаде, должен блокировать мятежников в ущелье Печдара и не допустить их соединения с главной группировкой. Затем, наступая вдоль реки Кунар, разгромить гарнизон в городе Асмар, перевалочные базы Дангам, Варикар, заминировать караванные пути, которые идут из Пакистана через девять перевалов хребта Хиндурадж. В районе Мараварского ущелья к Асадабаду ведет и автомобильная дорога, по которой мятежники могут быстро получить подкрепление из лагерей, расположенных вокруг Пешавара.

Громов слушал командарма и ловил себя на мысли, что ему ни разу действовать в таких условиях не приходилось. Хотя и служил на Кавказе, но высоко в горы подниматься не приходилось, а старались учения проводить на равнинах.

– В связи с тем, что это первая боевая операция, решено усилить командный состав, – продолжал доклад Тухаринов. – Отряд обеспечения движения возглавляет начальник штаба 108-й мотострелковой дивизии полковник Громов. В голове колонны идет 2-й мотострелковый батальон 180-го мотострелкового полка во главе с командиром полка подполковником Тулкуном Касымовым. За ним следует 3-й парашютно-десантный батальон 350-го полка. Им командует заместитель командира полка майор Николай Михайловский. Замыкает колонну пехотный батальон 66-го пехотного полка 11-й пехотной дивизии.

Тактический воздушный десант – 3-й парашютно-десантный батальон 317-го гвардейского парашютно-десантного полка под командованием майора Василия Кустрё. В связи со сложностью обстановки, время на подготовку – двое суток. Основная задача огневого поражения противника возложена на авиацию. В воздухе будут непрерывно работать вертолеты огневой поддержки. В каждый батальон выделяется авианаводчик.

Командарм подробно остановился на вопросах взаимодействия между советскими и афганскими подразделениями, а в завершение сказал:

– В районе проведения операции находится Джелалабадский аэродром. Он может принимать только небольшие самолеты, типа Ан-26. Так что горючее, боеприпасы и все остальное необходимо брать с собой.

Затем выступил начальник политотдела дивизии полковник Лев Борисович Серебров.

– Эскалация напряженности в восточных провинциях Афганистана началась сразу после апрельской революции, – сказал он. – 21 марта 1979 года резко активизировалась боевая деятельность мятежников в горных районах рядом с Джелалабадом. В городе был раскрыт заговор, арестовано более двухсот солдат и офицеров. В провинции Кунар бандформирования совершили несколько нападений на гарнизоны правительственных войск в городах Асмар и Маногай. Ожесточенные бои развернулись и в пригородах Асадабада. Асадабадский гарни-

зон выстоял, но во многих районах провинции власть принадлежит отрядам Исламской партии Афганистана. Играя на религиозных и национальных чувствах, контрреволюция оказывает сильное влияние на значительную часть населения. Резко активизировался террор моджахедов в отношении местных жителей, которые поддерживали органы власти, и, конечно, в первую очередь, в отношении самих представителей этой власти. Если в апреле 1979 года было совершено 38 террористических актов и погибло 63 человека, то уже в этом году более ста случаев террора, убито 155 человек. Надо иметь в виду, что мятежники находятся в полной зависимости от США, Пакистана и других стран, которые их финансируют, обеспечивают всем необходимым и всячески подталкивают к боевым действиям. Посол США в Пакистане Хинтон заявил собравшимся в Пешаваре лидерам афганской контрреволюции о готовности американцев увеличить финансовую и военную помощь при условии их объединения в единый фронт. Конгресс США проголосовал за выделение «прямой и открытой помощи» мятежникам в размере 15 миллионов долларов, официально узаконив вмешательство во внутренние дела суверенного государства – члена ООН...

Затем выступил военный атташе генерал-майор Крохмалов, поделился развединформацией.

– 30 января в США прибыло 48 афганцев из состава контрреволюционных группировок для военной подготовки на базах Вооруженных Сил США в Техасе и Калифорнии, – сказал он. – Для сбора сведений о новых аэродромах, местах дислокации советских войск в Афганистан при содействии со стороны регулярной пакистанской армии переправились военнослужащие США Дейвер и Кимпен Джордж. В районе деревни Сарабруд в 40 километрах от Кветты американцы завершают строительство учебного центра по подготовке афганских контрреволюционеров. В центре около двадцати американских советников обучают афганцев тактике и методам ведения партизанской войны. В заключение Крохмалов подчеркнул:

– На территории Афганистана развернулась ожесточенная борьба США против СССР. Только американцы, в отличие от нас, воюют здесь чужими руками.

После совещания Тухаринов вызвал Громова к себе.

– Пока вы собираетесь в Кунар, – решительно сказал он, – надо навести порядок вокруг Кабула. Из района Хайрабада, – командарм обвел кончиком указки кишлак на карте южнее столицы, – душманы начали обстрелы наших войск. По данным агентурной разведки, они планируют нападение на штаб армии. Если напрямую через горы – до кишлака примерно семь километров. А если по дороге – то чуть больше двадцати. Необходимо очистить кишлак от мятежников. В ваше распоряжение выделяются два мотострелковых батальона и артиллерийский дивизион. В случае необходимости можете вызвать авиацию. Летчики будут постоянно дежурить на аэродроме.

А какие сведения о противнике? – поинтересовался Громов.

– О противнике мы практически ничего не знаем, – честно признался командарм. – Точно знаю только, что стреляют из Хайрабада, и этот район надо «зачистить». Вы сами будете вести разведку и если встретите моджахедов, то их необходимо уничтожить.

У Тухаринова была и другая цель: прежде чем послать Громова в кунарский рейд, он хотел проверить его командирские способности вблизи от штаба армии, чтобы в случае чего быстро придти на помощь.

* * *

От Кабула до небольшого хребта, за которым находился кишлак Хайрабад, колонна прошла без происшествий. Не доезжая километров трех до перевала, Громов выслал вперед разведку, а сам поехал следом на радиной машине. При подходе к перевалу по броне гулко забарабанили пули. Хотя он был внутренне готов к бою и ждал его в любую секунду, но от грозного перестука оцепенел. Рядом находятся боевые подразделения, артиллерия стоит на огневых позициях, на подходе вертолеты. Дай им координаты цели – и в душманов полетят тонны

металла. Но он начисто забыл, что должен делать. Пули противно клацали по броне, и после каждого удара казалось, что следующая обязательно ее пробьет. Когда пришел в себя и начал вызывать командиров батальонов и рот, никто не отвечал. Начал проклинать конструкторов, которые придумали отвратительную радиостанцию, которую никто не слышит.

Внезапно обстрел прекратился. Громов даже не сразу понял, почему перестали стучать пули по броне. Как-то само собой почувствовал, что душманы ушли. Он высунулся в командирский люк бронетранспортера, огляделся.

Развернувшаяся в цепь мотострелковая рота под прикрытием основных сил батальона прочесала кишлак, но никого там не нашла. Он был совершенно пуст. Душманы покинули его еще тогда, когда их колонна только вытягивалась из Кабула, оставив небольшое прикрытие.

По возвращению Громов подробно доложил Тухаринову о результатах рейда.

– Анализируя первую операцию, – сказал он, – мы пришли к выводу, что движение по любой дороге в горах обязательно нужно прикрывать сверху – справа и слева. Специально подготовленные взводы и даже роты должны идти по хребтам вдоль дороги с небольшим уступом вперед и сбивать вражеские заслоны.

* * *

Рейд на Кунар начался ранним утром. Колонна, соблюдая все правила военного искусства, шла вдоль реки Кабул, втянулась в узкую долину Вурешминтангай, больше похожую на ущелье, и мотострелки с опаской ожидали нападения душманов.

С высоты двух километров открывался вид на всю Нангархарскую долину – житницу страны. С севера в Кабул вливалась небольшая река Лагман, давшая название одноименной провинции. А сразу за Джелалабадом в Кабул несколькими руслами впадали холодные воды Кунара. Его истоки находятся высоко в снежных горах на северо-западе Пакистана и служат государственной границей между Пакистаном и Афганистаном. Зеленые кишлачные зоны вдоль речных долин с цитрусовыми садами, обрамляли горные хребты с белеющими вдалеке белоснежными вершинами, каменистые плоскогорья с зарослями кустарников. Вдоль покрытого лесами хребта Кабул-Теапар и далее на север по хребтам Хиндураджа оппозиция спешно оборудовала цепь своих опорных пунктов: Таганай, Гошта, Нава, Каррера.

Рейдовая группа упорно продвигалась к Асадабаду. Сразу выяснилось, что все выработанное советской военной наукой и записанное в боевых уставах, в том числе и в разделе «Ведение боевых действий в горах», годится только для европейского театра военных действий. Громов и его подчиненные были вынуждены многое постигать на ходу.

Впереди шел отряд обеспечения движения. Под охраной танкистов и мотострелков с помощью специальной техники саперы расчищали завалы на дорогах. В голове колонны двигался огромный небронированный бульдозер на артиллерийском тягаче, сокращенно именуемый БАТ. У Бабурского ущелья наткнулись на огромный завал. Бульдозер начал его расчищать, и был в упор расстрелян из гранатомета. Огромная махина загрозила путь: ни обойти, ни объехать. Пришлось столкнуть ее в обрыв.

Возле кишлака Наранг мятежники взорвали пятьдесят метров горной дороги. Колонна остановилась. По ней открыли шквальный огонь сверху. Началась паника, неразбериха. Практически никто не знал, что нужно делать в такой ситуации. Громов вызвал по радио авиацию. В колонне находились авиационные наводчики, но они ничего не видели и не знали, откуда ведется огонь. Авиация била по площадям. Иногда под её огонь попадали и свои войска. Без специального обозначения с большой высоты очень трудно разглядеть, где находятся душманы, а где свои.

Тухаринов постоянно вызывал Громова на связь, уточнял обстановку:

– Ну-ка, давай по карте: где огневые позиции артиллерии? Где первая мотострелковая рота, где – вторая?

Поначалу Громов возмущался такой опекой, но вскоре привык и специально готовил для командующего подробные доклады. Они дисциплинировали не только мысли, но и действия.

Из доклада Маршала Советского Союза С. Л. Соколова Министру обороны Маршалу Советского Союза Д. Ф. Устинову

28.02.1980 г.

Закончена подготовка боевых действий по уничтожению крупной мятежной банды в провинции Кунар.

Войска выведены в исходный район 8 км северо-восточнее г. Асадабад. Закончена разведка группировки противника. При благоприятных для авиации погодных условиях боевые действия начнутся с утра 29.02.80 г.

О погоде Соколов упомянул не зря: в Кунаре погода стояла отвратительная: лил дождь попеременно со снежной круговертью. Утро 29 февраля выдалось солнечным и безветренным. Видимость миллион на миллион – как говорят авиаторы. 40 самолетов и 12 вертолетов нанесли первый авиаудар по разведанным целям. Воздушная часть операции шла по намеченному плану. 28 вертолетов высадили десантный батальон, усиленный разведротой дивизии и саперным взводом, практически в центре расположения восставшего горно-пехотного полка. Вертушки зависали на небольшой высоте, из них выпрыгивали десантники, собирались по подразделениям.

Батальон с момента ввода в Афганистан охранял правительственные здания в центре столицы. Практических занятий в горах по тактической подготовке, управления подразделениями в бою, взаимодействию, стрельбе в горных условиях с ними не проводились. За день до операции батальон вывезли в горы севернее кабульского аэродрома. Десантники до наступления сумерек смогли подняться только до середины горы ХоджаБурга, обозначили боевые порядки и спешно спустились вниз.

Командир саперного взвода лейтенант Павел Агафонов должен был находиться с 7-й ротой. После приземления он увидел странную картину: небольшого роста офицер, в летной фуражке, мешковатой шинели, перетянутой ремнем автомата, тащил два огромных ящика. В боевой обстановке он выглядел нелепо.

- Вы куда с такой поклажей? – спросил он офицера.
- Я авианаводчик, должен быть рядом с комбатом!
- Штаб идет с восьмой ротой.
- Мне туда надо.
- А что в ящиках?
- Радиостанция.
- Давай, помогу.

Агафонов тащил ящик сколько мог, потом сказал:

- Все, мне нужно в другую сторону.

Командир 7-й роты Владимир Тарасевич собрал своих офицеров, выслушал доклады о наличии людей и рота двинулась цепочкой, след в след, начала спускаться к кишлаку Шигал. Час шли по гребню, который был чуть ниже соседних хребтов. С них постреливали снайперы, появились первые раненые. Когда до намеченного рубежа оставалось метров 500, снизу демонстративно пошли в атаку человек сто. Диспозиция, лучше не придумаешь: наступающие, как на ладони. Дружно ударили автоматы и пулеметы, и мятежники обратились в бегство. Увлечлись стрельбой, десантники не заметили, что по ним прицельно стреляют с тыла. Рота значительно поредела.

- Шесть убитых, много раненых, – доложил комбату Тарасевич.
 - . Все, занимайте оборону и до темноты никуда не двигаться! – приказал Кустрё.
- С наступлением темноты им разрешили спуститься пониже, где стояли два здания.
- В них и заночуем, – решил ротный.

Из офицеров только он оказался целым и невредимым. Остальных выбили снайперы. Когда обустроились, Тарасевич поднялся на крышу. К нему присоединился Агафонов. Сидели молча, каждый по-своему переживал события прошедшего дня. Внизу лежали их сослуживцы, разделенных боем на живых и мертвых, раненных и убитых. Кто спал уже вечным сном, а кто метался в горячечном бреду. Еще утром, когда ярко светило солнце, а небо было черным от многочисленных вертолетов и самолетов, кромсавших горы разрывами бомб и реактивных снарядов, казалось, что и стрелять не придется. А оно вон как вышло.

Взошла огромная луна, освещая горы желтым призрачным светом.

– Давай, попробуем выяснить, где находятся наши, – предложил ротный.

Он пустил в воздух одну ракету, затем вторую. Ответные ракеты взле тели справа и слева.

– С флангов мы вроде прикрыты, – сказал Тарасевич. – Давай, попробуем самим выйти на дорогу. До неё уже недалеко. Пойдешь с первой группой?

Агафонов согласился.

Собрали всех, кто мог ходить, начали выдвигаться. Метров через сорок начался крутой обрыв.

– Если спрыгнуть с него еще можно, – доложил он ротному, – то подняться назад будет проблематично. Тем более вытаскивать раненых и убитых.

Ротный доложил о ситуации в штаб батальона.

– Оставайтесь на месте, – распорядился комбат. – Днем к вам прилетят вертолеты за ранеными и убитыми. Подыщите площадку для их посадки.

Офицеры пошли посмотреть, где может сесть вертолет, но так ничего путного не нашли и решили вернуться в дувал. Агафонов вошел первым, Тарасевич – вторым, и тут же, ойкнув, упал: через закрытую дверь, пуля, пробив доску, ранила его в колено.

Утром прилетели вертушки. Один вертолет завис прямо над крышей здания. «Но кто будет грузить раненых?» – подумал Агафонов. И тут, словно из-под земли, появились шесть богатырей.

– Мы из разведроты дивизии, – сказал дюжий сержант.

Разведчики быстро погрузили раненых в вертолет, и он взмыл в небо.

Стали ждать второй вертолет, чтобы погрузить убитых, оставшееся оружие и имущество. Где-то через час вертолеты прилетели вновь. Опять такая же смелая посадка на крышу. Опять помогли дивизионные разведчики. Когда вертолеты улетели, остатки роты вышли к основным силам батальона. Встретил их комбат.

– Общие потери батальона – 36 убитых и 90 раненых, – доложил майор Кустрё в штаб дивизии. – Один солдат пропал. Нет ни среди мертвых, ни среди живых.

– Ищите! – потребовали сверху.

Без потерь выполнила свою задачу только 8-я рота, хотя и шла на главном направлении. У них был один раненый. Может быть потому, что с ней был комбат со своим штабом, начальник штаба дивизии с разведчиками, авианаводчик, взвод АГС-17.

Наибольшие потери понесла 9-я рота. Её высадили дальше всех, и как только развернулись в боевой порядок и начали выдвигаться к намеченному рубежу – появились раненные. Мятежники отходили, оставляя в укрытиях группы по 3—5 человек и вели огонь с тыла, создавая видимость окружения. Командир роты капитан Владимир Хапин начал подавать сигналы кружившим вертолетам, чтобы забрали раненых. Один из них принял десантников за мятежников и ударил залпом нурсов. К раненым добавилось 6 убитых. Две бомбы сбросил на десантников МИГ-24 и появилось еще два трупа. К намеченному рубежу пробился только 2-й взвод и три сапера во главе с заместителем командира саперного взвода старшим сержантом Николаем Чепиком. Воспользовавшись замешательством, мятежники атаковали их. Завязался бой на расстоянии броска гранаты. Николай Чепик находился на правом фланге. Раненный в обе ноги, он не мог двигаться, лежа отстреливался от духов, которые решили взять его живым.

Когда они приблизились, сапер подорвал мину направленного действия. В живых остались только раненый взводный и два солдата.

Разведрота дивизии прикрывала десантный батальон с тыла и постоянно вела бой. Заместитель командира разведроты старший сержант Александр Мироненко с тремя разведчиками тоже оказался отрезанным от своих. Связи не было, и он сигнальной ракетой обозначил себя. На зов бросились мятежники. Когда товарищи погибли, Мироненко подорвал гранатой себя и приближающихся афганцев. Оба еще в Витебске на тактических учениях проявили себя: Мироненко – как лучший разведчик ВДВ, а Чепик – лучший сапер ВДВ. Оба ездили в Москву на встречу с командующим Маргеловым.

На помощь десанту пришел 3-й парашютно-десантный батальон, который по сути был в резерве, и душманы отступили, ушли в ущелье Шигал. Лишь к вечеру тактический воздушный десант смог пробиться к своим основным силам.

Наступавшие вдоль Кунара тоже особыми успехами похвастать не могли. 2-й мотострелковый батальон, начав выдвижение с северо-восточной окраины Асадабада, с боем овладел кишлаком Шинкорак. Но дальше продвижение застопорилось. Мотострелки увязли в стычках с мелкими группами противника. А вскоре первые машины наткнулись на огромный ров шириной до семи метров и глубиной три метра, который пересек единственную дорогу: ни объехать, ни обойти. Весь личный состав, кроме боевого охранения, делал переход через препятствие.

1 марта продолжилось наступление на Асмар. Разведчики захватили мост через Кунар, и третий десантный батальон начал прочесывать ущелье Шигал. По их наводке вертолеты уничтожили 5 опорных пунктов. Но войти в Асмар смогли только к вечеру после авианалета, а перевалочный пункт Дангам на караванном маршруте заняли только к исходу 2 марта.

На совещании в Кабуле Тухаринов подводил итоги операции:

– Наши подразделения захватили 2 вертолета Ми-4, 2 бронетранспортера, более 20 радиостанций, 57 автомашин, 5 минометов, 80 ящиков с минами и снарядами, документы разгромленных штабов Рауфа и Баки, 2 перевалочные базы, 17 опорных пунктов и свыше полторы тысячи душманов. Но победа досталась дорогой ценой: 52 убитых, 43 раненых, один пропавший без вести. И хотя многие солдаты, сержанты и офицеры проявили подлинный героизм, кунарская операция выявила слабую подготовку подразделений для боя в горах. Шли по долинам, а с господствующих высот по ним стреляли душманы. Сожгли столько топлива, расстреляли уйму боеприпасов, – не преминул упрекнуть офицеров Тухаринов, – а результат – кот наплакал. А вот только после одного обстрела территории 108-й дивизии взлетели на воздух почти все склады с запасами продовольствия и боеприпасов, полк едва не лишился боевого знамени. Один офицер и пятеро солдат погибли.

На протяжении всех десяти дней и позже, во время итогового доклада, чувствовалось большое недовольство командарма результатами проведенных боевых действий. И все же в ходе боевых действий генералы, офицеры и солдаты Ограниченного контингента приобрели колоссальный опыт. Было пересмотрено многое – начиная от подготовки и построения войск для движения в колоннах и заканчивая отработкой взаимодействия с авиацией, артиллерией и управления ими. Для Афганистана срочно начали готовить горные батальоны, артиллерийских корректировщиков и авиационных наводчиков. Этих специалистов охраняли лучше, чем любого командира.

Понимая важность контроля над провинцией Кунар, перекрытия государственной границы, саперы подорваны караванные тропы на перевалах Биншайкандао, Лобкам, Кача, Нава, Чартана, Спинаука, Гулпрай, через которые шли караваны с оружием и боеприпасами в Наранг, Коткай и далее в горы Гиндукуша к Ахмад Шаху Масуду и другим полевым командирам. Были восстановлены гарнизоны частей 9-ой горно-пехотной дивизии, батальоны службы безопасности – ХАД, царандоя, в Асадабаде развернут оперативный батальон Главного управ-

ления защиты революции, по типу подразделения наших внутренних войск. В них прислали советников. 1 марта 1980 года была создана 66-я отдельная мотострелковая бригада. В Джелалабаде расположился её штаб, 1-й батальон и подразделения обеспечения. В Асадабаде – 2-й, а в Асмаре – 3-й батальон. Казалось, что в Кунаре должны воцариться мир и спокойствие. Однако эти надежды оказались тщетны. Вместо разгромленных отрядов из Пакистана пришли новые, еще лучше вооруженные и обученные.

11 мая 1980 года в долине реки Печдара у кишлака Хара, неподалеку от Асадабада, написана кровью одна из наиболее драматичных страниц афганской войны. Операция началась в 5 часов утра с высадки тактического десанта в составе 1-го батальона 66-й отдельной мотострелковой бригады. 1-я рота и взвод ДШБ лейтенанта Суровцева и взвод лейтенанта Котова занимали позиции на вершине горы высотой 3 тысячи метров. В 8.30 поступила команда «Дорога». Взвод АГС-17 пошел по гребню, взвод Котова – разведдозор и основной состав роты спустились к реке, взвод ДШБ шел в замыкании. По команде замполита старшего лейтенанта Шорникова рота стала строиться в походную колонну. И в этот момент по ней со всех сторон открыли шквальный огонь мятежники. Около 30 человек сумели укрыться в ближайшем строении, выдержали несколько атак, потеряв около десяти человек убитыми и ранеными. Попытались вызвать подмогу, но безуспешно. Ночью выбрались из окружения с боем, переходившим в рукопашную, по горло в воде, вынесли на себе раненых и оружие. Многие утонули. Общие потери – 31 убитый, 25 ранено.

К лету весь Ограниченный контингент втянулся в войну. Подстрекаемые США и их союзниками, многие афганцы взяли за оружие и, ослепленные ненавистью, решили изгнать шурави, которые строили им дороги, заводы, бесплатно учили молодежь, кормили и одевали чуть ли не все население страны.

В Советском Союзе началась пятилетка похорон, и руководству страны было не до Афганистана. В декабре 1980 году умер председатель Совета министров СССР Косыгин. Еще полный сил и жизненной энергии, но лишенный расположения товарищей по партии, он угас в одночасье. Потом хоронили генсеков Брежнева, Черненко, Андропова. Зачинателей афганской войны провожали в мир иной пышно, со всеми воинскими почестями, а геройски погибших в Афганистане закапывали тайком, запрещая вскрывать цинковые гробы и писать на надгробиях место и причину смерти.

Часть третья

МУШАВЕРЫ КУНАРА

Глава 15. СОВЕТНИК ИВАН ДУГИН

Капитан Дугин торопливо шагал в штаб дивизии, теряясь в догадках: зачем это он понадобился начальнику политотдела. По службе вроде никаких проколов не было. Полковник Гриенко сразу прояснил ситуацию:

– Иван Семенович, мы должны направить трех человек в Афганистан советниками командиров отрядов Главного управления защиты революции по политчасти. Как вы смотрите в отношении командировки за речку.

Дугин удивленно вскинул брови:

– Александр Иванович, я же пропагандист танкового батальона!

– Карта пала на вас, – сказал начпо твердым голосом, не допускающим возражений. – Мы обсудили вашу кандидатуру и уверены, что с этой работой справитесь. Там ведь нужно не только словом увлекать, но и личным примером. Вы и с автомата стреляете отлично, и артиллеристом служили, не только в политических вопросах, а и в технике хорошо разбираетесь, так что ваша кандидатура вполне подходящая. К тому же, только окончили высшую партийную школу. Вот и будете полученные знания закреплять практическими делами в боевой обстановке.

– Ну, могли хотя бы сначала посоветоваться.

– Да, вроде я тебя за десять лет не изучил, – хитровато прищурившись, Гриенко перешёл на «ты», – я же твой девиз знаю: «На службу не напрашиваюсь – от службы не отказываюсь».

Несмотря на всю свою старательность, к тридцати восьми годам Дугин служебной карьеры не сделал, да и богатств не нажил. Главное его богатство – жена Раиса Павловна. Они знакомы еще с детства, учились в одном классе в средней школе станицы Михайловской Урюпинского района Волгоградской области. Она родила ему дочь Леночку. В подмосковной Балашихе им дали двухкомнатную квартиру. Только обжились. И вот нужно все бросать и ехать.

– Надо так надо, – сказал Дугин. – Я согласен!

– Пишите рапорт и отправляйтесь в отпуск.

Жене о командировке решил пока ничего не говорить. Бывало, начальство свое решение отменяло, а зачем ей лишние переживания.

– Меня в отпуск отправили, – сказал он супруге, вернувшись со службы.

– Мы же по плану должны в июне идти, – удивилась Раиса Павловна.

– Меня никто не отпустит.

– Ну, вот так начальство решило, – неопределенно сказал Иван Семенович. – А с начальством спорить не хочу. Я тогда сам на недельку в станицу съезжу, с родней повидаюсь.

Станица Михайловская стоит над Хопром. Добротный бревенчатый дом в поселке Подгорном, в котором вырос Иван, располагался в трехстах метрах от низкого берега, и по весне в половодье вода подступала к крыльцу. В школу добирался вплавь на отцовском баркасе, прихватив соседских ребятишек. Возле школы стоял якорь, как напоминание о временах, когда царь Петр Первый строил здесь флот для похода на турок под Азов и подумывал перенести в эти казацкие места столицу Российской империи.

Свою станичку они с женой любили, и каждый год навещали, регулярно участвовали во встречах одноклассников. Классный руководитель Таисия Николаевна Камаревцева преподавала математику. Благодаря её таланту, алгебру, геометрию дети любили и учились отлично. Преподаватель географии Козловцев Василий Иванович в войну был чекистом, служил в СМЕРШе, как тогда сокращенно называли подразделения КГБ «Смерть шпионам». Он был очень жесткий, требовательный, но справедливый человек. Иван брал с него пример и вскоре стал заместителем секретаря комсомольской организации школы, выпускал «Комсомольский прожектор», в котором часто критиковал нерадивых, и его даже немного побаива-

лись. Как активист, в 1964 году ездил на Черное море в пионерлагерь «Орлёнок» на слет комсомольских вожаков. В их классе все получили высшее образование, а Валентина Земцова стала директором Михайловской школы. В 1965 году Дугин получил аттестат о среднем образовании и удостоверение тракториста-машиниста. Тогда любовь к технике на селе мальчишкам прививали сызмальства. Иван все умел: и мотор починить, и радиоприемник на транзисторах собрать. После школы сразу пошел работать в колхоз, сел за рычаги ДТ-54 с гидравликой. Вспахал поле под колхозный сад, но сажать деревья не пришлось: в декабре принесли повестку в военкомат. Его призвали служить во внутренние войска. Когда в подмосковной Электростали заканчивал школу сержантов, ему посоветовали поступать в Саратовское среднее училище МВД. Успешно окончил его, получил звание «лейтенант», дипломом радиоэлектромеханика. При распределении, заместитель председателя комиссии по выпуску полковник Ларгин с любопытством посмотрел на новоиспеченного офицера и сказал:

– Иван Семенович, на вас пришли три запроса: из части, где вы начинали службу, из школы сержантов, и из полка, где вы проходили стажировку. Куда бы вы хотели поехать?

– Куда Родина пошлет, там и буду служить, – ответил Дугин.

Это была не бравада молодого лейтенанта, а его жизненная позиция. Он считал, что место службы не выбирают.

Полковник Ларгин по достоинству оценил этот ответ:

– Хорошо. Будете служить в Москве в прославленной дивизии особого назначения внутренних войск имени Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Перед отправкой ему, как кандидату в члены КПСС, предложили пройти курсы замполита роты. Полтора месяца он добросовестно учился организовывать партийно-политическую работу в роте, батальоне, основы марксизма-ленинизма, но когда прибыл в дивизию, командир мотострелкового полка полковник Козырев, фронтовик, на первой встрече с молодыми лейтенантами спросил:

– Кому-то из вас в артиллерии служить приходилось?

В ответ – молчок.

Присутствовавший на встрече начальник артиллерии полка подполковник Лавренко, тоже фронтовик, поинтересовался:

– Кто может разделить 3 на 4?

– Ноль, семьдесят пять, – не задумываясь, выпалил Дугин.

– Вот тебе минометчик! – довольно проговорил Козырев. – Пойдете, товарищ лейтенант, командиром первого взвода в минометную батарею. – У меня же предписание на должность замполита роты? – недоумевал Дугин.

– Вас учили стрелять третью и четвертую задачи. У вас артиллерийский ум, а остальное приложится.

Скрепя сердце, Дугин согласился с новым назначением, и очень скоро уже числился в передовиках. В 1970 году весеннюю проверку начали в феврале, чтобы к 22 апреля – 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, успеть подвести итоги социалистического соревнования, которое широко развернулось и во внутренних войсках.

Полк ранним утром подняли по тревоге и вывели на полигон. Минометная батарея заняла закрытую огневую позицию. Когда рассвело, артиллеристы поняли, что стрелять будет трудно: мела поземка, затягивая белой пеленой все вокруг.

Подполковник Лавренко вызвал Дугина на наблюдательный пункт и по-свойски сказал:

– Ну, что, пухнар¹, – есть возможность отличиться: будешь первым стрелять.

Выбор Лавренко был не случаен. Он знал, что в условиях метели важно не растеряться. А у Дугина нервы крепкие.

¹ Пухнярами фронтовики называли новичков.

На НП было тесновато: кроме отделения разведки и связистов здесь были три полковника и подполковник из проверочной комиссии.

– Лейтенант Дугин к стрельбе готов! – бойко доложил «пухнарь», хотя на сердце было тревожно и от волнения засосало под ложечкой.

Когда метелица немного улеглась, проверяющий спросил:

– Куст видите!

Большой куст одиноко чернел среди белого безмолвия и Дугин твердо доложил:

– Вижу!

– Там пулемет. Уничтожить!

– Цель вижу!

В руках проверяющего беспристрастно щелкнул секундомер:

– Время пошло!

«До куста – метров восемьсот, – прикинул Дугин, и быстро подготовил данные для стрельбы, передал на батарею. Глазомер у него был хороший, натренированный. И без приборов он научился определять расстояние с небольшой погрешностью. Но здесь расстояние скрадывала белая мгла. Еле приметное облако разрыва вспухло впереди куста на приличном расстоянии. Дугин обрадовался, увидев его, взял вилку четыреста метров, и мина на этот раз разорвалась в ста метрах от цели. Третий выстрел был точно в цель.

Взвод, осколочно-фугасной, взрыватель осколочный, десять секунд выстрел, огонь!

– Стой! Записать, – остановил стрельбу проверяющий, и подытожил: – на выполнение задачи лейтенант Дугин потратил восемь минут и три снаряда. Экономия времени – тридцать процентов. Оценка «отлично».

Дугин засиял от радости и не мог понять: почему подполковник Лавренко показал ему исподтишка кулак и тихо спросил:

– Тебя кто учил вилку четыреста метров брать?

– Но я же вижу, – разрыв далеко. Если по двести метров скакать при шлоь бы еще один снаряд давать, а так экономия.

– Экономия, – передразнил его Лавренко. – Моли бога, что проверяющие тебе простили.

Отличное начало стрельб придало уверенности и остальным офицерам. Командир батареи за девять минут выполнил задачу по переносу огня от пристрелянного куста и тоже получил отличную оценку. Дугина наградили тогда медалью в честь 100-летия В. И. Ленина, а минометную батарею внесли в Книгу почета внутренних войск.

Со временем Дугин все же стал замполитом батареи. Но снова в его службе произошел решительный поворот. Начальник политотдела полковник Гриенко вызвал его к себе и сказал:

– Иван Семенович, в танковом батальоне смена руководства. Там нужен пропагандист. Как смотрите, если мы назначим вас на эту должность.

– Положительно!

Вы тракторист, так что технику легко освоите. А в остальных вопросах – вы на хорошем счету у начальства.

12 лет служил Дугин танкистом, стрелял, водил, выполнял все задачи, что положено политработнику в танковых подразделениях, и вот новый поворот судьбы: командировка в Афганистан. На сердце было тревожно: вроде там и не воюют, а цинковые гробы постоянно привозят. И дурная молва уже всю ходила по Союзу, что афганцы партизанят, исподтишка, из засад убивают наших офицеров и солдат.

В станицу Михайловскую Дугин добрался только к вечеру. Отец удивился:

– Что это ты без телеграммы заявился?

– Ну, так получилось. Внепланово.

Он не стал объяснять родителям причину своего внезапного появления. Но мать сердцем почувствовала: что-то неладное нарушило размеренную службу сына, настороженно спросила:

- Наверное, в Афганистан посылают?
- Да нет, – соврал Иван, – что там милиции делать.

Вечером собралась родня, посидели как полагается, а на второй день он, приодевшись, пошел проведать своих учителей. Не удержался, завернул посмотреть на сад, который уже вырос, и по весне набухли почки, готовясь дать новый урожай. На въезде увидел фанерный щит, на котором местный художник аккуратно написал красной краской: «Сад заложили в 1965 году председатель колхоза имени В. И. Ленина Свинцов Сергей Яковлевич и тракторист Дугин Иван Семенович». Стало тепло, приятно на душе. Значит, помнят земляки его добрые дела.

В школе он выступил перед десятиклассниками, посоветовал поступать в военные училища, которые дают хорошую путевку в жизнь.

Когда вернулся домой, рассказал матери о табличке в саду. Она не преминула воспользоваться случаем:

– Сынок, ты бы сходил к председателю и попросил машину за углем в Урюпинск на базу съездить. Всю зиму чем попало топили.

На следующий день Дугин в военной форме пошел к председателю. Тот обрадовался встрече, сказал:

– Сад-то наш растет, урожаи хорошие дает. – Окинув Дугина цепким взглядом и заметив кант крапового цвета, спросил:

- Иван Семенович, так ты чекист?
- Нет, я в МВД во внутренних войсках служу, в дивизии Дзержинского.
- Знаю, знаю такую. Прославленная дивизия.

– Я к вам за помощью, – сразу решил перейти к делу Дугин. – Мать просит машину, уголь из района привезти.

– Машина есть, но она стоит на приколе без номеров.

– Давайте, я попробую проскочить.

– Хорошо, я тебе её дам. Но если гаишники поймают – поставят на штрафную стоянку вместе с углем.

– Да я постараюсь им не попадаться. Поедем задворками. Я те места хорошо знаю.

Выехали на ЗИЛу ранним утром и поспели на угольный склад к его открытию.

Начальник базы был в недоумении:

– Машина без номера, путевого листа нет. Если меня спросят: «Кому ты отпустил уголь?», что я скажу.

– Капитану внутренних войск Дугину Ивану Семеновичу. Вот деньги.

– Ладно, капитан, заезжай. Денег не надо. Это тебе будет в порядке шефской помощи.

– Погрузчик бросил в кузов три ковша по тонне, и они выехали с базы, без приключений к обеду добрались до станицы. Дугин зашел к председателю поблагодарить, а тот усадил его за стол, достал из холодильника бутылку водки, трехлитровую банку сливок, сказал:

– Ну и молодец! Давай посидим немного, пообедаем. Сливки только из-под сепаратора. Расскажешь, как сейчас служится. Ты мою молодость напоминаешь. Таким же проворным был. В войну я служил в системе СМЕРШ, возил большого начальника.

Хотя они из разных поколений, но действительно были очень похожи: оба повыше среднего роста, широкой кости, русоволосы, улыбчивы и во всех движениях проявлялась казачья стать.

За воспоминаниями быстро осушили одну бутылку, запивая сливками. Сергей Яковлевич достал вторую, до половины выпили, а остатки он накрыл «бескозыркой» и сказал:

– Это водителю отдашь на опохмелку.

Домой Дугин заявился навеселе, протянул матери деньги:

– Вот, возвращаю. Уголь мне бесплатно дали.

– А пил за что? – удивилась мать.

– Сергей Яковлевич угощал.

Неделя пролетела быстро в хлопотах по хозяйству: когда свой дом – работа всегда найдется: то подгнило, то покосилось. По возвращению в Москву, 15 апреля 1983 года Дугина вызвали в министерство внутренних дел на инструктаж, рассказывали, как должен вести себя советский военный специалист в Афганистане. Поняв, что командировку отменять не будут, сказал жене:

– Меня посылают на два года советником в Афганистан.

Раиса Павловна удивленно спросила:

– А нам это зачем?

– Меня особо никто и не спрашивал. Вот, дали список из 36 наименований, что нужно взять с собой в командировку.

Раиса Павловна начала вслух читать:

– Костюм выходной, костюм повседневный, костюм спортивный, пять сорочек, галстуки, два комплекта нижнего белья, десять комплектов постельного белья, лекарства, продукты на неделю, кастрюля-скороварка, утюг, молоток, плоскогубцы и другие предметы. Тут же нужно уйму денег. Тысячи две надо. Где их возьмем?

– Займем! – решительно сказал Иван Семенович.

27 апреля, в годовщину афганской революции, Дугин вылетал обычным гражданским рейсом на Кабул. Подвести его до Шереметьево приехал брат Евгений на узике.

– Да тут тебе грузовик нужен! – удивленно воскликнул он, увидев приготовленную к погрузке кучу картонных коробок. – Как ты все это допрешь.

Коробки кое-как распихали, и довольно быстро добрались до международного аэропорта. Здесь у готовившегося к взлету Ту-154 командированных поджидал полковник из управления кадров МВД.

– Кто капитан Дугин? – спросил он.

– Я!

– Назначаю вас старшим! В Кабуле вас встретят. Передадите им вот этот пакет. В случае захвата самолета – пакет уничтожить. Нажмете вот эту кнопку, – показал он на пуговку в центре пакета. Вопросы есть?

– Никак нет!

– Тогда у меня вопрос: как на такую должность назначили капитана?.. Вам в ближайшее время присвоят майора. Счастливого полета и удачной командировки на войну!

Эти слова вызвали в душе Дугина бурю эмоций. Три часа лёта до Ташкента он держал в руках секретный пакет и думал-гадал: что ждет его на афганской земле.

В 13 00 благополучно приземлились в Кабуле. Пакет забрал офицер, а новичков на трех волгах повезли в советское посольство. Только разместились в отеле, – начался обстрел города реактивными снарядами. Дежурная группа заняла оборону. Представитель посольства дал Дугину автомат и сказал:

– Если полезут в окно – бей на поражение!

Стрелял Дугин отлично. В январе в соревнованиях на первенство «Динамо» из пистолета он вошёл в призовую десятку.

Обстрел эрэсами², дэшэка закончился так же внезапно, как и начался.

Первомай отгуляли в Кабуле. Было прохладно, и все щеголяли в новеньких костюмах, сытно ели, облегчая коробки с припасами. 5 мая всех командированных вызвали в советское представительство при МВД ДРА. Начальник штаба в советнической форме начал распределять новичков.

² Эрэс – реактивный снаряд.

Капитан Дугин, вы идете советником командира 13 оперативного батальона Главного управления защиты революции по политической части в город Адабад, провинция Кунар.

– Всем сдать паспорта, – сказал он в заключение, – получить личное оружие – пистолет Макарова – и старайтесь с ним не расставаться никогда.

6 мая утречком новичков повезли в аэропорт и они начали ждать okazji. Повезло: в десять часов пара вертолетов летела в Джелалабад, и они быстро покидали свои коробки в ми-восьмой – безотказную рабочую лошадку афганской войны. Приземлились на аэродроме вертолетного полка. Если в Кабуле было прохладно, то в Джелалабаде из открывающейся двери пахло духотой, как из бани. Рубашка сразу прилипла к телу, по спине струйками побежал пот. Хотелось сорвать с себя всю одежду, но Дугин, сцепив зубы, тащил свои коробки. Встречавший его афганец, заметив состояние мушавера, сказал:

– У нас субтропики, большая влажность. Давай, помогу.

Метров через сто он остановился, поставил коробки, вытер со лба пот и требовательно произнес:

– Мушавер, давай афгани!

– Сколько?

– Сто пятьдесят.

Дугин, чертыхаясь про себя, отсчитал деньги. Афганец с превеликим удовольствием сунул их в карман и бодро зашагал к машине царандоя. На ней переехали на вертолетную площадку в Шамархейль. Здесь то и дело взлетали и садились вертолетные пары. В провинции Кунар шла армейская операция, и Дугин сразу почувствовал пульс войны. Из района боевых действий привозили убитых и раненых, а туда везли подкрепление, боеприпасы, продукты. Через час вылетели в Асабад. Вертолеты шли низко над дорогой. Вдоль неё по горам были выставлены посты охранения, обеспечивающие не только проезд, но и пролет техники. Летчики бросали машину из стороны в сторону, выполняя противозенитный маневр, и от болтанки с непривычки начало мутить.

Борттехник предупредил:

– Подлетаем к Асабаду! Вокруг центральной площади расположены административные здания, дуканы. На окраинах – дувалы жителей, растут цитрусовые сады. А на северной окраине по дороге к Асмару паромная переправа через Кунар связывает город с кишлаком Маравара. А из него в Пакистан идет дорога через перевал Гхакгай.

Дугин смотрел в иллюминатор и увидел большую излучину реки, в которой располагался городок. За тысячелетия тихие воды Печдары подавляли стремительные потоки Кунара на гору Басмач. На правом берегу образовалась большая отмель. От городка её отрезал отводной канал от Печдары.

– На острове расположен батальон 66-й мотострелковой бригады, – пояснил борттехник. – По левую сторону Кунара никто не селился. Там пограничная зона, контролируемая «духами».

Сели на небольшом аэродроме на берегу Кунара. Несущий винт нехотя закручивал последние обороты, а борттехник уже сдвинул дверь, выставил лесенку и улыбнулся на прощание:

– Добро пожаловать в Асабад!

Здесь было несколько прохладнее, чем в Джелалабаде. Стремительные воды Кунара несли с гор запах талого снега, смешанного с запахом цветущей сочной травы, наполняя ущелье сказочным ароматом. «Неужели в этом райском месте стреляют, люди убивают друг друга», – подумал Дугин.

Возле полосы толпились встречающие и провожающие. Его встречал на узике радист-шифровальщик старший лейтенант Валерий Тряжкин.

– Все на операции, – пояснил он. – К вечеру должны вернуться. Мне поручено привезти вас, помочь обустроится.

Они быстро погрузили имущество Дугина в машину и поехали в советнический городок. Когда переезжали Печдару по добротному каменному мосту, Валерий пояснил:

– Его немцы до революции построили, для себя жилье добротное возвели – шесть коттеджей. Теперь это советнический городок. Один домик выделили для советников ГУЗРа; в остальных живут советники комитета ХАД, советники девятой пехотной дивизии, партийные советники, штаб мотострелкового батальона.

– Городок маленький, а частей много, – удивился Дугин.

– Асадабад – город особый. За рекой – граница. Через неё местные ходят свободно. Кругом родня. Народ то один – пуштуны... Этим все спецслужбы и пользуются, вербуют из местных жителей разведчиков, соглядателей, информаторов. Семьи кормить, детей растить, учить – то надо. Война войной, а жизнь идет своим чередом. Афганцы всю жизнь воюют: то с англичанами, то сами с собой дерутся за власть, за пастбища, за воду и просто за место под солнцем. Здесь и похлеще бывает: днем царандоевец, а ночью – душман. Отец в опербате служит, дядя – в царандое, а брат в горах в банде...

Они вошли в просторное здание. Валерий открыл дверь одной из комнат:

– Вот здесь вы будете жить.

В комнате размером три на шесть метров стояли три солдатские кровати. На спинке одной из них висела выстиранная полевая форма.

– Это для вас приготовили на первый случай, – пояснил Валерий. – Потом новенькую выдадут.

Они занесли ящики, сложили штабелем под стенку.

В три часа подъехал несколько человек на запыленном уазике. Дугин вышел познакомиться.

– Майор Николай Федорович Малеваный, советник командира батальона по боевой подготовке, – представился старший из них. Я приехал из Приволжского военного округа, был заместителем начальника штаба.

Худощавый, чуть выше среднего роста в запыленной советнической форме, которая была ему к лицу, он сразу понравился Дугину.

Малеваный окинул взглядом статную фигуру Дугина и предложил: – Давай будем на «ты», не против? Мы почти ровесники.

– Нет, конечно, – согласился Дугин. Ему даже польстило, что Николай сделал такое предложение, свидетельствующее о дружеском расположении.

– А это наш переводчик старший лейтенант Сафар Ачилов, узбек.

Язык знаешь?

– Нет, – растерянно ответил Иван.

– Ну, ничего страшного. Здесь будешь учить по ходу дела. Сафар поможет. А я год учил дари на спецкурсах при Ташкентской высшей школе МВД. Каждый день: четыре часа – грамматика, и два часа – разговорный. Потому хорошо пишу, но плохо говорю. Лучше бы они все наоборот сделали. – Николай пощупал материал пиджака и с улыбкой сказал: – Хороший костюмчик... Я сюда в «тройке» приехал. Нам в Москве наобещали, что будем ходить в костюмах, белых рубашках. А я как в 1982 году надел робу, так с ней и не расстаюсь. Боевые выходы – чуть ли не каждый день. Да ладно, о службе потом поговорим. Ты с дороги, пойдём, пообедаем.

Они вышли в холл, который служил и столовой, и залом для заседаний. Во всю его длину стоял стол. К Николаю тут же подлетела невесть откуда появившаяся обезьянка.

– Это заведующая столовой Маша, – пояснил он и предупредил: – Дама привередливая. Если первое ей во время обеда не нальешь – может в тебя миской запустить. Кушает ложкой, как все, и притом довольно улыбается.

– Здесь недавно вообще цирк был – сказал, улыбаясь, Сафар. – Наш переводчик Эльбон постирал простынь и повесил сушиться на бельевую веревку. Потом пришел посмотреть – высохла ли, а простынки нет. Её Маша в арыке решила перестирать. Пока тащила по земле – всю извазюкала. Эльбон взвился, с криком «Убью гадину!» схватил автомат и к Маше. Та от него на дерево, потом на крышу. Так они долго по городку гонялись. Эльбон с горя выпил и они помирились. Смотрю, сидит Эльбон, а Маша гладит его лапкой по лицу и улыбается. Хитрющая зверюга.

За обедом Николай вводил нового сослуживца в обстановку:

– В Асадабаде днем власть принадлежит губернатору, а ночью – «духам». Идешь по городу, а они сидят по дуканам, четки перебирают, вроде молятся, а взглядом тебя насквозь пробивают. Почти у каждого автомат у ног: то ли из отряда самообороны, то ли «дух». Никогда не знаешь, что произойдет через секунду. Мой предшественник полковник Виктор Фесюн и переводчик Александр Галоев были зверски убиты. Целую спецоперацию проводили, чтобы забрать их изуродованные тела. На меня тоже готовили покушение. В службе безопасности предупредили, что в нашей части служит сержант, которому поручено меня убить. Вызвал его, сели чай пить. Спрашиваю: правда ли это?

– Да, я член Исламской партии Афганистана Гульбеддина Хекматияра. Мне выдали пистолет, чтобы, когда поступит команда, я тебя убил.

– И что, ты действительно будешь в меня стрелять?

– Да! – ответил сержант.

Вот так поговорили. Все открытым текстом. Он еще три месяца в батальоне служил, пока я не потребовал перевести сержанта в другую часть. Вот такие вот, брат, дела. Я мечеть строю, а исламисты хотят меня уничтожить. Вообще-то к советникам местные относятся уважительно. Духи тоже нас терпят. Может потому и терпят, что мы действительно помогаем строить, кормить население. Нас считают грамотными специалистами. В большинстве своем афганцы – народ неплохой, но многие доведены до крайней нищеты и готовы ради денег на все. Детей жалко: грязные, голодные, каждый день приходят с мисками за остатками солдатского обеда. Особенно наш солдатский белый хлеб с полевого хлебозавода им нравится: пахучий, вкусный, не то, что их пресные лепёшки.

А что собой представляет опербат? – поинтересовался Дугин.

– Командира батальона пока нет. Командует начальник штаба старший лейтенант Фазиль Альраби – пуштун, из богатой семьи. Замполит старший лейтенант Нажмудин, тоже пуштун. Жены и дети живут в Пакистане.

– Как это так? – удивился Иван.

¹ Боевая разведывательно-дозорная машина.

– Вот так, – загадочно улыбнулся Николай. – Нажмудин учился в Ташкенте, человек надежный. К нему люди тянутся. Вероятно, он имеет задачу вести пропаганду среди беженцев, чтобы возвращались на родную землю. Правда, нам от этого не легче: как уедет в отпуск по семейным обстоятельствам так долго ждать приходится. Почти все офицеры прошли обучение в Ташкенте, знают русский язык. По количеству личного состава – почти наш полк. Техника старенькая: бронетранспортеры, БРДМ¹, три 82-миллиметровых миномета на Газ-66, ЗИЛы бортовые. Обеспечиваем проводку колонн, доставляем грузы для города, продукты возим. До Джелалабада выставляем 13 постов. Наш самый большой начальник – министр Гулябзой – один из активных участников апрельской революции. Он при Амине попал в опалу, а когда Амина убили – снова вернулся в руководство страны.

По советско-афганскому договору все обеспечение царандоя шло из Советского Союза, начиная с оружия и боеприпасов, техники, снаряжения и обмундирования и заканчивая питанием, всем необходимым для улучшения быта личного состава. Обеспечивали всем необхо-

димым не только царандой. Советские люди и сами жили небогато, но делились с афганцами чем могли. Все провинции распределили между краями, областями, республиками, крупными предприятиями и они шефствовали не только над располагавшимися в них гарнизонами советских и афганских войск, но и над предприятиями, учебными заведениями, больницами. С самого начала апрельской революции десятки самолетов, автомобильные колонны безостановочно везли в Афганистан муку, леденцы, одеяла, одежду, обувь, машины, тракторы, строительные материалы, фабрики, заводы, электростанции. В начале восьмидесятых годов была надежда: еще чуть-чуть поднажать и афганский народ вырвется из нищеты и родоплеменных отношений феодализма на широкую дорогу строительства социализма с его благородными лозунгами: мир, дружба, равенство, братство. Некоторые афганцы за всю жизнь не могли купить пару приличной обуви. В резиновых галошах бегали по горам и стреляли в тех, кто протягивал им мозолистую руку помощи.

После обеда Николай предложил:

– Давай, быстро переодевайся, и поедем к Навабадскому мосту. Там все руководство собралось: командование царанды, губернатор. Познакомишься с ними, так сказать, в боевой обстановке.

Когда выехали за город, Малеваный с некрываемой гордостью показал рукой в сторону Кунара:

– Смотри, Иван, слева на берегу наше стрельбище: все чин чинком, как в Союзе – мишени подъемные. В батальоне день стрельб как праздник. Роты готовятся заранее, соревнование организовываем, боевые листки выпускаем об отличившихся. За отличную стрельбу из автомата приз – банка сгущенки, из пулемета на бронетранспортере – две, а из миномета – три. Только минометчиков хороших пока нет.

– Ничего, это дело поправимое, – сказал Дугин. – Я начинал свою офицерскую службу минометчиком.

Не доезжая до моста, в ущелье их разговор прервал свист пули, звяканье металла. Узик обстреляли душманы. Малеваный осмотрел автомобиль, нашел слева у подножки три дырки.

– Нам, ребята, крупно повезло, – сказал он и показал автомат: – пуля попала в магазин,.. пять патронов всмятку.

– Гиблое здесь место, – подтвердил Сафар. – Месяца два назад из кишлака Наранг попросили: приезжайте, человеку плохо, нужна помощь. Послали врача и пропагандиста с охраной. Когда машина вошла в ущелье – «духи» шарахнули из гранатомета, и пять человек не стало.

Дугина поразило, что почти рядом с руководством армейской операцией шастают душманы. Заметив торчащие из под масксетей танковые стволы, спросил:

– А это что у вас?

– Тридцатьчетверки закопаны, – пояснил Малеваный. – Приданы для охраны моста, – и толи в шутку, толи всерьез добавил: – один танк ездит, но не стреляет, второй стреляет, но не ездит, а третий и ездит, и стреляет, но стрелять никто не умеет.

У Дугина загорелись глаза:

– Давай, я посмотрю.

– Иван, не лезь! Это не твоя забота – танки чинить.

– Почему не моя? Я же танкист. Да и самому интересно в прославленном танке покопаться.

Он сел на место наводчика, проверил все механизмы – работают, сектор обстрела хорошо виден, спросил Сафара:

– Душманы где окопались?

– Вот там, высота 1450.

Заметив в стане душманов шевеление, навел туда пушку и скомандовал:

– Осколочным, заряжай!

Сафар перевел, и сарбоз беспрекословно дослал снаряд в казенник.
Лязгнул затвор.

Прогремел выстрел.

– Неделет 50! – определил Дугин, уточнил наводку и еще выстрелил.

Малеваный увидел, как разрывы кучно легли, радостно крикнул:

– Давай, давай, Ваня, бей «духов»!

Николай хорошо знал тактику, а с техникой сталкивался меньше, потому с уважением пожал руку Дугину:

– Ну, молодец! Теперь пойдем знакомиться с начальством.

Старшим советником по линии МВД в провинции Кунар был подполковник Поддубный Юрий Федорович с Украинского управления внутренних дел. Выслушав доклад Дугина, он крепко пожал руку:

– С прибытием! Вижу: настрой у вас боевой. Желаю хорошей службы. Если что нужно: обращайтесь без стеснения. Пойдемте знакомиться с губернатором.

Губернатор Гульвасиль был небольшого роста, щупловатый на вид в больших очках с пластмассовой оправой, над которой высилась пышная шевелюра, прибавляя ему роста. В костюме, белой рубашке и зеленоватом клетчатом галстуке он был больше похож на молодого профессора, нежели на властителя провинции.

– В опербат прибыл мушавер сиаси³ Иван Дугин, – сказал Поддубный.

Гульвасиль добродушно улыбнулся в пышные усы, обнажив два ряда крепких белых зубов, переспросил по-русски:

– Точно советник по политчасти? А нам больше специалисты по технической части нужны. Красиво говорить все умеем, а вот так стрелять из танка как вы – не каждый сможет.

– Я же танкист! – улыбнулся в ответ Дугин. – Политработник должен все уметь.

– Кстати, познакомьтесь, – сказал губернатор, указывая на солидного пуштуна, – первый секретарь провинциального комитета НДПА Абдул Расул. Вам надо тесно сотрудничать.

Рядом стоял командующий царандоем провинции полковник Маздурхан Мазарад Хабиб, худощавый брюнет, загорелый до черноты. Он тоже сносно говорил по-русски.

– Пока командира отряда нет, – сказал он. – Обещают скоро прислать. Прошу помочь офицерам в воспитании солдат. Они у нас надежные – знаний мало.

– Чем смогу, тем и помогу, – ответил Дугин.

Когда колонна возвращалась с операции в Асадабад, он еще раз удивил своих новых сослуживцев. Движение колонны сдерживал танк. Он еле полз.

– Коля, обгони и останови машину, – сказал Дугин. – Посмотрим, что с тридцатьчетверкой.

Малеваный поднял руку, привлекая внимание механика-водителя, и затем резко махнул вниз. Танк остановился, открылись люки. Появились головы в черных шлемофонах.

– Что случилось? – спросил он командира по-афгански.

– Мутар харап⁴, – ответил недовольно танкист.

– Пусть откроют силовую установку, – сказал Иван.

Посмотрев на двигатель, он сразу понял причину неисправности: изпод накидной гайки, крепящей форсунку, сочилась солярка.

– Ключ на двадцать четыре есть?

Подали ключ, и он подтянул разболтавшуюся форсунку, проверил крепление остальных и скомандовал:

– Заводи!

³ Сиаси афг. – политработник.

⁴ Машина плохая.

Двигатель заурчал, пыхнул сизым облаком и заработал устойчиво.

– Все, поехали! – приветливо махнул танкистам Дугин, и с переводчиком пошли к своему уазику.

Вечером вернулся в расположение и опербат, располагавшийся в северо-восточнее центральной площади города. Николай повез Дугина в штаб, познакомил с офицерами. За чаем разговор перетек и на не касающиеся службы вопросы. Начальник штаба Фазиль Альраби сказал:

– Я уже давно древней историей увлекаюсь, изучаю истоки нашего народа, и знаю: мы со славянами – родня. Русский и пушту языки – братья! Счет одинаковый: еу, два, дри. Мы плохо читаем топонимику – открытую книгу земли – в которой запечатлено далекое прошлое в Названия гор и рек, городов и кишлаков просто кричит о нашем родстве. У нас река Кунар, на ней стоит кишлак Наранг, а в Подмосковье течет река

Нара. Напротив Наранга, по левому берегу – кишлак Дунай. А в славянском пантеоне Дунай – бог воды. Скажу больше: на той стороне реки стоит кишлак Маравара – в переводе – дом, святилище богини Мары – матери бога солнца Ра. Имя Марья, Мария – самое распространенное у русских.

– Мария стала матерью Иисуса Христа, – сказал Дугин. – Это имя широко распространено.

– Да, конечно, – согласился Фазиль. – Многие народы произошли от индов-ариев. Там, за Мараварами есть кишлаки Рай, Хазарна, гора Малина и много других названий, знакомых русскому слуху.

Священные книги ариев – «Ригведа», «Авеста» и особенно её первая книга «Вендидат», свидетельствуют, что наши предки когда-то жили на севере. А когда 10 месяцев лета внезапно сменились десятью месяцами зимы и наступили нестерпимые холода – ушли на юг и поселились в наших горах. Асадабад – переводится как город асов. Севернее стоит город Асмар. А прежде Обь называлась Ас. Между Гиндукушем и Хиндураджем на севере Пакистана в самом сердце Азии есть область Балтистан. В третьем тысячелетии наши общие предки венды, асы и ваны ушли из Балтистана в Европу и назвали море Балтийским. Те, что обосновались на берегах Балтики стали называться венедами, а кто пошел по Балканам и долинам Дуная – венетами. В низовьях Дуная тоже есть район Балта.

– Город Балта есть в Одесской области, – подсказал Дугин и тут же поинтересовался: – А откуда пошло название – пуштун? Я читал, что степные районы в долине Дуная называют пуштой. Есть Дунайская пушта, Венгерская пушта. Сдается мне что пуштун – по-нашему – степняк. Посуди сам: Пушта – степь, у белорусов есть Беловежская пуца – лес, но смысл-то один: пустынь, безлюдье.

– Пуштунская земля лежит по обе стороны афгано-пакистанской границы, – включился в разговор Нажмутдин. – Но и здесь, и там покоя нет. В начале года в северо-западных провинциях Пакистана начались столкновения пуштунских племен с пакистанской армией. Там не смолкает канонада и льется кровь. – Нажмутдин горестно вздохнул, выдавая тем свое беспокойство: увез семью в Пакистан, надеясь, что спрятал от войны, а она и там нашла его близких. Помолчав, он продолжил:

– Пуштунские племена шинвари, африди, моманды, джаджи, вазири и другие живут по обе стороны границы и истари пользуются широкой автономией.

– А сколько сейчас пуштунов? – поинтересовался Дугин.

– 20 миллионов. В каждом племени есть свои кланы. Они делятся на роды, а роды – на большие семьи. Занимаются пуштуны, в основном, скотоводством, перегоняют свои отары и стада с одного кочевья на другое, не особо обращая внимание на границы. В этом году в Афганистане принята программа обеспечения водой отгонных пастбищ. В течение десяти лет с помощью советских специалистов будет пробурено 160 скважин и колодцев. Больше всего

в Исламабаде разгневаны тем, что вожди пуштунских племен велели соплеменникам не пропускать через свои кочевья вооруженные банды, засылаемые в Афганистан. Осенью прошлого года представители пакистанских пуштунов приехали в Кабул на джиргу приграничных племен.

– Джирга по-русски – совет, – пояснил Фазиль, и не без гордости добавил: – Так что у пуштунов тоже советская власть. На этой джирге они приняли решение не оказывать никакой помощи бандитам, воюющим против афганского народа. На местных джиргах племена потребовали от Исламабада ликвидации созданных на их землях лагерей. Только на северо-западе Пакистана создано 120 лагерей по подготовке террористов и диверсантов. В ответ Исламабад бросил против племен карательный корпус в 20 тысяч штыков с приданными ему танками, артиллерию и авиацию. В расправах участвуют и афганские контрреволюционеры.

– Недавно я был в этом районе, – сказал Нажмутдин. – Пакистанские танки сровняли с землей целые кварталы в Ланди-Котале. Разрушены кишлаки Шейпур, Сафир, Сур Камар, Малек Голь Рахман, Камдак, Шинпох, более двух десятков других пуштунских селений. Есть достаточно убедительные свидетельства, – Нажмутдин утвердительно покачал головой, – что усмирение пуштунов началось по прямому сигналу из Вашингтона. США важно, чтобы гражданская война в Афганистане разрасталась, и как они выражаются, «надрать задницу Советам в отместку за Вьетнам». Им нужны все новые и новые отряды наемников, чтобы они убивали наших активистов, нападали на советских солдат. И чем больше, тем лучше. Денег на это не жалеют. А страдают ни в чем не повинные люди.

Этот разговор продолжался до позднего вечера, и Дугин понял, что он ничегошеньки не знал о стране и её людях, которых приехал учить умуразуму. Хотя его опыт и знания пригодились. В минометной батарее его ждал сюрприз. Когда он зашел в канцелярию из-за стола поднялся молодой офицер, представился:

– Командир батареи лейтенант Нур Мохамад Бора.

– Где учил русский? – спросил Дугин.

– На курсах МВД в Ташкенте. Благодаря подполковнику Василию Симоненко я и часть хорошо изучил.

– А Василий – высокий, худой, русоволосый?

– Да-а, – удивленно протянул лейтенант. – А откуда вы его знаете?

Дугин не стал рассказывать, что старший лейтенант Василий Симоненко в 1970 году служил в их полку командиром батареи и занял на весенней проверке в честь 100-летия со дня рождения Ленина второе место.

Улыбнувшись, сказал:

– Все артиллеристы – братья на земле. Потому я знаю Василия.

– Тогда я тоже брат Василию.

– Значит и мы с тобой братья. Теперь о деле. Когда последний раз были учебные стрельбы?

– Очень давно. Я и не помню, – смутился Бора.

Таблицы, курс стрельб есть?

– Нет.

– А мины есть?

– Много.

– Значит, будем готовиться к стрельбам. Пойдем, посмотрим минометы.

Дугин лично осмотрел стволы, хлебным мякишем проверил выход бойков. Все три миномета были исправны. Стрельбы прошли отлично. А для себя Дугин сделал вывод: в горах при стрельке нужно вести с фугасным взрывателем: мина глубже входит в каменистый грунт и разрыв легче заметить.

Глава 16. ГЭС «ОБГОРДОН»

20 мая представитель ЦК КПСС в провинции Кунар Петр Алексеевич Соколов собрал советников, и заметно волнуясь, сказал:

– Вы, наверное, знаете: десять лет назад немцы начали строительство гидроэлектростанции: выкопали отводной канал с Печдары, заложили здание. Но после апрельской революции все бросили и уехали, прихватив документацию вплоть до последнего чертежа. Еще год афганские рабочие и техники продолжали трудиться, закончили строительство плотины, канал бетонировали. Но потом все застопорилось. Наши специалисты сделали новые чертежи, чехи изготовили турбины. Колонна со всем необходимым уже вышла из Советского Союза. Нам поставлена задача: к 7 ноября помочь местным властям запустить электростанцию. Понятно, что враги постараются сорвать стройку. Потому советникам ХАДа надо организовать работу с местным населением, чтобы заранее выявлять намерения душманов. Советникам царандоя необходимо организовать охрану материалов и оборудования непосредственно на объектах строительства. Под видом рабочих могут подослать диверсантов, заложить взрывчатку в плотину. Это задание партии мы должны выполнить во что бы то ни стало. На карту поставлен престиж нашей страны.

Колонна по расчетам должна была прибыть 25 мая, но до Асадабада она добралась только 27 мая. Душманы её тоже ждали: только после Джелалабада саперы нашли на дороге около семидесяти мин.

К обеду автомобильный батальон – тридцать пять камазов – входил в город под любопытными взглядами асадабадцев. В каждом – по два водителя в бронезилетах, окна закрыты стальными листами со смотровыми щелями. Через два грузовика – бронетранспортер или танк для охраны. Пятнадцать камазов привезли цемент – четыре тысячи мешков, в бензовозах – 35 тонн солянки, в остальных – турбины, трансформаторы, другое оборудование для электростанции, стальная арматура, трехкубовая бетономешалка. В городе эту новость живо обсуждали: одни радовались, что и у них будет электричество, как в соседнем Пакистане, другие думали, как помешать строительству.

Разгрузку колонны начали в тот же день. В мотострелковом батальоне был трехтонный кран на ЗИЛу, и солдаты разгружали арматуру, оборудование, а мешки с цементом носили местные пацаны, пионерский отряд, человек двенадцать. Дугин немало этому подивился: мешок в пятьдесят килограмм не каждому взрослому под силу, а ребята по двое их таскали к навесу, складывали в штабель.

В девять вечера в советнический городок пришел командующий царандоя Маздурхан Хабиб, заглянул в комнату к Дугину:

– Иван Семенович, пионеры уже выдохлись, а к утру надо выгрузить еще пять машин. В шесть часов колонна должна уйти обратно. Все сарбозы на операции. Пришли к вам за помощью.

– У нас тоже из батальона один шифровальщик остался.

– Но, может, вы пойдете, как-то подбодрите ребят. Губернатор пообещал им по полторы тысячи афганей.

«Хорошенькое дельце, – подумал Дугин. – Им все привези, да еще и разгрузи, построй. Я обязан советовать по политическим вопросам, а мешки таскать меня никто заставить не может». Но вслух спросил:

– А что, в городе кроме пионеров мешки носить некому? Для всех же ГЭС строится. У нас в таких случаях объявляют субботник или воскресник и все трудятся на равных.

– За работу на стройке душманы угрожают расправой, – пояснил командующий.

– Хорошо, подождите меня во дворе.

Он быстро надел спортивный трикотажный костюм, ремень с кобурой пистолета спрятал под низ куртки, чтобы не так было заметно оружие, и вышел на улицу.

Цемент разгружали рядом с советническим городком под охраной двух часовых: советского и афганца. Мальчишки обессилено сидели на мешках, рядом стояли две машины под разгрузкой. Неподалеку стояла группа афганцев. Дугин узнал губернатора, с которым познакомился в день приезда у Навабадского моста, пошел к нему. Гульвасиль по-братски обнял:

– Давай, мушавер Дугин, выручай! Пионеры устали, надо их как-то приободрить.

– Хорошо, – ответил Иван, развернулся и пошел к камазам. Среди ребят приметил мальчишку побольше, подошел к нему, взял за руку:

– Давай, пошли.

Тот неохотно подчинился. Иван взялся за низ мешка, парнишка – за верх и они отнесли его в склад. Снова вернулись, взяли мешок – отнесли. Остальные мальчишки поднялись и тоже принялись за работу. Вечерняя прохлада и пример шурави вернул им силы. Одну машину разгружали полтора часа. Дугин понял, что такими темпами они к утру не управятся. Перед разгрузкой второй машины подозвал ребяташек, разбил их на пары и сказал:

– А я один буду носить. Давай!

Одному носить мешки было трудно. Пот заливал глаза, трико промокло, из черного стало серым от цементной пыли. Ходил как заведенный от машины к складу и обратно.

К четырем часам разгрузка закончилась. Губернатор тут же раздал ребятам деньги, пожимая каждому руку на прощанье, а Дугину сказал:

– Тебе бакшиш: ящик коньяка.

– Ничего не надо! Я пойду спать.

Вслед за ним неотступно шли два сарбоза, внесли в комнату ящик с коньяком. Трех бутылок уже не хватало.

Володя – шифровальщик посмотрел на Дугина и от удивления присвистнул:

– Ха-рошый был спорткостюмчик. Теперь его можно использовать только в качестве бронежилета.

– Давай, режь. Его все равно уже не достигаешь.

Владимир разрезал ножом рукава, потом штанины. Иван скомкал все это в кучу и выбросил в ведро, приговаривая:

– Вот, на один костюм стало меньше. Теперь бы от цемента отмыться.

Проснулся Дугин только к вечеру. Его разбудил Николай:

– Ну и горазд ты спать. Вставай, пойдем ужинать. Губернаторским бакшишом угостишь?

– Да ну вас с вашими бакшишом. Все тело болит.

Только на третий день он пошел с Малеванным в опербат, побеседовал с замполитом, офицерами. Когда возвращались, сказал ему:

– На стройке освещения никудышнее. Возле нашего коттеджа стоит передвижная электростанция. Она в рабочем состоянии?

– Движок нормальный, а генератор не запускается.

– Давай, я попробую. В батальоне видел поломанный тестер. Стекло разбито, стрелка болтается, но починить можно.

– Да, ладно, – махнул рукой Николай, – там до тебя лазили все кому не лень, – ничего не получается.

– Получится!

Когда сопровождали колонну в Джелалабад, он попросил Николая:

– Для тестера нужна квадратная батарейка Привези. Сколько надо – я заплачу.

– Да уж ладно, – усмехнулся Николай. – Я тоже не обеднею.

Мадеванный просьбу выполнил. Дугин вставил батарейку, соединил концы и стрелка зашевелилась.

– О, работает! – довольно проговорил он и сразу пошел к электростанции. На кнопке пуска генератор не прозванивался. Значит, разорвана цепь в обмотке возбуждения. Обнаружил разрыв быстро, скрутил два провода медной проволокой, запустил двигатель, нажал кнопку пуска генератора, и лампочка загорелась.

– Частота 50 герц. Отлично! Поздравляю! – радостно пожал руку товарищу Николай.

– Пойдем, подарим строителям, – предложил Дугин.

Фарух Асар, секретарь провинциального комитета ДОМА⁵, по совместительству – начальник молодежного штаба стройки, – был на месте. Украшенная кумачом дощатая времянка внутри походила на прорабский вагончик. В углу – кирки, лопаты, коробка с перчатками. По стенам – графики и обязательства. На врытых в землю скамьях теснилось десятка полтора мальчишек. Дугин узнал среди них своих старых знакомых. Ребята обрадовались встрече, лица заискрились улыбками.

– Мушавер давай! – наперебой закричали они, подходили и уважительно пожимали руку как равный равному. Руки были не по-детски шершавые, мозолистые, натруженные держаками лопат, ручками тачек. Все были пострижены наголо, с загорелыми до черноты худыми лицами, в длиннополых рубахах с двумя нагрудными карманами. У большинства из широких холщовых штанов выглядывали босые ноги с подошвами, забитыми до костяной твердости. Светленький круглолицый улыбчивый мальчишка славянской внешности очень напоминал его самого. Ваня Дугин тоже запросто бегал босиком за коровами по свежескошенной пшеничной стерне, даже не опасаясь загнать занозу, только слегка поджимал пальцы, под которыми еще оставалась мягкая кожа. Только индус был в старых стоптанных сандалиях и даже по одежде было видно, что семья его живет получше, чем остальные. Мальчишка-таджик в тюбетейке был похож на многих ребят, приезжающих из Средней Азии в Москву на экскурсию. Подросток повыше и потому показавшийся старшим, с которым ночью носил мешки с цементом, был худощавый, кожа да кости, но жилистый. Взгляд тяжелый, пронзительный, как у многих пуштунов. Здесь в Асадабаде все они были афганцами и жили по суровым законам военного времени: ходили в школу, как могли, помогали родителям растить младших братьев и сестер, собирали фрукты и продавали у советнического городка, или меняли на тушенку, и несли в дом тяжким трудом заработанный афгани. Кем они будут, когда вырастут? Будут служить родине, защищать её от врагов или пойдут в банду, где больше платят и будут стрелять в шурави, радуясь каждому убитому. Все это теперь зависит и от тебя, как ты научишь их жить. Первый твой урок они запомнили. Он им понравился. Иначе бы не светились довольством лица от встречи с тобой.

– Фарух, я передвижную электростанцию починил, – сказал Дугин. – Пошли машину в советнический городок. Пусть притащат сюда на стройку.

Фарух радостно заулыбался:

– Ташакур, мушавер, ташакур².

Он на радостях решил показать гостям стройку. Даже в лесах и опалубке ее стройные очертания величественно выделялись на фоне глинобитных дувалов, бурого с черными пропеллинами Басмача и однообразия горных хребтов, заслоняющих полнеба. Автокран мотострелков и бетономешалка крутятся без передышки. Возле неё стоял безусый сарбоз с автоматом и одинаково цепко оглядывал любого, кто подходил за раствором или подтаскивал гальку и цемент для очередного замеса. Дугин был доволен, что и он внес свою лепту в стройку города.

3 ноября, когда до намеченного срока пуска электростанции оставались считанные дни, Соколов снова собрал всех советников.

– Есть информация по линии ХАД: в 10 часов 7 ноября, когда начнется митинг, душманы начнут минометный обстрел. Артиллеристам быть в готовности подавить цели в Мараварском

⁵ Демократическая организация молодежи Афганистана. ² Спасибо, советник, спасибо.

ущелье, – сказал Петр Алексеевич и в сердцах добавил, – а тут еще как на грех, электростанция не запускается. Вроде все сделали правильно, а генератор не возбуждается. Иван Семенович, может, ты посмотришь? – с надеждой посмотрел он на Дугина.

– Конечно, посмотрю!

Иди, там тебя Владимир дожидается.

Инженер Владимир Кожухов был в расстроенных чувствах.

– Третью ночь уже не сплю, все проверил-перепроверил, – сказал он Дугину. – Просто уже не знаю, что делать.

– Какое нужно напряжение для запуска генератора?

– 110 вольт.

– Где у тебя аккумуляторы?

– Там, в машинном зале.

– Пойдем, глянем.

В машинном зале десять новеньких советских аккумуляторов по 12,5 вольт стояли в ряд, но подключены они были не последовательно, а параллельно.

– Володя, пока я схожу за тестером, поставь аккумуляторы по кругу и соедини их последовательно, – посоветовал Дугин. – Ты же не напряжение увеличивал, а мощность.

Владимир хлопнул ладонью по лбу:

– Ах, дурья моя башка... Какой же я дурак! Ну, блин...

Он начал быстро растаскивать аккумуляторы, подсоединять их последовательно: плюс-минус, плюс-минус. Когда Дугин вернулся с тестером и замерил напряжение – получилось почти 130 вольт. Спросил:

– Этого хватит для возбуждения генератора!

– С лихвой!

Рабочие опустили запорный щит, и вскоре вода поднялась до рабочего уровня, Завращались турбины. Владимир нажал кнопку пуска и электростанция заработала. Еще не до конца веривший, что удастся оживить стальное сердце этого творения многих людей, он бросился на радостях обнимать и целовать Дугина. Его счастью не было предела... Заработало!

Невесть откуда появившийся губернатор Гульвасиль тоже обнял Дугина, приговаривая:

– Спасибо, мушавер инженер!

– Я не инженер. Советский офицер все должен уметь.

– Теперь будешь главным инженером электростанции. Ну, Иван, тебе снова бакшиш причитается.

– Не нужно никакого бакшиша. Ничего я такого не сделал. Что могу, то и делаю.

– Э, нет дело святое. Ты, можно сказать, спас нас от позора. Как у вас говорят: «Долг платежом красен».

Торжественный митинг по случаю пуска электростанции решили немного повременить из-за угрозы обстрела. Дугин заранее занял место на возвышенности рядом с начальником службы безопасности царандоя подполковником Саидом Боршо, высоким стройным шатеном. Отсюда хорошо просматривалась вся строительная площадка. На здании красовался большой портрет Бабрака Кармаля, над ним на кумаче полотнища – здравица в честь праздника. А еще выше над бетонными колоннами торчали прутья арматуры, свидетельствуя, что строительство еще не закончено.

Пускать электростанцию приехал министр сельского хозяйства доктор Фарух, пухлый от сидячей кабинетной работы с одутловатым безусым лицом и огромной лысиной, прикрытой прядью перекинутых слева направо седых волос. Одет он был в светлый костюм европейского кроя в полоску, застегнутый на одну пуговицу. Белоснежная рубашка и клетчатый галстук подчеркивали торжественность мероприятия.

Губернатор с копной вьющихся волос и светящимся радостью лицом стоял рядом с министром. Чуть поодаль – инженер Володя, ничем не отличающийся от афганцев: сухощавый, с окладистой волнистой бородой на загорелом до черноты лице, в которой седых волос было больше, чем черных. Белая рубашка в голубую полоску, закатанные по локоть рукава, вздувшиеся на коленях рабочие синие штаны с масляными пятнами свидетельствовали, что он на электростанции не гость, и ему предстоит практическая часть действия – пуск электростанции.

Асадабадцы пришли на митинг со знаменами и транспарантами, многие нарядились по случаю праздника в белые одежды, негромко разговаривали, окидывая настороженным взглядом собравшихся, прислушиваясь к звукам. Многие знали о готовящемся обстреле, но не побоялись прийти на митинг. Между горожанами и жителями окрестных кишлаков парами и поодиночке по всей площадке стояли хадовцы, царандоевцы, готовые в случае чего перехватить злоумышленную руку. Военные зеленые фуражки перемежались с серыми пуштунками, белыми чалмами и хиджабами женщин.

Пионерский отряд юных строителей в галстуках, пилотках стоял в строю под развернутым красным знаменем. Ребята гордились причастностью к событию, на которое собрался чуть ли не весь город. Это благодаря и их мозолистым рукам в городе появится долгожданный и таинственный электрический свет.

Над головами прошуршала стабилизаторами первая мина, и за каналом взметнулось облако разрыва.

«150, перелет» – машинально определил Дугин. Вторая мина, не долетев метров 70, упала в Кунар. Третья разорвалась еще дальше, за вертолетной площадкой. Видимо, поправки в прицельные приспособления никто не вводил. Как и предполагали, миномет стрелял со стороны Мараварского ущелья. «Град» дал залп по огневой позиции и обстрел прекратился.

Митинг открыл мулла. Его певучий голос, отражаясь от бетонных стен, поплыл над смиренно склонившей головы толпой. Затем губернатор поприветствовал министра и напомнил, как все начиналось.

– Электростанция «Обгордон» – подарок советского народа, – сказал Гульвасиль. – Многие советские люди вложили в нее свой труд, частицу отзывчивого сердца. Уже здесь советские мушаверы все делали, чтобы электростанция была построена в намеченные сроки. Пример бескорыстного труда показал мушавер майор Иван Дугин. Он и мешки с цементом носил, и передвижную электростанцию починил. Главное – он показал пример бескорыстного труда на общее дело. С 27 мая, как колонна привезла все необходимое для строительства, начались у нас благородные дела. На помощь строителям пришли добровольцы. Сначала – члены партии, активисты ДОМА. Помогали строить и советские солдаты, афганские сарбозы, бойцы царандоя, служащие. Даже дехкане из ближних кишлаков. В лицее «Умархон» есть ячейка молодежной организации. Секретарь ячейки Миргауситдин привел на стройку две бригады школьников. По четвергам объявлялись общегородские субботники, по пятницам – воскресники. Никто никого не заставлял. Люди знали, что делают для себя, своих семей. Столяры с мебельной фабрики сколачивали опалубку. Кузнецы вязали арматуру. Кладку вести, отсыпать гравий, тянуть линию электропередач – тоже рук хватало. Враги несколько раз пытались устроить диверсию, но ничего у них не получилось. Поэтому поздравляю всех участников строительства с нашей общей трудовой победой!

Слово предоставили министру доктору Фаруху. Он сказал:

– По сравнению с грандиозными советскими электростанциями наша маленькая. Но для нас она так же важна, как Саяно-Шушенская для Сибири. Дать свет Асадабаду и окрестным кишлакам – это вопрос не только культуры, но и политики. Каждая семья тратит много афгани на дрова и керосин. А теперь люди получают дешевое электричество. Получают от народной власти! Насосы поднимут воду на горные террасы. Они дадут по два урожая в год. Значит, стол станет сытнее. Благодаря кому? Народной власти! На мебельной фабрике расширится произ-

водство, увеличиться рабочая прослойка в городе. Вот почему душманы постоянно хотели взорвать нашу ГЭС! Но у них ничего не получилось.

Потом выступили командующий царандоя полковник Мазурхан Хабиб, секретарь ячейки ДОМА Миргауситдин, и министр Фарух нажал кнопку, громко крикнул:

– Да будет свет!

На столбах загорелись фонари, и площадь радостно загудела, заплескал в ладоши и стар, и млад. Этому события ждали асадабадцы десять лет.

Глава 17. ПРИСЯГА ДЛЯ САРБОЗОВ

В опербате заканчивали строительство мечети. Каждый день выделяли 6—7 сарбозов лепить кирпичи, два муллы – городской и батальонный – руководили строительством, и в июле 1983 года в праздник Ураз байрам в мечети состоялась первая служба. За активное участие в строительстве Малеваного пригласили на джиргу в Кабул, на которой главный мулла страны вручил ему мусульманскую медаль. Поздравляя его, Дугин мечтательно сказал:

– Вот если бы клуб построить мест на 150.

– А что, это мысль, – поддержал товарища Николай. – Пошли к комбату.

– Я не знаю, что такое «клуб», – честно признался капитан Шаххусейн, недавно прибывший в батальон.

– В мечеть идут молиться, – сказал Дугин, – а в клубе можно собирать личный состав на различные мероприятия, показывать кино, проводить концерты художественной самодеятельности. В Советской Армии такой клуб есть в каждой отдельной части, а в гарнизоне – офицерский клуб или дом офицеров.

– А что для этого нужно?

– Тоже, что и для строительства мечети: 5—6 человек будут делать саманные кирпичи, а проект здания нам начертит переводчик Сафар. Он по профессии строитель. Я с ним говорил на эту тему: Сафар согласен.

– Хорошо, я тоже согласен, – сказал комбат.

Строительная бригада, возводившая мечеть, получила новое задание и через полгода здание было готово. К открытию клуба из Кабула прислали киноустановку «Украина» и десяток кинофильмов. Для начала Дугин выбрал документальный фильм «Времена года» о жизни в Советском Союзе. Когда пошел кинорасказ о Большом театре, зал одобрительно загудел. Повышенный интерес мужского коллектива вызвала танцующая балерина в трико. В следующий раз афганцы снова попросили «Времена года». Раз пять крутил этот фильм. Посмотреть его приходили мальчишки со всего города и убеленные сединами аксакалы.

– Людям нравится смотреть кино, – сказал он Шаххусейну, – но я же не могу все время сидеть в клубе.

– Хорошо, подберем человека, вы его обучите.

На следующий день на построении батальона ему выделили сержанта и солдата. Они ездили с оказией в Кабул и во Дворце дружбы меняли киноленты на новые. Весь Асадабад смотрел эти фильмы. Как-то его помощники привезли с Кабула записку: «Иван Семенович! Спасибо Вам за пропаганду советского образа жизни!». И эта благодарность от незнакомых людей прибавила Дугину осознания, что он честно делает свое дело.

– Командир, почему афганские солдаты не принимают военную присягу? – спросил Дугин комбата:

– У нас нет такой, – недоуменно пожал плечами Шаххусейн.

– В Советской Армии её называют клятвой на верность Родине. Присягу принимают в торжественной обстановке и это событие запоминается солдату на всю жизнь.

– У нас в Коране написаны все правила поведения правоверного мусульманина.

– Одно другому не мешает. Я вот прочитал книгу «Укус каракурта» о разведчике, который в сороковые годы работал в мусульманской стране. Там описано как мусульмане клялись, положив правую руку на Коран, а в левой держали маузер.

Комбат недоуменно пожал плечами:

– Это проблема не моя. Это проблема высшего командования и руководства страны. Если командующий царандоя даст распоряжение принять присягу, то мы все организуем.

– Хорошо, я поговорю с нашим руководством, – сказал Дугин.

Он зашел к старшему советнику майору Жукову, который недавно прибыл из управления внутренних дел на транспорте города Ярославля вместо убитого в Советский Союз Поддубного, сказал ему:

– Станислав Геннадиевич, есть идея – написать присягу для наших сарбозов.

– В принципе, я не против, – ответил он. – Насколько мне известно, – присягу в Афганистане никто не принимает. А как ты себе это представляешь?

– Можно взять за основу нашу присягу, подправить с учетом местных особенностей. Это должен быть военный праздник: весь личный состав батальона построить на плацу с оружием, минометы, технику выставить, трофейное оружие. Принимающий присягу держит автомат на груди двумя руками. Офицеры – по одному в кабинете комбата, а солдаты – хором на плацу. Принявшие присягу расписываются в специальной книге.

– В опербате 250 неграмотных, – напомнил ему Жуков.

– Неграмотный ставит отпечаток пальца против своей фамилии, как и в денежной ведомости.

– Ну, давайте, делайте.

Сафар перевел текст Военной присяги на фарси, а потом на пушту и стал читать по-русски:

– Я гражданин Демократической Республики Афганистан, вступая в ряды Главного управления защиты революции, принимая присягу, перед лицом товарищей по оружию и священной книгой Коран торжественно клянусь:

– Добросовестно изучать военное дело, исполнять требования Корана, законы Демократической Республики Афганистан... А заканчивалась присяга словами: «Если я нарушу мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара законов ДРА и Шариата».

Текст показали мулле. Он все внимательно прочитал и сказал:

– Все хорошо получилось. Нужно только обязательно добавить: «Во имя Аллаха, милосердного и милостивого».

Когда батальон вернулся с операции, начали готовиться к принятию присяги. 10 ноября, в День советской милиции, офицеры принимали присягу в кабинете комбата. А потом на плацу построили весь батальон. Перед строем на тумбочке, покрытой зеленым бархатом, лежал большая толстая зеленая книга – Коран, приковывая к себе взгляды афганцев и советников. Шаххусейн читал текст, а сарбозы хором повторяли слова клятвы на верность Родине.

По случаю праздника, повара приготовили отменный обед: плов из баранины, на столах горками возвышались крупно нарезанные дольки арбузов, дынь, бананы, грейпфрукты.

Сразу же после обеда шифровальщик послал в Кабул информацию о состоявшемся в опербате празднике по случаю принятия военной присяги. На следующий день из столицы пришел запрос: «Что за присяга, уточните?». В ответ написали: «Опербат принял военную присягу, какую принимают в Советской Армии, только с мусульманской спецификой».

13 ноября из Кабула поступило распоряжение: «Старшему советнику с автором присяги прибыть в Кабул на сборы старших советников». Утром 20 ноября Жуков и Дугин полетели в столицу. Полковник Цыганников, советник ГУЗРа, встретил их настороженно:

– Ну, рассказывайте, кому эта идея пришла в голову.

– Да, вот майор Дугин придумал, – сказал Жуков.

– А как командование, личный состав батальона это новшество восприняли?

– Очень даже положительно.

Цыганников одобритительно посмотрел на Дугина:

– Ну, хорошо. Конечно, можем и по шапке от командования получить за инициативу, но дело нужное. Будем продвигать вашу идею в войска. В 14.00 – совещание старших советников провинций, там все им и расскажете.

На совещании выступил Жуков, потом Дугин рассказал, как все было. Текст присяги подработали с учетом замечаний и предложений советников, отпечатали и всем роздали по экземпляру.

– В течение двух месяцев организовать принятие военной присяги во всех частях, – сказал в заключение Цыганников.

Руководство страны тоже одобрило эту инициативу. 27 ноября командующий царандоем провинции Кунар полковник Маздурхан Хабиб пригласил Дугина к себе. Его штаб находился недалеко от советнического городка, и Иван Семенович минут через десять был у него в приемной. Обратил внимание на трех молодых офицеров царандоя, которые, понуриив головы, стояли у двери, и средних лет афганца. Маздурхан, пошел навстречу, радостно обнял:

– Здравствуй, мушавер Айван! Тебе объявили благодарность за организацию принятия присяги?

– Нет.

– А мне объявили! Сам министр Гулябзой поздравил.

Но тут радостная улыбка сползла с лица командующего:

– Мушавер, у меня, можно сказать, государственная проблема: три моих офицера по очереди ходили к жене дуканщика, когда он ездил в Джелалабад за товаром. Когда вернулся, десятилетний сын все ему рассказал. Дуканщик написал заявление и требует взыскать с офицеров деньги. Как у вас в Советском Союзе решают такие проблемы?

– Да, по разному, – уклончиво ответил Дугин. – А сколько афганей хочет получить истец?

– По сто афганей с каждого.

– Триста афганей – это же не деньги! – удивился Дугин. – Вызывайте офицеров, пусть платят.

Все трое вошли, вытянулись по струнке.

– У вас есть по сто афганей? – спросил командующий.

– Есть по сто пятьдесят, – ответил за всех старший лейтенант.

– Положите деньги на стол, – посоветовал Дугин.

– Лейтенанты положили по сто пятьдесят, а старлей – двести пятьдесят афганей.

Сумма получилась значительно больше запрашиваемой.

– Идите, и позовите дуканщика. Если еще подобное случится – будем судить, – пригрозил Маздурхан.

Торговец вошел в кабинет, молча уставился на афгани.

– Мы выражаем вам сочувствие по поводу того, что произошло в вашей семье, – сказал Дугин.

– Я приму извинения, когда получу деньги! – с вызовом ответил дуканщик.

Командующий небрежно подвинул к нему купюры. Оскорбленный муж быстро пересчитал деньги, и его лицо озарила радостная улыбка:

– Ташакур, ташакур!

Он, пятясь, вышел. Командующий вздохнул с облегчением:

– Спасибо, мушавер Айван, что вы, представитель Советского Союза, помогли мне решить эту проблему. Только прошу, – никому об этом не рассказывайте. И все же, как у вас решаются подобные вопросы?

– Да, по-разному бывает, – ответил Дугин. – Чаще всего – мордобоем, разводом, гулящую жену выгоняют из дома. Бывает, что и загулявшего мужа в квартиру не пускают.

В соседней комнате уже был накрыт стол. В центре стояла бутылка коньяка в окружении различных яств.

– Я благодарю тебя, мушавер Айван, за подготовку присяги, – сказал со значением командующий, – и за все, что вы делаете для афганцев. Вас обязательно отблагодарят.

Они выпили по рюмке, повторили, и Дугин направился к себе в городок.

28 ноября в опербат пришла шифрограмма: «Майору Дугину И. С. объявить благодарность за инициативу и умелую организацию принятия военной присяги».

Инициативу Дугина подхватили и армейские части, а с 1984 года военную присягу стали принимать во всех вооруженных силах Афганистана.

Глава 18. БОЙ ПОД НАРАНГОМ

В марте 1984 года советников Асадабада собрали в штабе афганской дивизии на совещание. Майор Малеванный был в отпуске и опербат представлял Дугин. Обстановка в провинции Кунар была сложная. «Духи» пунктуально, как на молитву, ежедневно в 13.40 начинали обстрел города из дэшэка, винтовок, закидывали эрэсами. Пули дырявили и крыши советнического городка. В ответ по огневым позициям «духов» в Мараварах и на Басмаче открывали огонь реактивные установки «Град», стреляли гаубицы, и обстрел города прекращался.

Советник командира дивизии по разведке подполковник Владимир Гусев ввел собравшихся в обстановку:

– Из Джелалабада в Асадабад идет колонна – 68 машин с продуктами и горюче-смазочными материалами для техники. Наша задача обеспечить ее прохождение от Наранга до Асадабада. На что хочу особо обратить ваше внимание: по поступившей в ХАД информации – ожидается переход границы отряда душманов Гульбеддина Хекматяра, одетых в форму Советской Армии. Человек 60—70, одни уголовники. Цель – показать зверства советских солдат в Афганистане. Опербату необходимо усилить охрану Навабадского моста. Возможно, они перейдут Кунар вброд в районе Наранга. Там сейчас мелко.

Экипаж советнического БТРа к выезду Дугин готовил сам. Он был водителем, за пулеметом – Борис Горский, а переводчик Ильбан выполнял роль стрелка.

На следующий день в 6.30 колонна обеспечения движения уже выстроилась в джелалабадском направлении. Впереди ушли саперы, проверяли щупами и миноискателями дорогу. Их работу прикрывали разведчики на БРДМ. За ним на удалении зрительной связи шел бронетранспортер командира опербата Шаххусейна. Дугин стал в колонну третьим. Только начали движение – саперы предупредили: на дороге мина. Остановились.

Капитан Шаххусейн спрыгнул на землю и пошел навстречу советникам, широко раскинув руки, обнял Дугина три раза по русскому обычаю и сказал:

– На марш идут 160 человек. – 140 – из нашего батальона, остальные двадцать – сборная солянка: царандой, уголовный розыск, охрана объектов и другие. На усиление охраны Навабадского моста мы выделили 20 человек и один минометный расчет. В колонне – два миномета. Личный состав – на броне и девять машин ГАЗ-66. Взяли три комплекта боеприпасов, продовольствия на трое суток.

Он достал из командирской сумки схему построения колонны, развернул её, подчеркивая тем самым уважительное отношение к советнику. Схема была красиво разрисована цветными фломастерами. Шаххусейн перерисовывал её с образца, который сделал еще в 1980 году первый советник опербата майор Радимушкин.

На броню советнического БТРа сели мулла, командир взвода разведки старший лейтенант Рахман Шах Гулям и пять сарбозов. К ним подошел командир саперного взвода лейтенант Махмад Хосур, доложил:

– Мина обезврежена. Можно двигаться дальше.

Сарбоз на командирской машине поднял красный флажок вверх, закрутил им над головой и махнул в сторону Джелалабада.

Дугин включил первую передачу. Машина, набирая скорость, плавно покачиваясь пошла по ухабистой дороге. Возле одной из ямок стоял красный флажок – здесь саперы сняли мину. По возвращению опербата в Асадабад, она украсит спальное помещение саперного взвода.

Остались позади домики Асадабада. Слева вдоль Кунара начинались рисовые поля. На них уже спозаранку работали загорелые мужчины в чалмах, в оборванной одежде, которая еле прикрывала наготу. Они учтиво приветствовали комбата низкими поклонами. Знали, что он едет на первой машине.

Проехали еще два километра и снова стали. Саперы обнаружили мину недалеко от поста царандоя. Со стороны поста появились два сарбоза, остановились, затем залегли, опасаясь взрыва. Сапер выкрутил взрыватель, прицепил кошку за бок мины, отошел метров тридцать, разматывая верёвку, дернул её. Мина выскочила из ямки, но взрыва не последовало: она была без сюрпризов.

Солнце поднималось все выше, обещая жаркий день. Только после двух часов такой езды слева показался Навабадский мост через Кунар. На том берегу дорога к пакистанской границе утопала в зелени, а в сторону Джелалабада открывался грустный вид: по обочинам рваного асфальта – песок, камень, да ржавеющие остовы разбитой техники. Колонна снова остановилась: саперы обнаружили еще одну мину.

К командирской машине подошел быстрым шагом старший лейтенант, доложил:

– На посту все в порядке!

– Получай подкрепление, – сказал Шаххусейн, – двадцать человек и минометный расчет. Старшим у вас будет начальник службы безопасности царандоя подполковник Саид Боршо пока не пройдет колонна с грузом.

В развалинах кишлака старший лейтенант Шах Гулям заметил человека, который прятался за дувалами. Он послал двух сарбозов и вскоре они привели незнакомца.

Гулям учился в Ташкенте и сказал по-русски Дугину:

– Мушавер Айван, мы душмана поймали. Что с ним делать?

«Духа» подвели к бронетранспортеру. Он был среднего роста, худой, русоволосый, похожий на славянина, одет в советскую форму, только на пилотке не было звёздочки.

– А чего ты решил, что он душман? – спросил Дугин.

– Кишлак нежилой, местных там нет. Тем более, что он неспроста так оделся. Расстрелять его и дело с концом.

– Зачем расстреливать? Надо разобраться. Может он еще нам пригодиться. Отведите его к начальнику разведки мотопехотной дивизии. Их командный пункт идет в колонне через четыре машины от нас.

Подполковник Гусев стоял возле ЗИЛ-157 с деревянным кузовом.

– Наши разведчики захватили в развалинах кишлака «духа» в советской форме, – сказал ему Дугин.

– Давай его в КУНГ для досмотра.

Все взобрались по лесенке внутрь кузова.

Раздевайся! – сказал командир взвода душману.

Тот покорно снял пилотку, затем китель, брюки, кроссовки и остался в одних трусах. Гусев внимательно все осмотрел, пощупал швы. Ничего подозрительного не обнаружив, сказал:

– Пусть одевается.

Душман первым делом надел пилотку, и это не ускользнуло от внимания разведчика.

– А ну-ка, дай мне пилоточку.

Его внимание привлек шов: несколько стежков шли неровно.

– Дайте мне ножик!

– Шах Гулям протянул перочинный нож. Гусев распорол им неровный шов. «Дух» попытался выхватить пилотку, но взводный его резко оттолкнул и тот осел, весь как-то сник.

Гусев достал из пилотки половину разорванной открытки, спросил:

– Вы связной?

После некоторых колебаний душман выдавил из себя:

– Да.

– Ваша задача?

– Я должен был присоединиться к колонне и доехать до Джелалабада, узнать, когда она будет возвращаться, что будет везти и доложить Гульбеддину через своих людей в Джелалабаде.

– Не получилось. Теперь вам в Пакистан возвращаться не безопасно.

Душман молча склонил голову.

Гусев вызвал представителя ХАДа старшего лейтенанта Махмада Даура, сказал:

– Это ваш клиент. Забирайте и работайте с ним. Его можно переориентировать. Покорить не забудьте. Видно, он уже давно ничего не ел.

Дугин понял, что угроза нападения на колонну уже близка, и решил уточнить у комбата, как будет обеспечиваться её охрана при проходе Бабурского ущелья перед Нарангом. Шаххусейн с недовольным видом проговорил:

– Я же показывал вам схему.

– Каждая собака знает, что в первой машине едет комбат, – сказал Дугин. – Это должно вас насторожить. Необходимо перестроить колону, чтобы ваш бронетранспортер шел третьим, а я буду за вами. Душманы уже три мины поставили. Это значит, что колонну они ждут.

– Рекомендацию советника понял, выполняю.

Вперед вышел бронетранспортер командира первой роты, за ним стал ГАЗ-66 командира минометной батареи с минометом, установленным в кузове в ящике с песком, и только потом – БТР комбата, а затем советнический экипаж.

Дошли до Наранга без потерь. Дугин посмотрел на часы: 11.00. Справа начиналось лесистое Бабурское ущелье, которое за дурную славу называли «ущелье-призрак». Там жили «духи», часто гибли и пропадали люди. Большое поле сахарного тростника тянулось вдоль Кунара, который запросто можно было перейти вброд, а на том берегу начиналась «зеленка». Идеальное место для засады. Выставили три поста охранения по 7—9 человек. Первый пост находился 800 метров от тростникового поля в заранее вырытой щели. Метров 200 от него расположился штаб. БРДМ и БТР комбата стали рядом и между ними сарбозы натянули брезентовый тент, поставили стол, скамейки. Метров 150 от штаба расположилась походная кухня. От неё уже долетал запах готовящегося обеда.

Из Наранга пришли семь человек – представители царандоя и ХАДа кишлака. После взаимных приветствий, старший лейтенант сказал:

– У нас все спокойно. «Душманы» перестали стрелять, так что приглашаем вас на обед.

– Пойдемте к нам за стол, чаю попьем, – предложил комбат гостям.

После чаепития, он обнадежил гостей:

– Мы обязательно к вам заедем, когда пройдет колонна. А сейчас предлагаем пообедать у нас.

Обед в полевых условиях был для всех обычный: горох с мясом и лепешка с чаем. Сытно и довольно вкусно.

Когда гости ушли, в 16.00 с первого поста доложили:

– Из ущелья вышли девять человек в пуштунской одежде без оружия.

Направляются к голове колонны.

– Проводите их к нам, – распорядился комбат.

Дугин с интересом рассматривал новых гостей. Было им лет по двадцать-двадцать пять и нетрудно догадаться, что это отряд душманов. У старшего была кличка Инженер. Он довольно сносно говорил по-русски, спросил Дугина:

– Как живется в Советском Союзе?

– У нас все нормально. Заводы работают, поля колосятся, дети ходят в школу, молодежь учится в институтах и университетах, люди радуются жизни.

В конце беседы Инженер отозвал Дугина в сторону и сказал:

– Я учился в Сызранском училище механиков летного состава. В 1982 году под Хостом наш вертолет был сбит. Командир и второй пилот погибли. Меня ранило. Душманы подобрали и заставили служить им. Меня направили в Бабурское ущелье, чтобы встретить группу – 70 человек переодетых в советскую форму. Необходимо об этом сообщить Владимиру Федоровичу, представителю ГРУ в Кунаре. Мы хотим сдать ся.

– Спасибо за важную информацию, – поблагодарил Дугин. – Я обязательно все передам.

Пообнимавшись по мусульманскому обычаю с Дугиным и комбатом «гости» ушли в сторону ущелья.

Партийный секретарь батальона старший лейтенант Нажмуддин дожидался комбата со стопкой бумаг в руках.

– Наш сарбоз при дооборудовании окопа обнаружил закладку, – сказал он с волнением в голосе. – В ней были вот эти листовки.

Дугин пересчитал их:

– 15 – на русском языке и 12 – на пушту. Что там написано?

– То же самое, что и на русском: призывают убивать своих командиров и переходить на сторону Гульбеддина.

– Пойдемте, посмотрим место закладки.

Внимание Дугина привлекла небольшая канавка. Выброшенная из нее земля была еще свежей.

– Банда, о которой нас предупреждали, уже в Афганистане! – сказал Дугин комбату. – Закладку сделали перед нашим приходом. Об этом надо сказать всем офицерам.

– Офицерам опербата прибыть на командный пункт, – скомандовал Шаххусейн и вскоре к импровизированной палатке подошли командиры подразделений. Через переводчика Эльбона Дугин сообщил им:

– В зоне ответственности нашего батальона уже действуют душманы. Возможно они будут в советской форме. Это оборотни. Здесь нет советских войск. Поэтому необходимо усилить бдительность. При появлении людей в советской форме со стороны ущелья или сахарного тростника – стрелять на поражение. Доведите эту информацию до каждого солдата.

В 17.30 в сторону Асадабада пролетела пара вертолетов.

Колонна уже где-то на подходе к Нарангу, – сказал Дугин комбату, надел шлемофон, включил радиостанцию на заданную частоту. Эфир молчал. Через 20 минут со стороны Наранга на дороге показались советские саперы в сопровождении танка Т-72. Поравнявшись с Дугиным, командир взвода лейтенант доложил:

– Колонну обстреливали со стороны Пакистана три раза. Сняли 20 мин.

– Наши саперы тоже сняли три мины.

– Значит, теперь мы можем сесть на броню и спокойно ехать в Асадабад?

– Да. Но не расслабляйтесь. Здесь полно «духов».

Когда саперы взобрались на броню, со стороны Наранга появилась голова колонны. Впереди шел командирский бронетранспортер, за ним танк Т-72, дальше – вереница грузовых машин. И вдруг с вершины горы Круглой ударил дэшэка. Пули взбивали фонтанчики пыли, не долетая до колонны метров двести. Очередей было несколько, и все они прошли по одному месту: стреляющий не менял установки прицела. Танк выстрелил, но разрыв был значительно ниже пулеметчика. Он лихорадочно заметался в поисках хотя бы небольшого взгорка, чтобы въехать на него, и тогда можно было бы вести прицельный огонь, но как назло, место было ровное.

Открыл огонь минометный расчет опербата. Облако первого разрыва вскинулось слева от пулеметчика. Его заметили вертолетчики. Мивосьмой в боевом пике выпустил по цели четыре нурса. Но по вертолету заработал дэшэка со стороны Бабурского ущелья. Танкисты

выстрелили фугасным снарядом, и вертолет, круживший над головой колонны, послал четыре нурса в сторону дэшэка.

Словно по команде, из тростника выскочили две группы. Одна бежала в сторону колонны, другая – к первому посту. Танки, бронетранспортеры били по бегущим из пулеметов, сарбозы строчили из автоматов. Эхо боя носилось по ущелью минут двадцать. И вдруг все стихло. Нападавшие побежали вспять, спрятались в высоком тростнике. От комбата пришел посыльный, сказал Дугину:

– Это шурави-оборотни!

– Не расслабляться. Они еще устроят засаду. Где-то еще одна группа «духов» спряталась.

Действительно, когда колонна прошла метров триста, из сахарного тростника к ней выбежала еще одна группа душманов. Танки развернули башни в их сторону и начали расстреливать бегущих осколочными снарядами. В бой снова вступили бронетранспортеры и солдаты опербата. Послышались стоны, крики «Аллах Акбар». Второй бой длился минут пятнадцать. Затем снова все стихло.

Бабурское ущелье колонна прошла без потерь, но в оперbate было четыре убитых, три тяжелораненых и семь раненых. Убитых и раненых повезли в Асадабад. Раненых – в госпиталь, а убитых мулла повёз на кладбище похоронить по мусульманским обычаям до захода солнца.

На поле боя нашли 25 убитых душманов и 17 раненых. Кто мог передвигаться – ушли ночью по «зеленке» в Пакистан. Как потом рассказал наш осведомитель, Гульбедин лично расстрелял командира группы за невыполнение поставленной задачи.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Книга вторая: ПОД ПУЛЯМИ НЕ ЛГУТ

Часть первая «ЖАЖДА ВЫЖИТЬ»

Глава 1. ЗАСАДА У НАРАНГА

В джелалабадский батальон спецназа капитан Григорий Боков прибыл в середине апреля 1984 года на должность начальника штаба. На штабиста Григорий был мало похож: рослый, широкой кости, физически сильный, с повадками армейского разведчика, готового в любой миг к встрече с опасностью. Русые жесткие волосы, глубоко посаженные глаза с прищуром выдавали в нем казачью кровь. Он был родом с Кубанского края, станицы Крымской.

Оформив документы на боевой выход группы старшего лейтенанта Щebeneва в район кишлака Наранг, который располагался по дороге на Асадабад на правом берегу Кунара, Боков зашел с ними к комбату майору Зубову. Когда тот подписал бумаги, попросил:

– Товарищ майор, разрешите и мне сходить в засаду. Пора самому попробовать хлеб разведчика.

Зубов одобрительно посмотрел на него, ответил:

– Скажи прямо: решил отметить день рождения по-афгански? Если память не изменяет – завтра двадцать восемь стукнет?

– Точно так, – ответил Григорий. Ему польстило, что комбат запомнил и такую дату в биографии своего начштаба. —28 мая, как раз на День пограничника, я появился на свет.

– Хорошо, пойдешь стажером у Щebeneва. Не смотри, что взводный. Вадим – опытный разведчик. У него есть чему поучиться.

Решение комбата несколько расстроило, но Григорий постарался не подавать виду. «Все нормально, – подумал он с иронией. – Иди и в засаде доказывай, что ты старше по званию, а значит, умнее. Амбиции тут ни к чему». Покончив с бумагами, тут же направился в казарму первой роты, переоборудованную на скорую руку из складского помещения.

Взвод Щebeneва уже переделся в зеленую форму царандоя. Но многих солдат можно было принять за афганцев лишь с очень большой натяжкой: демаскировали белесые брови, выгоревшие до пшеничного цвета усы. У Щebeneва блеклая растительность тоже сильно выделялась на продолговатом, черном от загара лице. Выслушав доклад, Григорий потрогал недорогое грубое сукно мундира, в котором поджарый стройный взводный выглядел несколько мешковато, спросил:

– Маскарад этот зачем?

– Это мы под «зеленых» косим, – ухмыльнулся тот, – все хотим кого-то убедить, что с «духами» воюют правительственные войска, а мы здесь пляшем гопака и чиним трактор местный. Заметив на лице Григория некоторую растерянность, он тут же снисходительно добавил: – Да вы не волнуйтесь, товарищ капитан, мы вас мигом переоденем. Этого добра у нас навалом. Обычное дело. Соберем, что надо. – Он оглянулся, зычно крикнул: – Иванов, ходи ко мне!

С помощью солдата Боков переделся в новенькую форму и начал собирать все необходимое для боя, стремясь унять мелкую противную дрожь в руках. Она появлялась каждый раз, когда принимался за рискованное дело, как у спортсмена перед стартом. А тут не старт – первый бой. И чем он закончится – никому не ведомо. В ящике с боеприпасами рука инстинктивно потянулась к пулеметным рожкам. «Они хоть и тяжелее, зато патронов больше», – подумал он и начал распахивать пластмассовые магазины по карманам нагрудника. Еще один боекомплект положил в десантный рюкзак. Лишь когда рассовал по кармашкам гранаты, успокоился, ощутив тяжесть металла. В этой своей ненасытности он ничем не отличался от всех новичков. Собираясь в бой, они мыслят верно: чем больше прихватил патронов, тем выше вероятность вернуться живым. Хотя в афганской войне, без передовой и тыла, действовали свои законы, и можно было погибнуть, даже не выходя за территорию части, от разрыва реактивного снаряда или метко пущенной с гор душманской пули. Война шла по всей стране в самой гуще народа

только по ей ведомым законам. Кто друг, а кто враг – понять было трудно. Очень часто бывшие враги становились друзьями, а товарищи по оружию – противниками.

Рядом с Григорием экипировался рядовой Иванов. По тому, как солдат косил глаза, наблюдая за действиями бывалых сослуживцев и стараясь даже в жестах подражать им, как не очень ловко снаряжал магазины, нетрудно было догадаться: он тоже идет в свой первый бой.

В район засады группа прилетела на двух вертолетах. Сквозь свист лопастей Григорий сразу различил дробный стук крупнокалиберного пулемета. Чаше и сильнее забилося сердце. Но волнение было напрасным: мятежники строчили не по вертолетам, а по кишлаку, прилепившемуся к подножию крутой горы. Возле Наранга был брод. Из Пакистана через перевал Нава в кишлак Дунай приходили караваны, а под покровом ночи перебирались через Кунар и уходили в горы Гиндукуша.

– Это Наранг, – пояснил Щербнев, когда они перебежали к зарослям кустарника. – Здесь бандами командует Навагуль. Интересная личность. Когда-то был сельским кузнецом, уважаемым в кишлаке человеком. Народная власть послала его к нам учиться в общеобразовательное училище. Вернулся офицером. А когда Амин начал уничтожать и правых, и виноватых – переметнулся к душманам. Сейчас командует фронтом исламской революции... Научили на свою голову.

В голосе взводного промелькнули нотки то ли зависти, то ли обиды. Он вдруг крикнул солдату со светлым чубом, выбившимся из-под высокой фуражки:

– Ну, Кравцов, ты уже закурил! Что, пять минут потерпеть не можешь? – Оглядевшись, вдруг примирительно продолжил: – Ладно, давай и нас угощай.

Он взял протянутую пачку «Мальборо», щелкнул пальцем по дну. Из нее аккуратно наполовину высунулась сигарета.

– Угощайтесь, товарищ капитан.

– Не курю, – мотнул головой Григорий.

– А я пристрастился, – без особого сожаления ответил Щербнев. Он достал из коробка спичку, чиркнул резко по брюкам на ляжке, и сера занялась рыжим огнем. Прикурив, блаженно затянулся дымом, и продолжил: – Недавно караванчик взяли, сигаретами разжились. Кое-что и нам с войны перепадает.

Он еще несколько раз жадно затянулся, сплюнул, раздавил сигарету о каблук, бросил сплюснутый окурочок на землю, растер его в пыли и лихо скомандовал:

– Все, мужики, вперед!

Спецназовцы вышли в район засады, но всю ночь бодрствовали зря: каравана не было. Ранним утром снова застрочил по кишлаку душманский пулемет. Бил по каждому, кто осмеливался выйти из дувала.

– Напрасно мы здесь лежим, – сказал Боков. – О нашей засаде уже в самом Пешаваре знают, коль такие глаза видели, как мы высаживались. – Может, пулемет снимем?

Щербнев промолчал. То ли прикидывал, как это лучше сделать, то ли надеялся, что начальник штаба не будет больше приставать со своей идеей.

– Давай снимем его к черту, чтобы жить людям не мешал, – настаивал Григорий. – Он никак не мог взять в толк, почему Щербнев сразу не послал туда группу захвата. Такой трофей бы раздобыли!

– Комбат не разрешит.

– Запроси!

– Стоит ли запрашивать, когда я и так знаю – не разрешит, – уверенно ответил Щербнев. – У нас же другая задача...

– Запроси! – требовательно повторил Григорий.

– Ладно, попробуем. Мне этот дэшэка тоже по мозгам стучит.

Радист связался с батальоном. Майор Зубов с предложением Бокова согласился на удивление быстро. Он уже тоже не верил в затею с засадой и хотел, чтобы с боевого выхода подчиненные вернулись не с пустыми руками.

Щебнев развернул карту, начал определять маршрут.

– Поднимемся вот по этому гребню, – предложил он Бокову. – Тут тропа обозначена. Три часа вверх, три – вниз: за ночь и обернемся. А вообще, чего мы головы ломаем: схожу в пограничный батальон, попрошу пару проводников. Они здесь каждую тропу знают.

– Как пограничный? – удивился Григорий. – До границы добрых три десятка километров.

– Товарищ капитан, – в голосе Щебнева снова появились снисходительные нотки, – граница не там, где нарисована на карте, а где стоят пограничные батальоны. Я раньше тоже удивлялся: и чего это наши братья афганцы границу не перекроют? Бац, бац и готово. А когда разобрался, понял: граница-то по горам проходит. А в горах хозяева – душманы. Вот такие пироги.

Боков и верил, и не верил тому, что говорил взводный. Но этот пулемет, безнаказанно строчащий по кишлаку вторые сутки, бездействующий пограничный батальон – все это свидетельствовало о том, что Щебнев недалек от истины. К 1984 году оппозиция при поддержке исламских фундаменталистов, США и других стран НАТО хорошо вооружилась, окрепла в боях и контролировала большую часть Афганистана.

Щебнев вернулся с двумя афганскими пограничниками. Как только стемнело, взвод цепочкой потянулся к хребту. Григорий сразу заметил, что они забирают левее намеченного маршрута, предупредил взводного:

– Слушай, мы что-то сразу блудить начали.

– Не волнуйтесь, товарищ капитан, – уверенно ответил тот. – Там, где легко пройти, можно и на мину наскочить. Мы пойдем другим маршрутом. Он труднее, зато безопаснее.

Григорий промолчал, только недоуменно пожал плечами. Может, Щебнев и прав? Но мог бы посоветоваться.

Вскоре пологий склон вздыбился, и без помощи рук трудно было даже удержаться на скалах. В кромешной темноте разведчики с трудом отыскивали в них расщелины, хоть какую-то опору для ног и медленно, словно огромные неуклюжие улитки, ползли вверх по каменной стене. Цепочка растянулась, и в ночи мерцали фонарики заблудившихся.

За намеченные три часа добрались только до середины склона, а солдаты уже валились с ног от усталости. Над горной грядой светлела закраина неба, предвещающая скорый рассвет. «Мы не успеем!» – встревожился Григорий и посмотрел на Щебнева. Тот притих, измученный тяжелым подъемом, как и его подчиненные. Не было уже в нем прежней уверенности и командирской лихости. «Может, пока не поздно, повернуть назад? – подумал он, но тут же прогнал крамольную мысль: – до хребта – рукой подать. Нельзя же, чтобы „духи“ безнаказанно издевались над людьми. Только вперед!».

Подъем стал более пологим. Боков наткнулся на небольшое углубление, обложенное камнями.

– Окоп! – шепнул он взводному.

Сложили его давным-давно: камни уже покрылись бурыми пятнами вьедливого мха. Видимо, этот окоп не один век служил укрытием. Григорий судорожно сжимал автомат, ожидая пулеметной очереди. Но гора настороженно молчала. В следующем окопе он увидел брошенные впопыхах спальные мешки, еще хранившие человеческое тепло.

– Вспугнули! – сплюнул от досады Щебнев. – Ничего, с тяжелым пулеметом они далеко не убегут.

Он взял с собой отделение разведчиков и скрылся за хребтом. Вскоре вернулся, издали махая рукой, тревожно крикнул:

– Товарищ капитан, там «духовский» лагерь!

Боков даже обрадовался. Они ведь карабкались на эту гору, чтобы встретиться с мятежниками. Он еще не знал, что забрался и на одну из вершин своей собственной судьбы, которая располовинит жизнь на ту, когда учился стрелять по безответным мишеням, и новую, когда начнет убивать себе подобных. В любое мгновение он мог сорваться с этой высоты и улететь в небытие.

– Пойдем, посмотрим.

– Нас «духи» специально сюда заманили, – пояснил на ходу Щебнев. – Есть у них такой приемчик – нашего брата на «живца» ловить. Пулемет был приманкой. Мы на него и клюнули.

С высоты было хорошо видно, как в котловине между приземистыми, с бойницами вместо окон зданиями бегали люди, собирались в группы.

Не раздумывая, Григорий сказал:

– Здесь полно окопов. Занимаем оборону, наведем на лагерь авиацию.

– Авиацию-то вызвать можно, – недовольно возразил взводный, – но пока машина завертится, часа два пройдет. А «духи» уже через час будут здесь... Пока не поздно, лучше смыться отсюда.

– Как смыться? – опешил Боков. Он даже представить не мог, что будет, словно трусливый заяц, убежать от мятежников: – Надо оборону занимать и срочно вызывать штурмовики!

– Ну что ж, будем драться, – нехотя согласился взводный. Ему эта затея сразу была не по нутру, но перечить начальству не хотелось. Когда они вернутся в батальон, Боков всегда сможет припомнить ему неуважительное отношение к своему мнению.

Комбат их предложение обдумывал долго. Видимо, советовался с офицерами разведотдела армии. И все же решение утвердил.

– Теперь еще бы у погранцов подмогу попросить, – сказал Щебнев и связался по радио с ретранслятором. Оттуда прилетела радостная весть:

«Ждите, к вам поднимется афганская рота».

Щебнев повеселел, снял рюкзак, расстегнул куртку и лег на брошенный мятежниками спальный мешок, подставив теплым солнечным лучам широкую грудь с мощными мышцами, закрыл глаза. Григория эта вольность взводного насторожила. Он огляделся. Вокруг лежали солдаты, измученные ночным подъемом. Многие из них спали. «Что за наваждение? – подумал с тревогой. – Душманы вот-вот будут здесь, а они раскисли».

– Слушай, Щебнев, приведи своих подчиненных в порядок. Надо оборону готовить, а они разлеглись, как тюлени на лежбище.

– Товарищ капитан, вы не волнуйтесь, – не открывая глаз, ответил тот. – Окопы нам «духи» уже оборудовали. Полезут – врежем, как полагается. Вы бы тоже минут пять вздремнули. Усталость как рукой снимет.

– Ты хоть охранение выставь!

– Сейчас сделаем... Иванов, вниз и наблюдать за «духами»! – крикнул он, не поднимая головы. – Будут подходить – предупредишь!

Солдат вскочил, покорно сказал: «Есть!» и побежал по скату горы, не пригибаясь, словно все напасти ему ни по чем.

Тю-у-у-ув! – тонко и протяжно пропела в утреннем воздухе первая пуля. Но никто даже не пошевелился. Или спецназовцы делали вид, что не для них она предназначалась, или доконала людей невероятная усталость. Григория удивило это олимпийское спокойствие подчиненных Щебнева. В душе начала закипать злость. Он понимал, происходит что-то неладное, что может плохо кончиться, и не знал, как поступить. Взять командование группой на себя? Но такого права он не имеет. Он стажер, обязан подчиняться Щебневу. А может, действительно, зря нервничает? Но когда тонко и протяжно пропела на излете вторая пуля, не сдержался, зло крикнул:

– Товарищ старший лейтенант, в конце концов, вы будете командовать? – Выскочив из окопа, начал прикладом автомата тормошить спящих: – В укрытие! Разлеглись, как тюлени на лежбище.

– Чего деретесь? – сонно пробурчал рядовой Кравцов, смахнув нависшую на глаза русую челку. – Если страшно, так скажите. А мы привычные.

Третья пуля ударила возле ноги Бокова, взметнув фонтанчик пыли. Он отскочил от него, словно от змеи, прыгнул через бруствер, затаился, дико озираясь. Его примеру последовали разведчики, разбежались по окопчикам. На ровном пяточке остались лежать только брошенные рюкзаки.

Вылет штурмовиков и обещанных вертолетов задерживался. Щебнев оказался прав.

– Чем здесь отсиживаться, – сказал он, – лучше возьму отделение и поищу пулемет. Не могли «духи» далеко убежать: спрятались и ждут подмоги.

– Смотри сам, – ответил Григорий. Его немало удивило это решение взводного: то хотел убежать с хребта без боя, то готов лезть к черту на рога. Но как только Щебнев поднялся из окопа, пуля шмякнулась рядом с ним.

– Стоп! Никуда не ходить! – резко сказал Боков.

Щебнев спрятался за бруствер, огляделся:

– Вон, видите, товарищ капитан, седловину, где хребет соединяется с горным массивом? Оттуда и стреляют. – Он помолчал, а затем сконфуженно добавил:

– Зря мы полезли за этим дэшэка. Нарушили правила.

– Какие правила? – не понял Боков.

– Да самые простые: не лезть на рожон, если тебя не заставляют лоб под пули подставлять. Здесь все воюют исподтишка, по-партизански: «духи» засады устраивают, наши колонны бьют, а мы их караваны перехватываем. Они нам дороги минировать, а мы им – тропы. Так вот и воюем. – Щебнев помолчал, а затем решительно добавил: – Я прилетел сюда защищать афганский народ от империалистов, а оказалось, что здесь идет междоусобная драчка за зоны влияния, за власть. В Афганистане никогда особо не считались с кабульскими правителями, а мы решили им еще и свои порядки навязать. У англичан не получилось, и у нас ничего не выйдет, как бы мы тут рогом ни упирались. Если у НДПА согласия нет между халькистами и парчамистами, то откуда ему в провинциях взяться? Здесь каждый бай – хозяин. Тот же Ахмад Шах Масуд собрал себе войско, засел в Панджшере и никого не признает. А в этих горах, – взводный махнул рукой в сторону белых шапок Гиндукуша, – люди вообще не знают, что творится в стране. А мы все талдычим: социалистическая революция, социалистическая революция.

Григорий оборвал сетования взводного:

– Получается, что никто этого не видит. Один ты такой зрячий. – Все в нем протестовало против слов Щебнева. Да, трудно. Да, опасно. Но чтобы зря советские солдаты здесь мучились – с этим он согласиться не мог. Он, как и тысячи других, добровольно поехал на эту войну, потому что свято верил: идеалы коммунизма, которым поклонялся, обязательно станут дорогами и людям сурового горного края. И он был готов защищать их выбор с оружием в руках.

Щебнев уловил сарказм в голосе начальника штаба, пояснил:

– Я ведь в Афгане по второму заходу. Первый раз прилетел в Кабул в декабре 1979-го. Люди нас цветами забрасывали, надеялись, что поможем потушить огонь гражданской войны. А мы в него еще маслица подлили. Кокнули узурпатора Амина, посадили в Кабуле послушное правительство, чуть ли не к каждому должностному лицу своего советника поставили. Должны были перекрыть границу, но растолкали войска по городам, втянулись в междоусобицу и наплодили врагов столько, что уму непостижимо. Теперь только самые ленивые крестьяне в нас не стреляют. Мясорубка войны работает, а остановить ее некому. Проще ведь талдычить: все нормально, товарищи. Наши доблестные воины высаживают аллеи дружбы, строят школы афганским ребятишкам. А о том, что «черный тюльпан» постоянно переполнен тру-

нами, молчок. Даже погибших не дают по-человечески похоронить. Все тайком да с оглядкой. Вот потому и не хочется зря рисковать, когда не знаешь, за что жизнь свою отдаешь...

Взводный умолк, взгляделся в ближайшую горку и взволнованно сказал:

– Сейчас, товарищ капитан, «духи» на нас попрут.

Григорий посмотрел в ту сторону. На хребте, слева, метрах в четырехстах от взвода, мятежники занимали вырытые заранее окопы. Протрещали первые автоматные очереди. Пули так близко засвистели, что Григорию захотелось слиться с этой каменистой землей. Почувствовав, как ракушечник больно колет щеку, поднял непослушную голову и поразился увиденному: к ним бежали несколько человек. Как раз с той стороны, где находился наш пулеметный расчет. Но на солдат они похожи не были, и Григорий настороженно спросил:

– Щебнев, кто это к нам несется справа?

– Наверное, наши, – неопределенно ответил взводный.

Но Григорий уже начал различать бородатые чужие лица, и из его горла вырвался тревожный крик:

– Душманы – справа, огонь!

В руках мелкой дрожью забился автомат. Пули пролетели над головами атакующих, не причинив им вреда. Мятежники попадали на землю, заползали, отыскивая укрытия, не прицельно постреливая. Замешательство среди душманов подействовало на Григория успокаивающее. Он быстро установил прицельную планку на единичку, выровнял прорезь и мушку, плавно нажал на спусковой крючок. Четко белеющая среди жидких кустиков чалма резко опустилась и больше не двигалась. Григорий перевел автомат на следующую, выдохнул и дал вторую короткую очередь. Расстояние было слишком мало, чтобы промахнуться.

Нападавшие поползли назад, оттаскивая убитых и раненых. И только теперь, словно очнувшись, застрочил по ним наш пулемет. «Слава Богу, живы! – обрадовался Григорий. – Значит, еще повоюем».

Ободренный первым успехом, Щебнев радостно крикнул:

– Отлично вы, товарищ капитан, с «духами» разделались. Это их излюбленная тактика: одна группа занимает выгодную позицию и прижимает огнем к земле, а вторая – по ложбинкам подбирается поближе и забрасывает гранатами. В этот раз у них не получилось.

Однако ситуация на хребте складывалась не в пользу спецназовцев. Мятежники незаметно перебрались на более близкую позицию, заняли карниз, с которого взвод был виден как на ладони, и открыли прицельный огонь. «Все, приплыли, – подумал с тревогой Григорий. – Сейчас нас начнут истреблять».

По нервам резанул истошный крик:

– Патроны кончились! Иванов, рюкзак подай!

Повинуясь ему, солдат выскочил из окопа, заметался по пятаку, расшвыривая рюкзаки, а вокруг него пули взрывали фонтанчики земли.

Боков тоже решил выручить разведчиков, вытащил из нагрудника три магазина, разбросал их по ближним окопам.

Щебнев взволнованно сказал:

– Товарищ капитан, если не уйдем, тут нам крышка будет! Вниз надо!

– С такими молодцами и от «духов» убежать? – ободряюще улыбнулся ему Боков. – Сейчас наведем авиацию, и с них только пух полетит. Лучше усиливай пулеметный расчет, чтобы его не отрезали.

Под прикрытием огня туда побежал рядовой Кравцов с двумя солдатами.

Натиск мятежников ослаб. Григорий воспользовался передышкой, приложился к фляге. В ней было всего три глотка воды, и он не смог утолить жажду. Расстроило и то, что не было авиации. Щебнев «висел» на радиостанции, вызывал вертолеты.

Ему обещали, что вертушки уже на подходе, но время шло, а горизонт оставался чист.

Начинало припекать солнце. Оно зависло в зените, и в перегретом ядовитыми лучами воздухе листья, трава вяло поникли, дожидаясь спасительной прохлады ночи.

Наконец авиаторы потребовали:

– Обозначьте свой передний край! Вертолеты – на боевом курсе.

Солдаты быстро разбросали вокруг опорного пункта дымовые шашки и от них потянулись вверх оранжевые клубы. Высоко в небе появились две черные точки и по склону хребта, занятого мятежниками, взметнулись редкие разрывы.

– Толку от такой бомбежки, как от козла молока, – зло заметил Щебнев. – Это расчет на слабонервных.

Он тут же вышел на связь с авиаторами, недовольно прокричал в микрофон:

– Нам такая поддержка не нужна! «Духи» как стреляли, так и стреляют.

– Сейчас подойдет еще одна пара, – заверили авиаторы.

– Пора бы и афганской роте подойти, – посмотрел на часы Григорий.

– Вряд ли мы их дождемся, – засомневался Щебнев.

– А я что-то и наших проводников не вижу.

– Проводники?.. Да они слиняли, как только заваруха началась.

– Как слиняли?! – опешил Григорий. Это предательство поразило его до глубины души.

– Товарищ капитан, нам тоже надо спускаться, – настаивал взводный.

– Слушай, куда мы пойдем? Здесь мы как у Христа за пазухой: «духи» насканивают, но сделать ничего не могут. А побежим – по одному перещелкают.

Их разговор заглушил мощный рев двух пар Ми-24. И тут же кассеты на подкрылках занялись рыжим огнем. В расположении мятежников взметнулись сизые облака разрывов. Опасаясь следующего прицельного удара с воздуха, они подползли поближе к оранжевым дымам. Ракеты рвались совсем близко, и Григорий чувствовал, как барабанит по спине крошево земли и каменных осколков.

Вертолеты кружили над горами, освобождаясь от боекомплекта, наносили удар за ударом по лагерю и позициям мятежников.

– Все, будем отходить, пока «духи» не очухались, – сказал решительно Щебнев. – Я вызвал «ми-восьмой». Место сбора – внизу у холма на плато.

– Вызывай сюда пулеметчиков, – сказал Боков.

– Зачем? Пусть спускаются самостоятельно. Их там шесть человек. Будем отходить россыпью.

Григорий согласился. Его сейчас больше волновало другое – кому-то надо прикрывать отход. Но Щебнев с самого утра мечтает, как сбежать с этого злополучного хребта. Рисковать жизнями подчиненных не хотелось. Поэтому сказал:

– Уводи людей, я прикрою.

– Вы? – удивился Щебнев. А может, не удивился, может, обрадовался, что назначать никого не надо.

– Разрешите и мне остаться, – попросил его Иванов.

– Оставайся! – сказал взводный на бегу. – Уходим!!!

Мятежники попытались было броситься вдогон, но Григорий остудил их пыл короткими очередями. Ему вторил автомат Иванова. С этого момента они стали главной помехой и главной целью снайперов. Пули роились, впивались в камни, и сладковатая пыль горелого ракушечника скрипела на зубах, лезла в ноздри. Но звуки, запахи боя больше не страшили, а вызвали какое-то неведомое ощущение силы.

Минут двадцать они не давали мятежникам выйти на хребет. Григорий посчитал: этого времени взводу достаточно, чтобы отбежать на безопасное расстояние, и тоже решил выбираться из окопа. Поискал глазами, где можно укрыться после броска. Заметил небольшой камень, за которым начинался провал. Но от этого маршрута отказался: «Побежим вниз – сядут

на плечи и не отцепятся». Он присмотрел другой маршрут, который позволял удерживать преследователей на расстоянии. Там кустарник был погуще – можно в нем затеряться и низом выйти к пункту сбора.

Даже наметив путь отхода, медлил, не хотел покидать окоп. В нем он чувствовал себя в безопасности: душманы рядом, но «достать» его не могут. Ничего у них не получается. А стреляют только для остротки. Ждут, когда они с Ивановым вылезут и побегут. Но их ждут и свои. Пощупал, на месте ли гранаты, пересчитал магазины. Четыре были пусты, три бросил солдатам, когда началась суматоха. Еще пять полных.

Когда начал высовываться из-за камней, все в нем сжалось, заохлодило грудь, словно он окунался в ледяную купель, хотя жаркое солнце накалило воздух до полусотни градусов. Крикнул солдату:

– Иванов, отходи! Беги наискосок, к кустарникам. И подбери рюкзак. Какой-то растяпа бросил.

– Есть! – послушно ответил тот, не колеблясь, перемахнул через бруствер, подхватил за ляжку рюкзак и скрылся в кустарнике, а Григорий строчил короткими очередями по карнизу, прикрывая его отход. «Вот теперь пора и мне», – решил он, сжался в пружину, прыгнул, метнулся вправо, влево. Несколько пуль обогнали, когда запетлял среди увядших кустов. Упал, откатился к небольшому камню, дал ответную очередь. Услышал, как что-то с шумом покати-лось вниз. Неужели Иванов? Окликнул солдата.

– Рюкзак покатился, – ответил тот виноватым голосом. – Сейчас поищу.

Перебегая, падая, Григорий все ниже спускался по склону, а за ним спускались мятежники. Но пули облетали его. Подумал, что решили взять живым. Склон вдруг круто оборвался. Боков остановился в растерянности, не зная, что предпринять. Никто не учил лазить по скалам. Но безвыходность положения заставила проявить смекалку. Заметив небольшую террасу, тянувшуюся вдоль обрыва, не раздумывая, пошел по ней, прижимаясь грудью к скале, рискуя сорваться в пропасть. «Щелк... Щелк!» – глухо ударили в камень пули. «Из-за реки стреляют!» – догадался Григорий. Почти двухметровое распятие – хорошая цель для снайпера даже на большом расстоянии.

Благополучно миновав обрыв по козьей тропе, он снова попал под огонь своих преследователей. В очередной раз попытался сменить позицию, но тело не подчинилось ему. Оно стало чужим и неподвластным. Сердце бешено колотилось, словно хотело выпрыгнуть из ставшей тесной груди. По мышцам разлилась свинцовая тяжесть. Из полузабытья вывела автоматная очередь.

– Фью-ить, фью-ить, фью-ить, – непоседливыми синичками пролетали над головой пули. Но Григорий не кланялся им. За день боя привык к посвисту свинца, как привыкают к холоду и жаре. Жажда притупила ощущение реальности, и чудилось: не афганские горы, а родные с детства кубанские степи бегут к горизонту, не пули свистят, а птицы резвятся в юной зелени раки. Каждая клеточка большого, крепкого, но обезволенного жаждой тела просила влаги. Узловатые пальцы инстинктивно потянулись к пластмассовой литровой фляге, цепко схватили ее, поднесли горлышко к сухим, запекшимся губам. Он исступленно тряс флягу, надеясь, что потечет из нее хотя бы малая живительная струйка. Но чуда не произошло. Фляга была совершенно пуста. С трудом оторвался от горлышка, облизнулся, надеясь, что хоть на губе остался влажный след. Шершавый язык подчинился нехотя, словно чужой, как и все изможденное жаждой тело. Повесил бесполезную флягу на пояс.

Сквозь красные круги в глазах с трудом различил фигуру в серой пуштунке, прицелился, но никак не удавалось затаить дыхание, чтобы сделать точный выстрел. Все глотал и глотал открытым ртом горячий воздух и не мог отдышаться. Зло нажал на спусковой крючок как огрызается загнанный и обессиленный зверь. «Может, забиться в какуюнибудь нору и отле-

жаться до вечера? – вкралась крамольная мысль. Но тут же отогнал ее: – Встань и иди! Тебя же будут искать. Еще ктонибудь из-за тебя на пулю нарвется».

Встал и побрел, не разбирая дороги вниз. В желудке запекло, словно там кто-то раздувал раскаленные угли. От боли потемнело в глазах. Лихорадочно пошарил вокруг дрожащими руками, вырвал клочок травы, сунул в рот и начал исступленно жевать. Трава была сухая, жесткая, горькая на вкус и не утоляла жажду. Впервые подумал, что проще умереть, чем терпеть эти муки.

Ноги ослабли, и он упал, покатился по склону. Подумал: «Может, пуля опрокинула?» Мысленно ощупал себя. Болели сбитые в кровь руки, ныли стертые новыми ботинками ноги, жгло исцарапанное о камни лицо и сильно пекло внутри.

Внизу в ярких лучах полуденного жаркого солнца маняще серебрились воды Кунара. Миллионы, даже миллиарды литровых фляжек протекали мимо, но Григорий понимал, что до реки ему уже не дойти. Последние силы покидали его разбитое тепловым ударом тело. Вдруг, вопреки всему, он встал, и негнущиеся ноги сами понесли к заветному бугорку на плато, где должна была собраться вся группа. Сквозь радужную пелену Григорий вдруг различил очертания вертолета. Он опускался на плато, взвихривая пыль, как раз там, где условились.

– А как же я? Я не могу идти! – вырвалось из груди, словно его могли услышать внизу.

Постояв минуты две, вертолет начал медленно подниматься и улетел в сторону Джелабада.

«Без меня?! Нет, нет... не может быть. Они не могли меня бросить. Они ищут меня!.. Но почему вертолет все тоньше и меньше?».

Григорий почти физически ощутил, как обрывается невидимая нить, связывавшая его с подчиненными.

– А-а-а-а! – вырвался крик отчаяния, и неведомая сила снова подняла его.

Он побежал, словно можно было догнать вертолет. Добежал до небольшого каньона, скатился по крутому откосу вниз, запрыгал по вымоинам. Упал, даже не поняв, как это случилось. Может, потерял сознание, потому что привиделось другое, далекое лето его детства, и он в коротких штанишках скачет на гибкой лозине, словно на лошадке, по улице в родной станице Крымской. Подбежал к колонке, нажал рычаг, и мощная струя воды ударила в землю.

Оставалось только нагнуться и оторвать кусочек струи губами. Но какой-то другой мальчишка, знакомый до завитков волос на затылке, наклонившись, пил эту воду. Пил, разбрызгивая струю, и алмазные капли разлетались по его лицу, мочили рубашку. А рядом стояла молодая, высокая казачка, его мама, самая красивая мама на свете, и радостно улыбалась...

Он очнулся, рванул задубевший от соленого пота ворот куртки и снова впал в забытие.

Теперь уже другой мальчик, а может, тот же, только повзрослевший, разбежался и прыгнул в тихую заводь Москвы-реки, долго плыл, то выныривая, то исчезая под водой. Неужели может быть столько воды, что ее невозможно выпить? Что она может обнимать тебя и ласкать прохладой! И неужели может быть что-либо прекраснее этой ласки?

Он очнулся, посмотрел в пустынное небо, на котором было только солнце, такое жгучее и ненужное. Заставил себя подняться и идти.

– Фью-ить, фью-ить! – просвистели пули. Он уже знал: они его не достали, раз просвистели. Кто-то другой, всевластный, снова толкнул его в спину, оглушил чем-то мягким по голове, и он плашмя растянулся на дне каньона и увидел еще один сюжет из прежней жизни. Он идет во главе роты среди забайкальских сопко-гольшей, а пороша все сыплет и сыплет, больно стегает по лицу. От ее холодных колючек почему-то становится радостно и весело. Он достает флягу и пьет чай. Кипяток обжигает, но он не может оторваться от горлышка. Вдруг сопки покрываются зеленью буков, и упругие воды Черемоша влекут его к перекату. Он плывет, глотая живительный сок Карпат, и не может утолить жажду.

Так он шел к плато, в бреду и беспамятстве. И только на бугорке, где было назначено место сбора группы, обессилено упал. Дальше идти было некуда! Огляделся вокруг. Никого! До замутненного сознания дошло, что на этом голом пупке он один на один с мятежниками и, может, жить ему осталось считанные минуты. «Если ранят – живым не дамся!» – решил он. Достал из нагрудника гранату, погладил ее зеленые бока, оставляя на краске грязный пыльный след с бурыми пятнышками сукровицы, сочившейся из пальцев. Верил и не верил, что этот металлический цилиндр, начиненный взрывчаткой, оборвет его жизнь. Отогнул усики, выпрямил их, попробовал, легко ли проходят через отверстие запала, чтобы и обессиленной рукой выдернуть чеку, и положил гранату за пазуху. Больше всего боялся попасть к мятежникам живым. Он уже наслушался рассказов об их зверствах и понимал, что пощады ему не будет. «Лучше смерть от своей гранаты, чем от „духовского“ ножа. А заодно и еще пару врагов вместе с собой на тот свет прихватчу, – подумал с каким-то садистским наслаждением. – К тем пяти в придачу, которых лично уложил». Это соотношение его устраивало, и стало спокойнее, легче ждать своей последней минуты.

Сверху долетел какой-то знакомый звук, не похожий на свист пули. Увидел вертолет, и с новой силой вспыхнула надежда выжить. Вскочил, дал в воздух три короткие очереди. Вертолет резко пошел вниз. «Неужели убил тех, кто нес мне спасение? – подумал со страхом. – Нет-нет, не может быть!» Негнущимися пальцами снял рюкзак, сбросил «лифчик», сорвал куртку и начал махать ею из последних сил.

Вертолет завис над головой, и пилот показал рукой, чтобы спускался ниже, к обрыву, за которым можно укрыть машину от пуль. Григорий схватил рюкзак за ляжки, но не смог оторвать его от земли. С одним автоматом, спотыкаясь, запетлял к обрыву, скатился по откосу. Камни больно царапали голую спину, плечи.

До вертолета оставалось уже совсем немного, но там, за сверкающим зонтом лопастей, Боков увидел воду. Он пробежал мимо машины, плашмя упал в арык и начал, как собака, лакать мутную гнилистую воду. Двое спецназовцев подбежали к Григорию, схватили за руки, потащили к машине. А он вырывался, не хотел уходить от коричневой протоки. Только когда к губам наклонили термос и по подбородку, груди потекла оживляющая жидкость, затих, пил и никак не мог насытиться ею.

Командир ми-восьмого капитан Пырин вывел машину на взлетный режим. Она поднялась над обрывом, и вдруг борттехник прапорщик Цымбалюк отчаянно крикнул:

– Командир, горим!

Пырин оглянулся. Грузовую кабину заполнял белый дым, в центре полыхал красный огонь, на полу валялся раненый солдат. Из пробитого топливопровода на него падала струя. Пырин двинул рычаг шаг-газа вниз, вышел в эфир:

– Я – 761-й. «Духи» обстреляли. На борту пожар, есть «трехсотый», пробита топливная система. Ведомый – прикрывай!

Как только сели, борттехник открыл дверь грузовой кабины, и все сыпанули с вертолета, ожидая взрыва. Но взрыва не было. Пожара тоже не было. Оказалось, пуля попала солдату в грудь, пробив сигнальную ракету. Она сработала, наполняя грузовую кабину клубами дыма. Старший лейтенант Овчинников с борттехником жгутом для зажима ран быстро перетянули топливную трубу. «А как силовая установка? – подумал Пырин. – Её осмотр – обязанность борттехника». Но вдруг почувствовал, что не может дать подчиненному такую команду. Там, на голой «крыше» он будет вроде мишени, и «духи» могут сшибить его как куропатку. Промелькнула мысль: «Ты командир, тебе и лезть». Не мешкая, поднял люк пилотской кабины, выбрался наружу, пошел по обшивке, открыл капоты двигателей главного редуктора, осмотрел трубы и агрегаты. Все было в порядке. И только теперь закралась в голову тревожная мысль: «Душара меня видит, почему не стреляет? А если попадет, – долго до земли кувыркаться». Но, как ни странно, страха не было. Закрыв капоты, спустился в кабину, завешанную бронели-

стами, и только здесь выразил удивление собственной смелости: «Ох, Коля, как ты себя недооценивал! Мо-ло-дец! Какой я лихой мужик!». Но все эти эмоции внешне проявились только в легкой улыбке, скользнувшей по сосредоточенному лицу.

– Командир, мы все сделали, – доложил Овчинников, топливо не течет.

– Ну, вы вообще кулибины! – похвалил его Пырин, – следи за трубой. Будем взлетать. Запускаю двигатели.

Моторы взревели, и машина ожила, затряслась мелкой дрожью, которую не любили все, и летчики, и десант, но ее так приятно было ощущать теперь.

Пырин связался с ведомым:

– Саша, я весь народ брать боюсь, возьму только раненого и найденныша. Ты прихватишь остальных.

С высоты птичьего полета он огляделся, прикинул, что стреляли по ним с душманской базы. Над дувалами кишлака возвышалась крепостёнка, там суетились люди. Скомандовал боргтехнику:

– Серега, включай вооружение!

На вертолет недавно поставили два блока новых ракет. У них был калибр побольше и взрывной заряд мощный. Пырин сделал правый разворот, выпустил ракеты по дувалу, сделал левый разворот и, уходя от кишлака с набором высоты, сказал ведомому:

– Саша, а теперь садись и забирай ребят.

Цымбалюк только удивленно присвистнул:

– Ну, командир, я такого от тебя не ожидал!

– Я и сам себя сегодня не узнаю. За наглость нужно «духов» наказывать. Такие вещи им прощать не надо.

Когда прибыли на аэродром, и Пырин доложил о выполнении задачи, командир полка полковник Нургалиев по-свойски спросил:

– Коля, какое представление писать: орден или звание «майор» досрочно?

– Хорошо бы майора досрочно получить, – мечтательно ответил Николай.

– Значит, жди скорого повышения в звании.

А от ремонтников он получил ценный подарок в тот же день. Цымбалюк протянул на ладони стальной сердечник пули:

– Вот, во время осмотра машины плоскогубцами из обшивки за вашим сидением вытащил. «Дух» пропорол пулеметной очередью весь вертолет от кабины до хвоста. Мы еще легко отделались. Держите на память.

Глава 2. «ТРУПОДЕЛ»

Бокова вертолетчики высадили в пограничном батальоне. Он с трудом спустился по стремянке, прыгнул на землю и чуть не упал от пронзившей тело острой боли в стертых до крови ступнях. Снял ботинки, взял их в левую руку, в правой зажал автомат и, раскорячивая длинные ноги, осторожно пошел к зданию. Щебнева увидел в тени чинары с кружкой в руке и со злостью подумал: «Подлец, бросил меня, а сам чай гоняет».

– Товарищ капитан, я думал, вы давно ушли! – удивился взводный, виновато отводя глаза.

– Куда я мог уйти? Где остальные? Все прилетели?

– Не знаю... Сейчас посчитаем.

Щебнев хитрил. Он, конечно, знал, что в суматохе оставил не только начальника штаба. Но признаться в этом не хотел даже самому себе. Все надеялся, что оставленные подчиненные вот-вот подойдут.

Бокову все происшедшее с ним казалось кошмарным сном. И если бы не саднящая боль в стертых ногах и периодически вспыхивающий внутри огонь жажды – пережитое в этот день рождения осталось бы в памяти, как печальное недоразумение. Но нехватка людей подсказывала, что трагическая реальность продолжается.

Выяснилось, что не хватает девяти человек.

– Трех раненых отправили в джелалабадский госпиталь, – сказал Щебнев.

– Значит, шестеро остались там? – спросил Григорий, с болью сознавая, что испытания не закончились и нужно вновь возвращаться под пули.

– Нет пулеметчиков!

– Немедленно искать!

– Сейчас прилетит комбат с резервной группой. Он приказал никаких действий не предпринимать.

– Как не предпринимать? А вдруг еще кто-нибудь вышел на пункт сбора?

– Вот и комбат летит, – сказал Щебнев, заметив приближающийся со стороны Джелалабада вертолет.

Он приземлился возле штаба. Из машины выскочила огромная овчарка по кличке Рекс, которая всегда сопровождала комбата на боевых выходах.

За ней на землю прыгнул Зубов в боевом снаряжении, издали крикнул:

– Почему оголился, Боков? Люди все?

– Нет шести человек, – выдавил из себя Григорий тяжелое признание.

– Ч-т-т-о-о? – глаза Зубова мгновенно начали наливаться кровью, ноздри раздулись.

На крутых скулах забегали желваки. – Людей бросил! Сам убежал, а подчиненных бросил? – напирал он, и из перекошенного злобой рта вместе со словами вылетали капли слюны. Подражая комбату, ощерила пасть овчарка. Рекс когда-то служил саперам, искал мины, но потерял нюх и теперь исправно служил новому хозяину. – Под трибунал пойдешь, понял?

– Я никого не бросал! – ответил с вызовом Григорий. – Меня самого оставили. Еле отбилсь...

Зубов не хотел слушать никаких оправданий. Этот боевой выход пополнил серию неудач, которые преследовали батальон в последнее время. Он уже озверел от унижающих разносов начальства, постоянных людских потерь и свое зло вымещал сейчас на Бокове, в котором видел причину очередного несчастья.

– Ты затащил их к душманам! Ты первым и пойдешь, понял?

– Первым так первым, – равнодушно согласился Григорий. Он понял, что сейчас оболзненному комбату бесполезно что-либо доказывать. А после всего пережитого его уже ничто

не пугало. Нестерпимо хотелось пить. Он отвинтил крышку фляжки, приложился к горлышку, и кадык забегал по жилистой шее в такт глоткам. Утолив жажду, вытер губы тыльной стороной ладони, сказал:

– Товарищ майор, надо сейчас туда лететь. Может, они вышли на площадку сбора и ждут.

– Ладно, лети, – согласился Зубов. – Если никого не будет, высадишь группу, а сам возвращайся.

– Есть! – ответил Григорий.

Козырнув, он только в последний момент вспомнил, что стоит без фуражки, махнул неопределенно рукой, крикнул:

– Группа, к вертолету!..

На пункте сбора никого не было. Боков обрадовался, увидев свой рюкзак, нагрудник и куртку в целостности и сохранности, приказал Щебневу:

– Остаешься здесь и ищи людей. А я сверху посмотрю.

Вертолет начал медленно кружить над горами, а он стоял в проеме двери кабины пилотов и до рези в глазах всматривался в поросшие мелким кустарником горные склоны, надеясь, что кто-то вскочит, помашет. Но нигде не было ни малейших признаков жизни. Только с хребта тянулись к вертолету огненные трассы.

– Собьют, сволочи! – выругался летчик и начал бросать машину из стороны в сторону, затем направил ее на зенитчиков. На земле взметнулись султаны разрывов неуправляемых ракет.

Сделали еще один боевой заход на цель и лишь затем вернулись в пограничный батальон.

– Товарищ майор, – доложил комбат Боков, – облетели район боевых действий, никого не обнаружили. Щебнев ведет поиск. Я предлагаю, не дожидаясь темноты, высадить туда роту и прочесать местность.

– Меня, товарищ капитан, ваши предложения уже абсолютно не интересуют, – скривился от его слов комбат, как от зубной боли. – Вы и так достаточно напредлагали. Когда подойдет на броне вторая рота, соберите офицеров.

Дожидаясь подкрепления, Григорий посматривал в сторону ворот, все еще надеясь, что вот сейчас в них появится пулеметный расчет. Но в них показался Щебнев и все те же десять человек.

– Товарищ старший лейтенант, кто вам разрешил вернуться? – зло спросил Боков.

– Не кричите на меня! – старался сохранить достоинство взводный. – Если бы кто-то остался в живых, давно бы вышел на плато или сюда в батальон... Там уже невозможно оставаться: «духи» ведут сумасшедший огонь.

Из штаба выглянул Зубов, недовольно сказал:

– Что вы привязались к Щебневу? Он принял умное решение, не то, что некоторые его начальники... Вадим, сажай своих людей в вертолет и домой. А с вами, Боков, мы будем воевать здесь до победного конца, чтобы поняли, во что выливается дурная инициатива.

Вторая рота прибыла только под вечер. Боков собрал офицеров под раскидистой чинарой, одиноко стоящей возле глинобитного здания штаба. Комбат, насупившись, сказал:

– Вот, видите, какую кашу наш начальник штаба заварил: шесть человек бросили. И где их искать – никто не знает... Выдвижение в район боевых действий начнем, когда стемнеет. Пойдем вдоль реки. Там меньше вероятность напороться на засаду. Какие будут предложения?

Боков молча выслушал обвинения в свой адрес, но посчитал себя обязанным высказать свое мнение:

– Товарищ майор, надо начинать выдвижение немедленно. Может, люди еще живы и ждут нашей помощи.

Комбат поморщился:

– Товарищ капитан, я еще раз повторяю: ваши предложения меня абсолютно не интересуют. – Сдерживая гнев, медленно добавил: – Пойдете впереди разведдозора, понятно? Если нарвемся на засаду, пусть вас первым и шлепнут. Только так вы сможете смыть свой позор.

Искры гнева сыпались не только из глаз комбата. Они горели и в глазах офицеров: из-за него им сейчас идти под пули. Григорий кожей ощущал их ненависть, и его душила незаслуженная обида. «Неужели для того рвался в Афган, чтобы стать урной для плевков? – думал он с горечью. – Я же не первым убежал! Последним ушел».

Позади остались две бессонные ночи, но он так и не смог сомкнуть глаз, бездумно смотрел на пробивающиеся сквозь листья яркие чужие звезды. Душевную боль глушила боль физическая: ныли стертые ступни.

В назначенный комбатом час рота стояла в готовности к движению. Но Зубов решил разбить спецназовцев на тройки взаимодействия. Пока инструктировал их, прошло минут сорок. Затем цепочкой по одному двинулись вдоль реки. Впереди колонны – два проводника-пограничника. Боков с Рексом чуть позади. В темноте вдруг замелькали огоньки. Проводники упали на землю.

– Дюшман, дюшман!.. Пуф-пуф! – пролепетал один из них.

Григорий лег, напряженно всмотрелся в темноту. «Какие же это душманы. Это светляки!» – сообразил он. Решительно поднялся и, не оглядываясь, пошел дальше, уже не обращая внимания на своих спутников. Смотрел больше под ноги, чтобы не споткнуться о торчащие корневища, и часто прикладывался к фляжке. Когда опустошал ее, останавливался, набирал воду из арыка. Рекс приседал рядом. Свесив длинный язык, наблюдал за ним поблескивающими угольками глаз. Его, видимо, заинтересовал человек, на которого кричал комбат: притворяется новенький или ему действительно больно наступать на ноги. Григорий хотел потреть густую холку овчарки, но Рекс задрал морду, оскалил клыки, всем своим видом показывая, что не любит этого.

Боков отдернул занесенную над загривком руку, примирительно сказал:

– Не злись, дружок. Мне совсем паршиво.

Рекс понял его, наклонился к арыку, хватанул несколько раз языком илистой воды.

На плато они добрались к рассвету. Григорий уже шел из последних сил и когда узнал, что на площадке сбора никого нет, расстроился окончательно от одной только мысли, что на негнущихся распухших ногах снова лезть в горы. Он с мольбой посмотрел на комбата. С языка чуть было не сорвалась просьба, но в последнее мгновение сдержался. «Не смей! Иди, ползи, пока не упадешь!»

Он упал, когда начало жарко припекать солнце. И привиделся чубатый солдат в окружении пяти потерявшихся сослуживцев. Они сидели, положив автоматы на колени.

– Невезуха, товарищ капитан, – сказал с грустью Кравцов, смахнув с глаз непокорную челку. – Пролетал над нами двадцать первый борт...

– Это я летел. Вас искал.

– Ну, вот и встретились. Только нерадостна наша встреча...

Боков очнулся от прикосновения к лицу чего-то мокрого и шершавого, непонимающе огляделся. Он лежал в тени натянутой на палках плащпалатки. Рядом сидел Рекс.

– Ну что, отоспался, труподел, – проговорил Зубов. – Иди, посмотри, во что твоя инициатива с дэшэка вылилась...

Григорий с трудом поднялся, пошел к сгрудившимся в круг солдатам. В середине на брезенте лежали обгоревшие, скрюченные тела. Попробовал даже определить, кто из них чубатый Кравцов, но пламя сделало лица всех одинаково черными. Почувствовал, как наваливается, подкашивает ноги неимоверная тяжесть.

Сзади подошел Зубов, с раздражением сказал:

– К нам вылетел генерал-лейтенант Попов. Учти, я о дэшэка ничего не слышал, понял? Сам ты туда залез, сам и отвечать будешь. Я свою задницу для показательной порки подставлять не намерен, уяснил?

Григория ужаснуло лицемерие комбата. «Как же ничего не слышал? Я же тебе лично докладывал!» Но промолчал. Спорить, доказывать свою правоту ему уже не хотелось.

Оставляя за собой шлейф пыли, по плато мчала БМП, то появляясь на взгорках, то исчезая в высохшем русле. Несколько поодаль шла вся колонна. Григорий встретил ее с радостным облегчением: не надо будет идти на своих опухших ногах. Вскрабкался на бронетранспортер, вцепился в скобу башни и в полузабытье сидел на броне, пока колонна не вернулась в батальон пограничников. Осторожно слез с машины и, очумелый от боли, побрел к большой луже, разлившейся возле арыка, скинул ненавистные ботинки, на четвереньках залез в воду.

– Гриша, здорово! – услышал насмешливый голос замполита капитана Чичакина. – Ты чего это, как горилла, на четырех начал ходить?

– Привет, Паша, – смущенно ответил Боков. – Понимаешь, ноги в кровь стер, распухли. Мочи нет терпеть.

– Ты с ногами не шути. Дуй к медикам, пусть перевяжут, а то еще заражение получишь.

Нотки участия в голосе замполита вызвали чувство благодарности. Он наверняка знал о случившемся, но не попрекнул.

Из штаба на крыльцо вышел высокий солидный мужчина в новенькой форме советника без знаков различия. По свите старших офицеров, осторожно выглядывавших из-за его спины, Григорий догадался, что это и есть генерал-лейтенант Попов. Понаблюдав за бесцельно бродившими по двору спецназовцами, генерал зычно крикнул:

– Кто старший? Ко мне!

Неизвестно откуда появившийся Зубов подбежал к нему, доложил:

– Командир батальона специального назначения майор...

У вас, товарищ майор, не батальон, а шайка голодранцев. Почему солдаты одеты кто во что горазд? Почему не в горных ботинках, а в цивильных тапочках? Немедленно построите этот сброд!

– Есть! – четко ответил Зубов, крутанул через левое плечо и, проходя мимо Григория, зло прошипел:

– Строй батальон и докладывай сам. Я пошел готовить технику к маршу.

Он считал: Бокову захотелось погеройствовать, пусть теперь и отдувается. Своей вины в случившемся не чувствовал.

Перед нестройными рядами забежали офицеры, выравнивая волнистые шеренги. Григорий скомандовал: «Смирно!» и направился к крыльцу, с трудом переставляя непослушные ноги.

– Товарищ генерал, батальон по вашему приказанию построен. Начальник штаба батальона капитан Боков...

– Капитан, что вы ходите, как беременная баба? – скривился Попов. – Как я могу определить, что вы офицер Советской Армии? Что это у вас за форма?

– Форма царандоя. В ходе боевых действий нам приказано надевать ее.

– Что ты, капитан, мне голову морочишь? Что-то я таких приказов не слышал. У всех офицеров должна быть единая форма одежды, сапоги и португепя. – Генерала абсолютно не смущало, что он устроил разнос офицеру в присутствии всего личного состава батальона, хотя сам был одет отнюдь не по форме.

– На боевых действиях офицеру нельзя выделяться среди солдат, – оправдывался Григорий.

– Ты опять свое лепечешь, – Попов буравил его злым колючим взглядом из-под насупленных седых бровей. – Если не хочешь выделяться, можно надеть поверх формы маскхалат. Снял – и никаких нарушений. У вас потому и люди гибнут, что бардак с формой одежды, – сделал он вывод. – Какие вы спецназовцы?.. Банда расхлебаев, нацепившая на себя трофейное барахло. Я уже битый час в батальоне, и ни один солдат не отдал чести, ни один офицер не доложил. Я такое разгильдяйство не потерплю. Я приведу вас в порядок. Немедленно проведите занятие по строевой подготовке и научите солдат отданию чести на месте и в движении.

– На прэ-эво! – скомандовал хриплым голосом Боков. – Правое плечо вперед, шагом марш!

Он определил места занятий взводов, и в глазах зарябило от взлетающих к головным уборам рук, мельтешения солдат, поднявших густую пыль. А в голове началась угарная возня мыслей: «Это что же такое получается? Разве можно так муштровывать людей, собирающихся в бой? Дикость какая-то! И это делает политработник!»

Генерал-лейтенант Попов прилетел в Афганистан проверить, как в воюющей армии проводится партполитработа, разобраться с дисциплиной. Он вылетел в батальон, как только доложили о погибших. Хотел на месте выяснить, почему спецназовцы теряют людей, несмотря на колоссальное преимущество в оружии и боевой технике. Последний год был «урожайным» на смерти. Каждый день он докладывал о погибших, и его самого отчитывали, как нашкодившего мальчишку. Все уже устали от тайных похорон. «И попробуй, объясни обезумевшим родителям, почему гибнут их дети, – думал с горечью генерал. – А гибнут по вине таких вот охламонов, как этот неуклюжий верзила». Он подозвал Бокова, с неприязнью посмотрел в его безумные от боли и усталости глаза, сказал:

– Через десять минут занятие закончить. Вызови комбата ко мне.

Зубов появился сразу, словно подслушивал их разговор.

– Вы что от меня прячетесь, товарищ майор? – спросил Попов.

– Я не прячусь... Готовлю колонну к маршу.

– И куда собираетесь ехать, если не секрет?

– В Джелалабад.

– Куда, куда?... Домой захотелось, – генерал недобро усмехнулся. – Планируйте боевые действия на ночь.

– Есть! – козырнул Зубов и быстро ушел.

Попов посмотрел на Григория:

– А ты останешься здесь. Придешь через час – буду с тобой разбираться.

Ему и так все было ясно: не офицер, а размазня какая-то. Разве это начальник штаба батальона спецназа? Его же к людям на пушечный выстрел нельзя подпускать! Сам погибнет и других за собой в могилу потянет.

После сытного ужина Попов выглядел не таким злым, как прежде. Он указал Григорию на стул:

– Садись, капитан, и докладывай все по порядку, как было.

Слушал внимательно, не перебивал. Только в конце недовольно хмыкнул:

– Лихо ты, Боков, заливаешь. Тебя послушать, так к ордену надо представлять. Только зря выкручиваешься. В районе боевых действий старшим по званию и должности был ты, правильно? Люди погибли? Погибли! Как ты тут ни оправдывайся, все равно буду ходатайствовать о снятии тебя с должности.

Их разговор прервал рокот идущего на посадку вертолета. Попов вышел из комнаты, и вскоре со двора донесся его хриплый крик:

– Товарищ майор, вы не комбат, а слезливая баба! Бросили батальон и занимаетесь эвакуацией раненого. Надо же до такого додуматься? Немедленно возвращайтесь!

Не знал генерал, что этот раненый сержант прикрыл комбата своим телом от осколков мины. И если бы не его мужественный поступок – кровью истекал бы Зубов.

Попов вернулся в комнату, долго молчал, припоминая, на чем прервался разговор, спросил:

– А ну ответь мне, сколько станковых гранатометов было в группе?

– Мы гранатометы не брали, – признался Григорий. – С ними по скалам вообще бы не поднялись на хребет.

– Так я и думал, – оживился генерал. – Вы, спецназовцы, недооцениваете роль тяжелого оружия в бою. И это еще одна причина необоснованных потерь. А ты мне сказки рассказываешь, все цену себе набиваешь... Ну-ка, еще раз повтори, как был организован отход.

Боков подробно рассказал, как поднимались за пулеметом, как затем он остался прикрывать отход группы.

– Ну кто и где учил вас так организовывать отход? – возмутился генерал. – Мы на фронте как делали: две трети взвода прикрывают, а одна треть отходит.

Григорий возразил:

Товарищ генерал, у разведчиков основной метод отхода – россыпью, с последующим сосредоточением в пункте сбора.

– Ты, капитан, голову мне не морочь, – перебил его Попов. – Боевой устав – закон для всех. И спецназовцы тоже обязаны его выполнять.

– Но у нас совсем другие руководящие документы, – попытался оправдаться Боков. – Меня на госэкзаменах, как попугая, заставляли наизусть повторять все боевые приказы. И в каждом из них есть пункт, что при встрече с противником по установленному сигналу разведгруппа рассыпается, и все идут на основной пункт сбора, который начинает действовать спустя тридцать минут после встречи с противником. Назначается и запасной пункт сбора, действующий ежедневно, в течение одного-двух часов. Это мне четыре года втемяшивали в голову, потому и организовал отход подобным способом.

– И шесть человек не вышли на пункт сбора, – заметил Попов. – А если бы все сделал, как написано в уставе, то не сидел бы сейчас передо мной и не хлопал глазами.

– А как же инструкции спецназа?

– Хватит заниматься демагогией! Это тебе уже не поможет. Все равно будешь снят с должности.

Плечи Григория опустились. Он всегда снисходительно смотрел на неудачников, которых за свои или чужие провинности снимали с должностей. Был уверен: с ним подобное не случится. А вот случилось. И не знал, за что же так круто обошлась с ним судьба.

Генерал заметил его состояние:

– Ну-ну, не тушуйся. Во время войны не было ни одного командующего фронтом, чтобы его разок с должности не снимали. А у тебя еще вся служба впереди.

Из штаба Григорий вышел сам не свой, бродил по опустевшему двору, не зная, куда прийтись. Нашел гамак, упал навзничь. По лицу потекли слезы обиды. Даже в детстве, когда лупили старшие пацаны, не плакал, а тут прорвало.

Родился он в станице Крымской. Когда исполнился год, отец забрал их с матерью в Москву. Квартиры не было, и семья ютилась в мужском общежитии фурнитурного завода. Отец отгородил фанерой угол, и в этом закутке прожили шесть лет. Мать по приезду в столицу тяжело заболела. Врачи обнаружили абсцесс селезенки. В Первоградской больнице ее вырезали, и почти год она пролежала в реанимационном отделении. И все это время Гриша жил с ней в одной палате. Учился ходить в детском манеже. Левая нога постоянно была ведущей, а правая – волочилась, словно рачья клешня. Эта походка осталась у него на всю жизнь. Однажды зимой врачи забыли его раздетого у открытого окна и застудили. Он заболел, стал терять силы и вскоре не мог удержать в руках даже целлулоидную игрушку. Мама дни и ночи

плакала и молила Бога, чтобы помог ей подняться. То ли действительно Бог услышал ее, то ли организм молодой казачки сам поборол болезнь, но она встала.

Первое яркое воспоминание детства: всей семьей они едут в большой черной, пахнувшей бензином и лекарствами машине в профилакторий. Мама улыбается, кормит его клубникой. Он ест сладкие ароматные ягоды столько, сколько хочет, весь перемазавшись красноватым липким соком. Мать целует его в пахучие щеки и заливисто смеется. Машина остановилась в лесу. Он бегаёт по пестрой от цветов лужайке. Затем, устав, наблюдает, как внизу, под косогором, играет ветками плакучей ивы быстрая река.

В пять лет врачи обнаружили у Григория сколиоз, прописали лечебную физкультуру и плавание. Воспитатели детского сада выражали сомнение в том, что этот кривенький, затянутый в корсет мальчик сможет заниматься спортом наравне со своими сверстниками. Физическая неполноценность развила в нем болезненное самолюбие. Во всем: в играх, в спортивных занятиях, в учебе старался быть первым, мечтал прославиться, чтобы блеск этой славы заставил всех забыть о его недостатках.

После первого класса мать взяла его с собой в пионерлагерь Министерства речного флота, который располагался у канала имени Москвы. Детей редко водили купаться, а он плавал, сколько хотел. Зимой мать водила его в детскую спортивную школу. Три раза в неделю – бассейн. Один час – на общефизические упражнения и три часа – занятия в воде. Плавал брассом. Все попытки овладеть кролем заканчивались неудачей: ноги никак не хотели работать в такт рукам. Уже весной, выступая на первенстве школы, занял третье место среди сверстников.

На следующее лето его как перспективного пловца направили в спортлагерь в Эстонию. Распорядок дня был спартанский: подъем, физзарядка с пробежкой, завтрак, утренняя двухчасовая тренировка в бассейне, обед, вечерняя полутора часовая тренировка в бассейне. В воскресенье – свободное плавание. К концу лета выполнил первый юношеский разряд. Отжимался от пола 60 раз. Но и этого ему казалось мало. В следующее лето решил заняться в легкоатлетическом лагере пятиборьем, увлекся борьбой. Дворовое воспитание требовало проявления бойцовских качеств. Игры в «чижа», «слона», хоккейные баталии часто прерывались потасовками. В этих драках убедился, что уже ни в чем не уступает пацанам. А в плавании, нырянии на дальность равных ему не было.

В четвертом классе свалилась новая напасть: сразу запломбировали тринадцать зубов. Сказалось все: и наследственность, и то, что он инвалид, сын инвалидов. Отец вернулся с войны весь израненный, с расстроенными нервами. Но двое калек-родителей без особых условий, связей и педагогических способностей старались воспитать вундеркинда. Мать тыркала за каждую тройку, за каждую кляксу или неряшливо выполненное домашнее задание, похлеще армейского старшины карала за каждую оплошность. Забыл убрать учебники после занятий – выговор, не почистил после гуляния обувь – получил ботинками по спине. Суровое воспитание сделало его послушным ребенком, старательным и прилежным учеником. В его классе было много умственно отсталых детей, родители которых страдали алкоголизмом. На их фоне Григорий выгодно отличался великолепной памятью и прилежностью. Плохо давалось только чистописание. Отец считал, что сын должен стать столяром-краснодеревщиком, на худой конец, слесарем. Инженера никогда не считал за специалиста, поскольку тому на заводе платили 100 – 120 рублей, а малограмотному пьянице-станочнику, который мотал проволоку, – 200. У него была своя шкала ценностей, и по ней получалось, что нет смысла учиться в институте, чтобы потом считать копейки от зарплаты до зарплаты.

Когда учился в восьмом классе, на семью обрушилось еще одно несчастье – у отца случился инфаркт. Он долго пролежал в больнице, а когда выписался, ушел на пенсию по инвалидности: еще с войны страдал расстройством нервной системы, из-за постоянных головных болей раздражался по любому пустяку. В последнее время отец вообще стал жадным. На этой

почве в семье постоянно возникали скандалы. «Я совсем недавно купил десять коробков, – заходил он в истерике. – Еще и неделя не прошла, а уже двух нет! Вы их что, едите? Прикажете мне пенсию на одни спички тратить?».

Григорию хотелось побыстрее уйти из ставшего постылым дома куда глаза глядят. Такой случай вскоре подвернулся. К ним приехал погостить двоюродный брат Митяй. На нем была красивая курсантская форма десантника. Он с гордостью рассказывал, как учится, силу качает.

Григорий не удержался, предложил:

– Давай на руках поборемся.

От постоянных тренировок его длинные мосластые руки стали словно железные, и брат продержался секунд двадцать.

– У, силища-то какая у тебя страшная! – удивился он и тут же предложил: – Давай к нам в училище, не пожалеешь. Получишь офицерское звание и гражданскую специальность. Не надо думать, где жить, что есть.

Он поехал поступать в училище, хотя это была иллюзорная свобода казармы с расписанным по часам и минутам распорядком дня. Дисциплины он не страшился – к ней был приучен с детства. Вступительные экзамены сдал легко и так же успешно постигал военную науку. Потому перед выпуском его назначили старшиной первокурсников. Офицерская служба тоже складывалась удачно. А командировка на войну все перевернула, и четко видевшееся офицерское будущее затянуло непроглядной мутью.

Глава 3. БОЛЬ ОТЧУЖДЕНИЯ

Утром генерал-лейтенант Попов вылетел в Джелалабад, прихватив с собой Бокова. Поселился он в двухэтажном особняке с бассейном и фруктовым садом на территории 66-й мотострелковой бригады. Операция под Нарангом продолжалась, и генерал решил руководить ею в более комфортных условиях. На этом настаивало и войсковое начальство, убеждая, что в пограничном батальоне трудно гарантировать его безопасность. Вечером, когда стихла дневная кутерьма, он вспомнил о Бокове, вызвал к себе. Тот появился незамедлительно.

– Давай, присаживайся и расскажи о вашем выходе еще раз.

Григорий добросовестно, почти слово в слово повторил то, о чем говорил накануне. Генерал слушал и утверждался в мысли, что этому капитану в спецназе не место. Он перебил рассказ, не скрывая раздражения, спросил:

– На горе раненых еще не было?

– Нет.

– Патронов много?

– Достаточно, – неопределенно ответил Григорий, не понимая, куда клонит генерал.

– Больно уж вы торопливые драпать. Вот и поплатились за свою торопливость. Чего было лететь, сломя голову? Обождали бы до ночи и вернулись все целы. Конечно, можешь сказать: легко рассуждать и советовать, сидя на вилле с бассейном. Так вот, я войну комиссаром батальона начинал. А в бою, знаешь, какое первое комиссарское дело? Прежде всех под пули встать. И у коммунистов это было главное партийное поручение. Потому у меня вместо конспектов по политзанятиям карманы были набиты трофейным оружием. Из правого торчала рукоятка немецкого парабеллума, в левом – восьмизарядный маузер и свой «ТТ» в кобуре. Попал я как-то в сходную с твоей ситуацией. Немцы вышли на нас из соснового бора цепью, не стреляют. И мы лежим тихо. А потом метров с двухсот как ударим шквальным огнем – не выдержали гансы, кинулись назад. Я тогда, как полагается, первым встаю из окопа с криком: «За мной!». Бегу, не оборачиваясь. Слышу: сзади бойцы сопят, солома шуршит. Но когда добежали до сосняка, человек двенадцать насчитал. И тут немцы начали строчить по нам из окопа. Решил: будь что будет! Закидали мы их гранатами. Двух фрицев застрелил из пистолета лично. Окоп мы взяли, а что дальше делать – не знаю. Бежать в лес с горсткой людей бессмысленно, и окоп бросать жалко. Решил ждать подкрепления. Пересчитали боеприпасы. Не густо – две гранаты и по три патрона на винтовку. Кинулись обыскивать убитых. Подобрали винтовки, два автомата и еще два ящика гранат нашли. Они у немцев гладкие были, легкие, похожие на гусиные яйца, только стального цвета. Отвернул головку, дернул за шнур и бросай. По принципу теперешних сигнальных ракет устроены. Показал бойцам, как этим добром пользоваться, потренировал их. Ждем, когда же свои подойдут. А их все нет и нет. Послал одного солдата доложить комбату, что мы окоп захватили, а его тут же снайперы подстрелили. Понял тогда, что окружены. Заняли мы круговую оборону и ждем, чем все кончится. Решил до темноты посидеть, а потом уже к своим отходить. А тут немцы захотели окопы отбить. Врезали по нам из минометов и пошли в атаку. Слышу, орут: «Русс Иван, сдавайся! Ты окружен». Часто так повторяют, как заклинание. Когда подошли близко, влупили мы со всех стволов. Потом их же гранаты начал кидать. Бойцы тоже не оробели и отбили мы эту атаку. Они убитого оставили. А у него тридцатидвухзарядный «шмайсер» в руках. Пополз, забрал автомат, два рожка. Все посolidнее, чем пистолеты.

Немцы поднакопили силенок и снова на нас полезли. Когда мы и эту атаку отбили, патронов совсем не оставалось. У меня только в нагрудном кармане заряженный браунинг, итальянский. Но это уже так, на крайний случай. Ночью выползли к своим. Потом правая рука в плече еще неделю болела, так «яиц» накидался. Вот какое было дело. То ж немцы – завоеватели

Европы. И все равно мы их побили. А вы с безграмотными крестьянами в галошах справиться не можете... Если б мы днем побежали к своим, то снайперы по одному нас перещелкали. А так вернулись целыми и невредимыми. А вы столько трупов наделали.

Заканчивая разговор, генерал добавил:

– Вопрос о снятии вас с должности уже решен. Закончится операция и будет издан приказ.

Слова генерала, словно обухом, били по голове. «Да за что же снимать? Я же не совершил подлость или преступление, не убежал с поля боя. Как мог я знать, отходя последним, что погибнут те, которые побежали первыми? В чем моя вина?»

Но задавать эти вопросы не стал, понимая, что стену отчуждения, которая возникла между ними, не сломать...

Приказ о снятии Бокова с должности писал офицер разведотдела армии подполковник Павлов под диктовку генерал-майора Кульчицкого. В кабинет комбата заносили закуску, выпивку, а Григорий стоял под дверью с безучастным видом, словно одеревеневший, ждал своей участи. Часа через два из кабинета начали доноситься громкие пьяные голоса, но он их не слышал, подавленный своими грустными мыслями.

Вдруг дверь резко распахнулась. Из кабинета выскочил красный, распаренный духотой Зубов, зыркнул мутными от бессонницы глазами на Бокова:

– Знаешь что, ты не стой здесь, а иди к этим... и развлекай их сам. Сил уже нет смотреть на их пьяные морды. Какую-то овцу в батальоне увидели и пристали, чтобы отдал им на шашлык.

Зубов был трезв. Ни с начальством, ни с подчиненными он никогда не пил. Если и позволял себе расслабиться, то только с советниками, и то очень умеренно.

Григорий вошел в комнату. Была она довольно большой по афганским меркам, обставлена недорогой, но добротной мягкой мебелью. Для солидности Зубов поставил даже телевизор, который забрал из офицерского общежития. В нос шибанул густой запах спиртного и подгоревшего мяса. Июньская жара и жадность к дармовщине усугубили влияние алкоголя. Генерал остекленевшими глазами уставился на Григория.

– А, тот самый Боков, – наконец сообразил он, выслушав доклад. – М-м-м... труподел ты, Боков. Тебя на должность назначили, а ты не оправдал. Нет, не оправдал. М-м-м... вот я тебя и сниму...

Мелковатый подполковник Павлов уже плохо владел своим телом. Он оперся руками о стол, встал и, роняя слюну, прогундосил:

– Давай, волоки нам овцу.

– Я не знаю, где вы ее увидели.

– Ты мне, капитан, задом тут не крути... Не знаешь, пойдем, покажу.

Павлов встал из-за стола, и его мотнуло в сторону. Григорий едва успел подхватить его. Так, в обнимку, они вышли на улицу, словно добрые друзья. Только разговор у них был далеко не дружественный.

– Ты, Боков, хочешь вину на взводного взвалить, вылезти сухим из воды, – наставлял его подполковник. – Не получится! Люди погибли? Погибли! Значит, должен за это ответить. Готовься к сдаче должности.

Логика была проста и понятна. Кого-то все равно нужно было назначить крайним в этой трагической истории и наказать. Иначе обвинят в попустительстве и накажут самого генерала Кульчицкого. А это ему было совсем ни к чему.

Возле кухни Григорий увидел овец. Их привезли с боевого выхода в качестве трофеев.

– Вот этого красавца берем, – сказал Павлов

Расставив широко руки и, пошатываясь, он начал подходить к ягненку. Тот в последний миг отскочил в сторону, и Павлов рухнул на землю, расплющивая коленями и ладонями черные кругляши помета.

– Ух, ты, шустряк! Все равно поймаю, – пригрозил он.

Григорий словил приглянувшегося подполковнику барашка. Тот с вожденной улыбкой взял его на руки, прижал, словно ребенка, к груди и в приливе пьяной нежности начал целовать перепуганную сопливую морду, приговаривая:

– Эх, барашка-дурашка, говорил тебе: от меня не убежишь.

Так, в обнимку с животным, под смешки спецназовцев Павлова погрузили в узик и повезли к самолету с проектом приказа о снятии Бокова с должности.

После проводов начальства Григорий вернулся в штабную комнату. Она располагалась рядом с комнатой дежурного по батальону и полевым коммутатором телефонной связи на десять абонентов. Кроме сейфа и стола с телефоном в ней помещались две двухъярусные солдатские койки. Эта клетушка служила офицерам и штабом, и спальней, и столовой. Телефон трезвонил постоянно. Независимо от времени суток здесь толпились офицеры и солдаты. Бетонный пол был покрыт толстым слоем пыли. Утром и вечером дневальные подметали его, но следы уборки быстро исчезали под следами грязных ботинок. Единственной отградой был кондиционер, который использовали и как холодильник. На приделанной снизу полочке под струями холодного воздуха остывали бутылки с соком и водой. Григорий взял одну, откупорил ее и осушил одним махом. Не обращая внимания на присутствующих, разулся и полез на второй ярус, лег, не раздеваясь.

Капитан Чичакин догадался, что сейчас творилось у него на душе, участливо сказал:

– Гриша, да не казись ты. Комбат на тебя бочку катит потому, что боится, как бы ему самому не дали коленкой под зад.

– Мне что, Паша, обидно, – вскинулся Григорий, – разговаривают со мной так, вроде я через раненого переступил и убежал или партбилет порвал. Почему из меня преступника делают?

– Какой из тебя преступник! – улыбнулся Чичакин. – Я же своими глазами видел, в каком состоянии ты с гор спустился. Хорошо, что хоть сам жив остался. Ты, наверное, не знаешь, какая у наших соседей-дэшэбээровцев беда стряслась? В самое пекло приказали комбату занять высоту. Люди шли в касках, бронежилетах. Пока на гребень поднялись, десять человек умерли от теплового удара. Я видел, как обезумевшие от жажды солдаты бежали к реке, бросая оружие, вещмешки. Ужасная картина! Сорок человек получили тепловой удар первой степени и госпитализированы. Мы шли без касок, бронежилетов и то двух потеряли. Сейчас нагнали врачей из окружного госпиталя, прокуратура работает, выясняет правомерность действий должностных лиц. Но людей-то уже не вернуть.

Григорий приподнялся с койки, не веря своим ушам.

– Вот так сходил за дэшэка! – ужаснулся он, поняв, что, пусть и косвенно, стал причиной многих бед.

– А у меня вообще анекдотичная ситуация получилась, – грустно улыбнулся Чичакин. – Поднялся ночью со взводом второй роты на хребет. Залегли в цепь, дремлем. Вдруг слышу чужую речь. Приподнялся и обмер: рядом с нами на обратном скате «духи» лежат, человек восемьдесят. Чай пьют. У меня вдруг с перепугу голос пропал. Только и смог просипеть: «Духи!» Тихонько-тихонько отползли.

– А чего не атаковал, пока они чаи гоняли? – удивился Григорий.

– Двадцатью на восемьдесят кидаться? – хмыкнул замполит. – Вообще-то можно, но что потом получится. Надо же учитывать боевой дух запуганных потерями наших солдат. Швырнуть пяток гранат – не проблема. Но кунарские «духи» хорошо обучены. Их на испуг не возь-

мешь. Они сразу сообразят, что к чему. А зачем зря солдатами рисковать? Их и так уже столько положили за неделю.

Утром на построении Зубов прочитал офицерам приказ командарма:

– За самоустранение от руководства боем, повлекшее тяжелые последствия, капитана Бокова от занимаемой должности отстранить и назначить с понижением в мотострелковые войска.

Григорий молчал, и только глаза его пронзительно кричали: «Не самоустранялся я от руководства боем!» Но никто не слышал этого крика души.

После построения он подошел к Зубову, сказал с мольбой:

– Товарищ майор, я готов ротой, взводом командовать, только пусть меня не выгоняют из спецназа!

– А кому вы здесь нужны? – зло оборвал его комбат. – Единственное, что я могу посоветовать: держитесь подальше от личного состава. Тем, что пытаетесь снять с себя вину и переложить ее на взводного, вы уронили себя в глазах подчиненных. Вам не место в спецназе!

Эти слова погасили последнюю надежду. Григорий вернулся в свою комнату, сел за стол и, словно окаменевший, просидел неподвижно до глубокой ночи. Он прокручивал события последних дней и силился понять: в чем же оплошал? Вокруг суетились командиры и солдаты, ставшие с этого дня чужими. «Лучше застрелиться, чем терпеть такой позор! – обожгла мысль. – А что ты докажешь такой смертью? Зубов будет злорадствовать, а Попов и знать не будет о твоей кончине. Тебя никто не поймет. Люди из последних сил цепляются за жизнь, а ты хочешь добровольно расстаться с ней. Трусоватое решение!»

Боков ждал сменщика. После трудной, но милой сердцу службы в разведке новое перемещение виделось ему пресным, не требующим той самоотдачи, с которой привык работать. Особенно тяжело было ночью. Лежал с открытыми глазами, уставившись в грязный потолок, и на этом экране видел один и тот же кошмарный сон наяву: терзаемый жаждой, он мечется под душманскими пулями. Разъяренное лицо и перекошенный злобным рыком рот Зубова. Обугленные, скрюченные огнем тела погибших. Косые взгляды сослуживцев, от которых он не мог скрыться даже в этой каморке. Со страхом думал, что уже никогда не прекратится нагромождение этих жутких повторов. Долго не засыпал. Мостил тяжелую, словно от угара, голову на потные руки и не мог расслабиться. Жгла тело простыня, и он крутился, скрипел металлической сеткой, скручивая в жгут постельное белье. Только к утру забывался тяжелым омутовым сном. Затем просыпался и со страхом ждал приближения следующей ночи. Мучившая прежде жажда постепенно заглохла, но все больше нарастала и мучила душу жажда справедливости. До боли хотелось смыть грязь обвинений, которой его вымазали в эти последние дни. Но как это сделать – не знал. Ему казалось, что приказ командарма перерезал жизненную пуповину, которая связывала его с батальоном.

В этой раздвоенности мыслей и чувств, спора с самим собой пришло неожиданное решение, разбередившее душу: «Стоп, Гриша! Так не пойдет! Ты же всегда дрался до конца! Почему теперь сложил руки и сидишь, мучаешься бездельем? Пока нового начштаба не назначили – иди, делай свою работу».

Он соскочил с кровати, подошел к кондиционеру, взял с полочки бутылку сока, допил остатки и поставил ее на подоконник, нечаянно задев беленький мешочек. Вдруг из него раздался гомерический смех:

– Хо-хо-хо! Ха-ха-ха! Хэ-хэ-хэ!

От скрипучего дьявольского хохота по коже пробежал мороз. Но вскоре он выдавил на лице Григория растерянную улыбку. Ему показалось, что спрятавшийся в мешочке чертенок забавляется над его дурацким положением. «Кто же притащил игрушку? – подумал он. – Точно, замполит! Молодец! А вообще, что стряслось такое непоправимое, что я раскис? Жив, здоров. Вот и иди, делом доказывай, что ты не тот, за кого тебя принимают». Это, простое

на первый взгляд, решение вернуло ему бодрость, ясность мыслей, зажгло тоненький лучик надежды.

Глава 4. РЕАБИЛИТАЦИЯ

Утром Боков стал в строю батальона и ощутил на себе любопытные взгляды. Но никто его ни о чем не спрашивал. Зубов сделал вид, что не заметил бывшего начштаба, и никаких задач ему не поставил. Боков после развода решил обойти все объекты, за которые раньше отвечал.

Спецназовцы поначалу базировались на территории мотострелковой бригады, но комбат не ужился с командованием и с помощью советников выпросил у местных властей пустовавшие склады консервного завода. Перед майскими праздниками батальон перешел туда. Однако с самостоятельностью появилась и масса проблем. Перво-наперво – ограждение территории. Боков вспомнил бытовавшую в Союзе практику солдатских заработков, отправлял на афганский бетонный завод солдат. Вечером они привозили в батальон пятнадцать столбов. Вторая строительная бригада вкапывала их по периметру, крепила к ним колючую проволоку. Саперы расставляли комплекты малозаметных препятствий, сигнальные противопехотные мины, оборудовали окопы и блиндажи для боевого охранения. Своими силами за неделю был выстроен и караульный городок.

Самым трудным делом оказалось наладить бесперебойную связь. Радио станция из-за перегрева часто выходила из строя. Воздушная линия то и дело рвалась. Решили прорыть канаву для кабеля. Григорий взял свои две тельняшки, форму «песочку», две бутылки «Столичной» и пошел на поклон к строителям. Вернулся в батальон на экскаваторе «Беларусь», но афганская земля оказалась ему не по зубам. Он часто ломался, и стало ясно – копать придется вручную. Сам рыл траншею часа два, чтобы определить норму выработки. Вот теперь решил сходить, посмотреть, что там делается.

Копать должна была вся первая рота, но в земле неохотно ковырялись человек двадцать. Чуть поодаль от подчиненных с книжкой в руках сидел на валуне Щебнев. Заметив Бокова, он нехотя поднялся, пошел навстречу, не зная, что ему делать: докладывать или просто поздороваться. Григорий понял его настроение, улыбнулся:

– Здравствуй, Вадим. Как дела?

– Плохи наши дела. Грунт тяжелый, жарюка донимает.

– Но траншею вырыть все равно надо, – сказал Григорий, поднял валявшийся на бруствере траншеи лом, играючи перебросил его с ладони в ладонь, шутливо добавил: – Эх, давно не брал я в руки шашки. А ну-ка, гвардеец, подвинься маленько, дай капитану поразмяться...

– Х-х-хэ! – вогнал острие в суглинок, отвалил кусок. – Х-хэ! – ударил еще раз, обкапывая торчащий из земли, словно клык, камень, поддел его ломом снизу и отбросил глыбу в сторону. Взял лопату, вычистил раскрошившуюся землю.

С появлением Бокова работа на траншее оживилась. Щебневу стало неудобно отсиживаться с книгой, и он тоже взялся за лопату. Через полчаса Григорий остановился передохнуть. Он взмок от жары, в горле першило, а наступившая слабость свидетельствовала, что он еще не совсем оправился от теплового удара. Но не хотелось возвращаться в штаб, в свою опостылевшую каморку. Передохнув, снова принялся за работу.

Очередной перерыв сделал, когда закурил Щебнев, подсел к нему на валун, сказал:

– Не дает мне покоя тот наш боевой выход... Все как-то бестолково получилось. Сначала все на тебя валил, а сегодня ночью лежал, думал и пришел к выводу: сам во всем виноват...

– Нет-нет, что вы, – запротестовал Щебнев. – Это я дурака сваял... За пулеметом мы полезли зря. Без разведки, не зная реальной обстановки... Я предчувствовал, что плохо кончится. Но тоже хотелось трофеев заполучить... Мне почему-то кажется, что наших вертолетчики накрыли. Всех нашли в одной вымоине, с оружием. «Духи» бы его обязательно забрали. Они такой шанс не упустят...

– Что!? – удивленно воскликнул Григорий. – Когда? Это когда я летал?

– Все может быть, – уклончиво ответил Щебнев. – Что сейчас гадать. Мертвых все равно не воскресишь.

Несмотря на жару, Бокова прошиб холодный пот. Неужели это он, летевший спасать, принес смерть? «Не может быть! Этого не может быть!» – повторял он про себя, потом молча встал, пошел к траншее, с остервенением взялся за работу.

Вечером зашел к комбату, сказал, не скрывая раздражения:

– Товарищ майор, я не знаю, может, вмешиваюсь не в свое дело: канаву должна копать вся первая рота, а там и взвода не было.

Зубов поначалу не мог взять в толк, чего хочет от него бывший начшта ба. А когда понял, вызвал к себе командира роты старшего лейтенанта Тураева. Тот выслушал упреки комбата, затем заявил:

– Товарищ майор, норма, которую установил капитан Боков, не выполняю. Сплошной камень. Солдаты посбивали руки в кровь.

– Говорите, невыполнима? – не удержался Григорий. – Я лично сегодня выкопал пять метров траншеи и, как видите, не умер. А у вас офицеры стесняются взяться за лопату, сержанты на них смотрят и тоже работу только имитируют. Если так продолжать, то батальон еще долго будет без надежной связи.

– Значит так, товарищ старший лейтенант, – прервал их спор Зубов. – Сейчас постройте всю роту, выгоните из парка два бронетранспортера и под их охраной будете работать до тех пор, пока не сделаете норму! – А Григорию сказал: – Зайдите к начальнику штаба мотострелковой бри-гады. Он хочет с вами поговорить.

Боков был приятно удивлен, когда подполковник Рогов без обиняков сказал:

– Григорий, я знаю о твоих неприятностях. Давно к тебе присматриваюсь. Нравится, как ты работаешь, как организована служба в батальоне. Видел, как ты сегодня ломом махал, хотя и отстранен от должности. Мне нужен заместитель по службе войск. Правда, должность – капитанская, но обещаю: как только появится что-нибудь получше – сразу назначим.

Бокову хотя и польстили эти слова – в последние дни ему все больше приходилось слышать обвинения в свой адрес, но в нем заговорило чувство собственного достоинства:

– Спасибо, товарищ подполковник, за высокую оценку моего труда, но принять ваше предложение не могу: считаю себя прирожденным командиром. Штабная работа не по мне. Говорю вам честно, как есть.

Тот пристально с уважением посмотрел на Бокова:

– Хорошо, понял. Все равно перетяну тебя в нашу бригаду. Посиди-ка тут немного.

Он вышел и вскоре вернулся несколько возбужденный:

– Пошли к комбригу, у него к тебе есть разговор.

Командир бригады с интересом посмотрел на капитана, о котором слышал много и хорошего, и плохого, спросил:

– Какое училище заканчивали?

Рязанское десантное.

– У нас тяжело ранили командира десантно-штурмового батальона. Согласны занять эту должность?

– Согласен, – не колеблясь, ответил Григорий, – только меня в Союз отправляют.

– Это я улажу, – успокоил его комбриг. – Пусть комбат напишет представление. Я ему сейчас позвоню.

Зубов в тот же вечер написал Бокову представление на новую должность. Характеризовал его как способного офицера, требовательного и грамотного командира, принципиального коммуниста, словно и не было всех злосчастий. Однако судьба уготовила Григорию новое испытание.

Дверь в штабную комнату резко распахнулась, и Зубов с порога крикнул:

– Щебнев ранен! Боков – быстро документы на вторую роту.

– Как ранен?! – вырвалось у Григория. Он только написал ему предписание на командира роты.

– Не задавайте дурацких вопросов! – оборвал его комбат.

Через два часа он улетел с подкреплением, а вскоре вышел на связь с батальоном и потребовал, чтобы Боков привел к кишлаку Сурубай резервную группу.

Только на рассвете добрался Григорий до кишлака. Первым увидел Тураева. Тот сидел на ободке командирского люка БМП и дремал, облокотившись на его крышку.

– Здравствуй, Муслим! – обрадовался ему Григорий. – Щебнев где?

– В госпиталь отправили.

– А как его ранило?

– Уже подходили к кишлаку, когда нас обстреляли с гор. Пуля попала в голову... Врач сказал, что он выкарабкается.

В кишлаке громыхал бой. Десантно-штурмовой батальон и танкисты мотострелковой бригады били прямой наводкой из пушек и пулеметов по дувалам, словно хотели сровнять его с землей.

Зубов подъехал к колонне на запыленном бээрдээме, крикнул Бокову:

– Сейчас поедем брать склад.

– Где это?

– Далеко, отсюда не видно. Я сам поведу колонну.

Через час над ней пролетел самолет-ретранслятор Ан-26, который командование округа использовало для связи с войсками. Со штаба армии начали через каждые десять минут запрашивать о местонахождении батальона. Зубов сначала докладывал обстановку, затем ему это надоело, и он передал Григорию:

– Поддерживай связь с этими м... сам. Вроде мне здесь делать больше нечего.

Переполох в эфире был вызван тем, что с батальоном решил связаться командующий Туркестанским округом генерал-полковник Максимов. Понимая, как поднимает боевой дух солдат дружеское участие начальства, он взял себе за правило беседовать по радиотелефону из кабинета в Ташкенте непосредственно с командиром роты или взвода, сидящим высоко в афганских горах где-нибудь в окопе боевого охранения или участвующим в операции. В этот раз он решил побеседовать со спецназовцами.

Григория предупредили о важном корреспонденте, и вскоре сквозь шорох эфира до него донесся хриловатый голос:

– Как там у тебя дела, сынок?

– Все нормально, товарищ командующий.

– Где вы находитесь?

– Движемся колонной, примерно в пятнадцати километрах от кишлака Сурубай.

– А поточнее? Какие рядом кишлаки?

– Товарищ командующий, кончилась карта, и я не могу точно указать наше местоположение, – чистосердечно признался Григорий.

– Как, кончилась карта? – в голосе командующего появились стальные нотки. – В каком же направлении вы двигаетесь?

– Точно не знаю. Командир батальона сказал, что будем брать склад.

– А где комбат?

Он возглавляет колонну.

– Пусть войдет в связь.

Но как Григорий ни старался, дозваться Зубова не мог.

– Товарищ капитан, – тон у командующего был недовольный, – что же это у вас за управление такое: карты нет, где находитесь, не знаете. Еще влезете на свою голову. Передайте комбату мой приказ: возвращайтесь в батальон и ждите комиссию. У вас потому и потери, что командование никудышное.

– Есть! – упавшим голосом ответил Григорий, осознавая, что стал причиной очередных неприятностей. На душе вдруг стало пусто и гадко.

Как Боков и предполагал, комбат сидел на БРДМ, бросив шлемофон на сиденье, и грохот двигателя заглушал рацию.

Колонна вернулась в Сурубай к полудню. Кишлак догорал. Изредка, то тут, то там бухали танковые пушки, раздирали горячий воздух пулеметные очереди. Солдаты расстреливали домашний скот, выючных животных. Григорий возмутился – в нем вдруг проснулась заложенная в генах крестьянская рачительность. «Чем добру пропадать, так пусть лучше скот пойдет на кормежку солдатам». Два «Урала» съехали в вымоину. С десятков мулов, ишаков и овец загнали в кузов. Изрядно повозились с бурым быком. Костеря на чем свет бедное животное, солдаты все же затолкали его в кузов.

Основная колонна давно ушла в Джелалабад, а Боков медленно ехал в обозе, где волоком тащили «разутую» БМП. В пути бык вдруг сиганул через борт грузовика и задал стрекача. Но на голом плато укрыться ему было негде. «Урал» быстро нагнал животное, солдат набросил на его шею веревку для связывания пленных. Бык утихомирился, стоял, понурился лобастую голову с белой звездочкой посередине, тяжело поводя впалыми от бескормицы боками. Как его теперь заволочь в кузов – не представлял никто. Но расставаться с живым трофеем было жалко. Его обвязали веревками и с трудом втащили в кузов...

В батальоне их ждала комиссия – тринадцать полковников из штаба округа и армии. Зубов сразу сообразил, что дело пахнет жареным, заскочил на БРДМ с телохранителями и Рексом, крикнул на ходу:

– Боков, я поехал за развединформацией, а ты доложишь комиссии. Виноват в этой заварухе, сам и отдувайся.

У комбата было немало веских оснований для того, чтобы держаться подальше от проверяющих. Несмотря на его кипучую деятельность, дела в батальоне шли неважно. Взводы и роты день и ночь металась за призрачными тенями американских советников, которые вроде бы ходили вместе с мятежными отрядами. В этих метаниях подрывалась техника, гибли люди. Выходы практически не готовились.

Зубов раньше был политработником, прекрасным спортсменом и добился должности комбата тем, что умело организовывал показательные занятия по рукопашному бою для начальства и заезжих журналистов. Тактику он не знал и не любил. Был уверен, что вполне достаточно его героического примера, чтобы подчиненные тоже действовали героически. А в последние дни у него возникло подозрение, что причина всех неудач – предательство офицеров штаба армии. Говорил об этом подчиненным без тени сомнения и требовал от Бокова, чтобы тот давал в штаб заведомо ложную информацию о месте предстоящих боевых действий подразделений батальона. А тот вполне отчетливо представлял последствия неудачи: комбат снова открестится, как это случилось со злополучным походом за дэшэка, а он будет крайним. Отвечать за сумасбродство Зубова Григорий не хотел, и он напечатал кипу бланков документов. Как только комбат собирался в очередной поход, подсовывал их ему на подпись.

Вот эти-то документы и листали проверяющие. В поисках недостатков они вывернули батальон буквально наизнанку. Начальник разведки армии полковник Стеклов выговаривал Григорию:

– Почему вы не учите командиров организации взаимодействия? Занятия с командирами взводов и рот не проводятся. Зарубите себе на носу: начальник штаба – это работа не с бумагами, а с людьми.

– Я полностью с вами согласен, – ответил Григорий. – Но с людьми мне мешает работать одно обстоятельство: одиннадцатого июня командующий армией издал приказ о снятии меня с должности. А комбат прямо сказал, чтобы я к личному составу и близко не подходил, поскольку любой может послать меня на три буквы и будет прав. Такой вот приговор! Мне в конце концов тоже надоело находиться в подвешенном состоянии: вроде бы сняли с должности, а вроде бы и нет. Роль батальонного дурика, который за все отвечает, но ни с кого не имеет права потребовать, меня абсолютно не устраивает. Единственное, о чем я хочу вас попросить, – ускорьте мой перевод.

– Не торопитесь, товарищ капитан. Я говорил с людьми и думаю, что зря вам хвоста накрутили. С приказом нелепость получилась. Вас на должность назначил командующий округом, а снимает командующий армией. Это явное превышение полномочий, и прокуратура этот приказ аннулирует. Так что есть большая вероятность, что вы останетесь в батальоне.

– Спасибо, товарищ полковник, – вырвалось у Григория.

Из комиссии командующего больше всех задал работы кадровик. И фамилия у него была ему под стать – Крутов. Полковник помахал перед носом Григория книгой учета личного состава, которую тот к стыду своему ни разу не удосужился проверить, и с неприязнью спросил:

– Сколько человек в вашем батальоне?

– Шестьсот.

– Вот и в ней должно числиться столько же. А у вас десять тысяч. Целая дивизия. За семь лет ни одного человека из списков не вычеркнули. Немедленно устраните это безобразие!

Григорий тут же принялся за работу и благодаря книге обнаружил, что служить ему довелось в том самом «мусульманском» батальоне, который штурмовал дворец Амина.

Глава 5. ДРУЗЬЯ—СОПЕРНИКИ

В штабную комнату заглянул дежурный по батальону, сказал Бокову:

– Товарищ капитан, вас к телефону ЗАС.

– Кто?

– Майор Быстров, из разведотдела армии.

При упоминании этой фамилии Бокова словно током ударило. Именно Сергей Быстров, красавец курсант, с которым сдружился в училище, а затем служили вместе в Забайкалье, стал причиной крушения его семейного счастья, разрыва с женой. Заныла еще свежая сердечная рана. Но, сдерживая эмоции, сказал:

– Капитан Боков слушает.

– Сейчас я вылетаю к вам, – предупредил Быстров, – отправь машину на аэродром.

– Сделаем, – сухо ответил Григорий и аккуратно положил трубку.

Ему до мельчайших подробностей вспомнилось недавнее прошлое. Он с семьей жил в офицерской гостинице, перестроенной на скорую руку из солдатской казармы. Тонкими перегородками ее разделили на комнаты, двери которых выходили в узкий, длинный, тускло освещенный коридор. Умывальник оставили общий, а туалет разгородили на две половины и посчитали, что офицерский быт устроен. Бесквартирные лейтенанты, привычные к казарменной жизни, радовались и этой крыше над головой. Они дневали и ночевали на службе, а жены были предоставлены сами себе. Некоторые со скуки погуливали, и это быстро стало известно всем, кроме мужей. Григорий посмеивался над неудачниками, считал, что семейные неприятности случаются у людей неправильных, падких на чужое. Себя же таковым не считал. Но однажды он проснулся среди ночи и понял, что в постели один. Подумал, может, Надя на минутку вышла и быстро вернется. Но время шло, а она не появлялась. Зато возникло чувство тревоги. Тело начала бить нервная дрожь. «Ну, куда же она могла запропасться?» Торопливо оделся, путаясь в штанинах, вышел в коридор, заглянул на всякий случай в умывальную комнату, в туалет – никого. «Где может быть жена в четыре часа ночи? Что делать? Ходить, стучаться по комнатам и спрашивать: нет ли у вас случайно моей Нади? Глупо и унижительно». Он встал за дверь умывальной комнаты так, чтобы просматривался весь коридор, и наблюдал, откуда же она появится?

Случилось то, чего он меньше всего ожидал. Надя вышла из холостяцкой Быстрова, запахивая на ходу полы коротенького халатика, и прошмыгнула в свою комнату. «Вот так друг-соперник! – внутри у Григория все кипело. – Вот так верная жена! – Значит, решила с двумя мужиками спать?»

Он медленно вошел в комнату, включил свет, чужим от волнения голосом спросил:

– Где ты была?

– В туалете, – начала было Надя, но тут же осеклась. Она поняла, что муж искал ее, видел, откуда она вышла.

Григорий с негодованием посмотрел в ее бесстыжие глаза, хлестко ударил по пухлой щеке с ямочкой, которую так любил целовать, и на розовой коже сразу заалели следы пощечины. В ярости он еще несколько раз ударил, выкрикивая: «За мою загубленную первую любовь! За поруганную честь семьи! За сына, которого ты лишаешь отца!»

Надежда молча сносила побои. Соображая, как укротить разбушевавшегося мужа, крикнула первое, что пришло на ум:

– Меня Сергей просил разбудить!

Как ни странно, ложь подействовала. Занесенная для очередного удара рука безвольно опустилась, и уже без злости Григорий спросил:

– Почему тебя? Что, больше его будить некому?

– Он же наш друг! Как ты мог подумать такое! – перешла в атаку Надя.

Григорию очень хотелось верить в это спасительное вранье. Если согласиться с ним, то не придется разводиться с женой, которую любил. Развод – это пятно на биографии офицера спецназа и коммуниста. Ему стало стыдно за свою несдержанность, и он примирительно спросил:

– Так что же ты молчала?

– Так ты сразу руки распустил!

– Прости.

Чтобы загладить свою вину, он начал целовать ее в щеки, которые только что с ненавистью хлестал. Постель примирила их окончательно.

Но как ни старался Григорий выбросить увиденное из памяти, ничего не получалось. Закрывая глаза, он вновь видел Надежду, выбегающую из комнаты Быстрова, торопливо запахивающую на ходу халат. В одночасье исчезла радость безмятежной любви. Душа заболела подозрением в неверности. Только в служебной круговерти, в общении с подчиненными приходило успокоение, затихала душевная боль. Так все и тянулось. Наступили майские праздники. Стояло чудесное утро. Яркое солнце согрело землю, и она парила. После долгой зимы со свирепыми забайкальскими ветрами и метелями уже не верилось, что снова наступит весна. Григорий стоял на крыльце гостиницы, наслаждаясь солнечным теплом, полной грудью вдыхал пахнущий прелыми листьями и разогретой землей воздух. Из блаженного полубытья его вывел звонкий женский голос:

– Привет, землячок! С праздником! – ласково улыбнулась ему соседка по общежитию Людмила Козырь. Она тоже была родом из станицы Крымской. Ее муж, прапорщик, погиб нелепой смертью: его задавил обледеневший прицеп, в который жильцы сбрасывали мусор. Пытаясь подцепить его к машине, не смог удержать на скользком склоне и угодил под колеса.

– И тебя – с Первомаем! – ответил Григорий приветливо.

На ее веснушчатом лице вдруг заиграла вызывающая улыбка:

– Смотрю я на тебя, Гришка, и удивляюсь. Всем хорош мужик, да жену себе выбрал никудышную.

– Чем же тебе моя Надя не сподобилась? – настороженно спросил он.

– Твоя Надька – стерва. С Быстровым любовь крутит. Я сама видела, как она ночью к нему шастает. Да и днем не стыдится в его комнату заходить, когда тебя нет. Значит, твоего не хватает. Иначе чего бы это баба к чужому мужику приставала? В городке все об этом говорят. Я прекрасно слышала, как ты свою непутевую женушку колотил за поруганную любовь. Я тебе, Гриша, так скажу: если баба родилась потаскухой, как ты ее ни карауль, все равно не укараулишь. Обязательно в чужую постель вскочит, как вредная коза в соседский огород. На нее уже все пальцем тыкают. Своими ушами слышала, как комбриг как-то офицеров распекал: «Что вы на меня уставились, как на жену лейтенанта Бокова».

После этих слов Григорий уже не разбирал, что дальше говорила землячка. В голове нарастал шум, в котором грузно ворочалась тяжелая мысль: «Значит, не будить ходила Быстрова моя женушка, а в постель к нему! А я-то, дурак, уши развесил! Надо мной уже вся бригада смеется! Нет, хватит, выгоню к чертовой матери, чтоб духу ее поганого здесь не было». Пунцовая краска стыда, поначалу залившая лицо, сменилась бледностью. В глазах появился стальной блеск. Ноги сами понесли его к начальнику политотдела бригады. Подполковник Ребров вручал ему партийный билет, рекомендовал членам ротной комсомольской организации избрать его секретарем. Когда его помощник по комсомольской работе уезжал в отпуск или командировку – оставлял за него, и Григорий неплохо справлялся с поручениями. Буквально неделю назад, к дню рождения Ленина, принял в комсомол двадцать солдат.

Начальника политотдела Григорий отыскал в кабинете комбрига. На столе стояли початая бутылка коньяка, две рюмки. Судьба армейского начальства – и праздники проводить на рабо-

чем месте. Чаще всего в такие дни и случались ЧП, с которыми потом разбирались не один будний день.

По белому, как полотно, лицу Григория Ребров понял: что-то стряслось. Он тут же повел его к себе, усадил, пристально посмотрев в решительные глаза, сказал:

– Давай, выкладывай, что там у тебя?

– Товарищ подполковник, я только что говорил с Людой Козырь. Она сказала, что у моей жены с Быстровым роман и вся бригада об этом знает. Скажите честно: так это или нет?

– Скрывать не буду: ходят разные слухи.

Григорий вскочил, сказал в запальчивости:

– Товарищ подполковник, прошу вас, дайте машину, и я сейчас же отвезу ее на вокзал. Я так больше не могу жить.

– Подожди, Григорий, горячку пороть-то не надо. – Ребров понял, что пока ничего еще не случилось, и попытался смягчить назревающий конфликт: – На чужой роток не накинешь платок. А если эти разговоры и слухи яйца выеденного не стоят, тогда что? Начальник политотдела дал машину, чтобы отправить невинную женщину. Хороши же мы тогда будем. Давай так: пойдем сейчас к командиру, пригласим Козырь, пусть она при нас все повторит. Может, она специально наговаривает, чтобы мужика отбить. Такое ведь тоже бывает. Она же твоя ровесница.

Вскоре в кабинет командира пришла Людмила, вежливо поздоровалась, окатила Григория презрительным взглядом, сообразив, что из-за него ее и вызвали.

– Что ты Бокову наговорила, что ты видела? – набросился на нее Ребров.

– Ничего я не видела, – ответила она, поджав губы.

– Тогда прикуси свой язычок и не разбивай семью. Мы еще выясним, не ты ли сплетни по городку распускаешь, спокойно людям жить не даешь. – Обращаясь к Григорию, добавил: – Вот видишь, брехня все это. Так что успокойся и брось расстраиваться по пустякам.

Придя домой, Григорий быстро разделся и, сославшись на усталость, лег в постель. Но уснуть так и не смог. Все наплывали и наплывали воспоминания о прожитых совместно днях.

Надя долго красилась перед зеркалом, а потом подошла к нему:

– Гриша, пора вставать, нас в компанию пригласили.

– Иди одна, мне что-то не хочется. Заодно и за сыном присмотрю.

– Нет, одна я тоже не пойду. Вставай, одевайся.

Это не входило в ее планы. Дело в том, что Григорий не умел половинить рюмку, пил до дна, сколько бы ни наливали, плохо закусывал и очень быстро хмелел. Часто уже с середины вечеринки она уводила его домой, укладывала спать и потом уже без всякой опаски решала свои любовные дела. В этот раз в компании должен был быть и Быстров. Григорий сделал вид, что поддался на уговоры. Он надеялся, что это застолье, наконец, прояснит их отношения.

Компания собралась большая. Вперемешку сидели женатые и холостяки. Быстров подсел к Наде, и Григорий заметил, как они несколько раз перемигивались, как Надя заменила его рюмку на фужер и наполнила до краев водкой. «Нет, голуба, – подумал он, – сегодня у тебя ничего не получится». Когда выпили по первой за Первомай, незаметно заменил свой фужер на пустой и принялся за закуску. Вторую, третью рюмку тоже не пил и был награжден за терпение – потерявший бдительность Быстров по-свойски положил руку на бедро Надежде и погладил. Она игриво захихикала. Внутри Григория все взорвалось. Он поднялся и, сдерживая ярость, медленно произнес:

– Теперь у меня тост. Я тоже хочу выпить за светлый праздник трудящихся всего мира. Но для меня этот день памятен еще и тем, что я узнал неприятную новость: моя жена – гулящая. И спит она с Сергеем Быстровым, который считается мне другом.

Шум за столом мгновенно стих, все напряглись, ожидая развязки. У Быстрова вытянулось лицо и отвисла челюсть с недоеденной котлетой. Григорий выпил до дна, поставил рюмку, тут же взял со стола бутылку и хватил ею по голове своего соперника. Сергей успел отстраниться, и она, скользнув по волосам, ударилась о плечо, покатила по полу, расплескивая остатки водки. Женщины завизжали. Григорий намеревался еще хлестнуть по лицу жену, но его схватили за руки. Он стряхнул усмирителей, отскочил к стенке, выхватил из кармана финку:

– Ну-ка, освободите проход. Если кто прыгнет – припорю!

Он и сам не знал, зачем сунул в карман нож. Видимо, все-таки хотел свести счеты с любовником жены, хотя никогда драк сам не затевал. Но теперь речь шла о мужской чести. Не дожидаясь, когда офицеры расступятся, отработанным ударом саданул ногой по оконной раме, выпрыгнул в окно, раздирая одежду и кожу осколками стекла...

Ему простили эту выходку, а он простил Надю, и они еще почти год жили вместе. Но Григорию казалось, что каждый улыбающийся ему в лицо солдат за глаза смеется над ним. Часто замечал, как в веселой компании офицеры при его приближении меняли тему разговора, и это тоже больно задевало самолюбие. Но он продолжал любить свою жену и ничего с этим поделаться не мог. Тем более решиться на разрыв семейных отношений. И все же это произошло – 8 марта, в Международный женский день. Ох уж эти международные праздники!

Они уже получили благоустроенную квартиру в новом доме. Новоселы собрались отметить праздник, накрыли столы. Григорий пришел на вечеринку с гитарой, пел и плясал от души. Но вдруг заметил, что жены нет. Она куда-то исчезла и, судя по всему, давно. Понял, что это заметил не он один.

Настроение сразу испортилось. На всякий случай спросил у Козырь:

– Люда, не знаешь, куда моя половина запропастилась?

– Она за пластинкой пошла.

Дома жены не было. Тихо посапывал во сне Виталик, сбросив одеяльце.

Григорий заботливо укрыл сына, вернулся в компанию, подошел к Люде:

– Дома Нади нет. Куда она пошла?

Та сделала удивленное лицо:

– Не знаю. Может, у меня?

По всему было видно, что землячка не хочет говорить правду. Григорий ощутил комичность своего положения: обманутый муж мечется в поисках прелюбодействующей жены.

Он вышел на улицу, встал так, чтобы просматривались все четыре подъезда дома, и ждал, откуда она появится. Это напомнило ему прошлогоднюю ситуацию. Спустя час из подъезда, где жила Люда, вышел Быстров, а минут через десять появилась и Надя. Он перегородил ей дорогу:

– Где ты была?

Жена оторопела никак не ожидая встретить его здесь, и брякнула первое, что пришло на ум:

– Гриша, я потеряла ключи и не могла найти.

– Какие ключи? Квартира открыта, а тебя уже два часа нет. Совесть ты потеряла, а не ключи. Хватит! Мне надоела эта игра в кошки-мышки.

На следующий же день он поехал в райцентр подавать заявление на развод. Но в суде ему сказали, что дело будет рассматриваться не меньше года. Он не хотел видеть жену и отправил ее с сынишкой к своим родителям в Москву. Там и развелись.

Развела его судьба и с Быстровым. Друг-соперник уехал в Афганистан. А вскоре Григорию рассказали приключившуюся с ним неприятную историю. По прибытию в батальон спецназа Сергей загулял с новыми приятелями. Решили сходить в медсанбат к девчатам. Дежурный на КПП их завернул. Спьяну сиганули через забор. Сергей подорвался на своей же mine.

В ташкентском госпитале ему ампутировали левую ногу и отправили документы на увольнение. Но Быстров по заграничному паспорту и поддельному командировочному предписанию вернулся в Афганистан. Что мог делать командир роты с неуклюжим советским протезом вместо ноги? Мог сесть за штурвал боевой машины и прогнать ее по кругу, съездить на бронь в ночную вылазку. Но он сумел сделать главное – создал себе славу мужественного офицера спецназа, который на протезе воюет против душманов. Его начали сравнивать с Алексеем Маресьевым. Московский журналист, которому поручили написать очерк о новом настоящем человеке, в Афганистан ехать не стал. Он побывал в госпитале, поговорил с врачами и медсестрами, полистал документы, в которых значилось, что Быстров потерял ногу в стычке с мятежниками. Командование, чтобы спрятать концы в воду, ЧП списало на боевые потери. Журналистская страсть к обобщению сыграла с людьми злую шутку. Даже сам Быстров поверил в то, что лишился ноги в жестоком бою с душманами, и намекнул комбату: «А не пора ли делать меня героем?» Идея пришлась тому по душе, и вскоре по линии кадровых органов пошло представление на звание Героя Советского Союза. Однако вместо Золотой Звезды из Москвы пришел орден Красного Знамени и предписание убыть на Родину. Быстров напрочь отказался возвращаться в Союз, убедив начальство, что нужен армии. Его перевели в разведотдел, досрочно присвоили майорское звание, и он служил в штабе, пока не надумал поступать в академию. Там, видимо, сочли за честь, что у них будет учиться герой Афганистана. Вот Быстров перед отъездом в Москву решил проехаться по отрядам, собрать что у кого было на подарки будущему начальству.

Глава 6. ОПЕРАЦИЯ «ШАРП»

Через пыльное, давно немытое оконное стекло Боков увидел, как к зданию штаба подкатил уазик. Из машины вылез высокий майор и, опираясь на коричневую пластмассовую палку, стал медленно подниматься по ступенькам крыльца. Несмотря на разительную перемену, он узнал Быстрова, вышел ему навстречу, пожал протянутую руку.

– Здравствуй, Григорий, – в голосе Сергея послышались извиняющиеся нотки. На его все еще красивом лице заиграла обаятельная улыбка, которая вызывала не только любовь женщин, но и расположение друзей и начальников, выдавая добродушный, открытый характер. – Ты на меня за Надю зла не держи... Меня уже жизнь за нее наказала.

– Я и не держу, с чего ты взял, – ответил с деланным равнодушием Григорий. – Я потом узнал, что моя бывшая благоверная успевала за день, кроме нас, еще двух мужиков пропускать.

– Ну, а ты как тут живешь?

– Да хреново. С должности сняли и никак не определяют, куда меня деть.

– Знаю, Гриша, но ничем помочь не могу: приказ подписан, а кто против командарма поперет?

– Стеклов сказал, что его должны аннулировать: меня же на должность командующий округом назначал, он и снимать должен. Командарм не имеет права.

– Ладно, я сейчас с Зубовым поговорю, а потом мы все обмозгуем. У меня есть связи, надежные люди. Могут помочь.

У комбата Быстров пробыл недолго. Вскоре они оба зашли в штабную комнату. Зубов с кислым видом сказал:

– Отдай ему быка, которого привезли из Сурубая, и будешь сопровождать до Кабула. Тебе все равно лететь туда утверждать месячный план.

Он ушел, а Быстров, недоуменно пожимая плечами, удивленно сказал:

– Слушай, Гриша, у тебя комбат какой-то непонятливый. Мне же такая халява подвернулась: начальник тыла армии дал разрешение на бестаможенный провоз груза. Я с этой бумагой могу все что хочешь через границу протащить, а он заладил свое: «У меня ничего нет, ничего нет».

Гриша, может, ты что-нибудь подбросишь?

А что тебя интересует?

– Оружие трофейное есть?

Боков открыл сейф, достал из него маузер:

– Это подойдет?

– Конечно! Еще спрашиваешь, – загоревшиеся жадным блеском глаза Быстрова высматривали подходящую вещь: – А что это у тебя там блестит?

– Душманские ножи.

– Слушай, дай мне. Мне ножи во как нужны! – провел он ребром ладони по горлу. – Я начальнику курса пообещал. А ты себе еще достанешь. Дашь? – радостно бормотал Сергей, любуясь наборными рукоятками.

– Бери! Меня это барахло вообще не интересует. От прежнего начальника штаба осталось.

– Это ты зря, Гриша. Нож для мужика – самый лучший подарок. – Сергей улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой. – Я вижу, ты не понимаешь, что движитель служебного прогресса в армии – башляние. Мы ублажаем начальство подарками. А тебе надо делиться с офицерами штаба, если хочешь, чтобы служба шла гладко. Это жизнь. От нее не уйдешь. Я как решаю свои проблемы? Например, отвез начальнику разведки округа мумие и оказался в штабе армии. Так что учти на будущее.

Григория покорило от этих слов. Он был противником подобных подношений, считал их делом зазорным, недостойным. Порылся в углу, вытащил два карабина, шашку.

– Давай, Гриша. Вот это уже серьезно! – обрадовался Быстров, который сам любил одаривать и подобной щедрости ждал от других. – Мне надо еще магнитофон японский загнать. У тебя есть знакомые дуکانчики?

– Я еще в Джелалабаде толком не был, – смутился Григорий. – Один раз только проскочил через город, когда гнал колонну на боевой выход.

– Ну ладно, не беда. Сейчас подойдет машина, свожу тебя на экскурсию. Совсем из батальона не вылезает. А личные дела?

– Да какие тут личные дела. Текучка заедает.

Григорий предложение прокатиться в город принял неохотно. Коль срочно лететь в Кабул, значит, нужно немедленно писать месячный план боевых действий батальона. 25 числа каждого месяца его утверждали в разведотделе армии. Прихватив карту зоны ответственности батальона и писаря, он летел в Кабул, докладывал о каждом предполагаемом боевом выходе: какая рота или взвод, в какой день и куда собираются идти, при всем при том, что ни в батальоне, ни в штабе армии никто толком не знал, что будут делать завтра. Тем не менее планы регулярно писались, их с умным видом обсуждали, заставляли устранять недостатки, ругали за ошибки, и никто всерьез не задумывался о бесполезности подобного занятия на войне, которая постоянно вносила коррективы в армейскую жизнь.

Автомобиль вскоре подъехал, и через десять минут они оказались уже в центре города. Григорий с интересом рассматривал неширокую улицу, застроенную двухэтажными зданиями. Первые этажи занимали дуکانы. С правой стороны в основном торговали вещами и промышленным товаром, а на левой, прямо на улице, варили плов, жарили шашлык, продавали овощи и фрукты. Тут же размещались мастерские, где ремесленный люд шил, чеканил, лепил горшки и другую посуду. На вторых этажах домов, как правило, жили сами торговцы, ремесленники, хозяева лавчонок, владельцы дуکانов и мастерских.

В этом шумном и многолюдном торжище Быстров был словно в родной стихии. Поскрипывая протезом, ходил от дуکانа к дукану, отчаянно торгуясь с их владельцами. Ему сказали, что в Джелалабаде японский «Шарп» можно продать за 15 тысяч афгани, а давали только тринадцать. Он не уступал ни афгани, хотя сам приобрел магнитофон в военторге за половину той цены, которую запрашивал.

– Понимаешь, Гриша, – пояснил он, – если сдам маг за две цены, а потом поменяю афгани у советников по курсу один к двенадцати на чеки, тогда смогу купить двухкассетник.

Григорий тащился за ним с десантной сумкой и прятал лицо от знакомых офицеров, которые пришли не продавать, а покупать. Душу жег горький стыд. Свой первый и последний торговый опыт он получил в станице Крымской, когда после третьего класса приехал к родителям матери на летние каникулы. В тот год выдался прекрасный урожай слив. Ветки деревьев ломались от желтого налива, ароматного, сладкого, как сахар.

Изголодавшийся в Москве по фруктам, он ел их до отвала.

Как-то бабушка разбудила пораньше:

– Вставай, Гришуня, поможешь мне донести сливы к поезду. Может, курортники купят.

Его тогда словно током ударило. «Он, пионер, будет торгашом. Да никогда!» Но, поостыв, решил, что только довезет, а там пусть бабушка сама их продает.

Нарвали четыре ведра с горкой. Сливы были одна к одной, желтые, упругие, с пылью. Был уверен, что такой товар не залежится. До станции ехали автобусом. На каждой остановке его штурмовали пассажиры с ведрами, наполненными такими же янтарными упругими сливами, и это начало тревожить. А когда вышел на перрон – остолбенел: вдоль здания вокзала на асфальте выстроились шеренги продавцов с ведрами слив.

Когда подошел московский поезд, Григорий решил схитрить – полез с ведрами в вагон. Там было до одури душно. Воняло туалетом, горелым углем и человеческим потом. Никто не спрашивал слив, а он стеснялся предлагать свой товар, молча шел с тяжелыми ведрами. С трудом протиснувшись сквозь узкие боковые двери, перешел в следующий. Здесь тоже не нашлось покупателей.

– Мальчик, выходи! – грозно крикнула проводница. – Поезд отправляется.

Он слез по крутой лесенке, еле сдерживая слезы. Сквозь их радужную пелену увидел, что на перроне осталось еще много таких же неудачников.

Стали дожидаться следующего поезда. Он подошел через два часа, пыльный, пышущий жаром разогретого железа. Гриша в этот раз действовал смелее, тащил по вагонам тяжелые ведра и выкрикивал срывающимся голосом:

– Сливы! Кому сливы!

– Почему, мальчик? – поинтересовалась толстая женщина в спортивном трико и мятой белой кофточке.

– Рубль пятьдесят ведро, – обрадовался он.

– Давай два ведра за полтора рубля.

Берите, – выдохнул он с болью.

Со смешанным чувством горечи и облегчения высыпал сливы в большую картонную коробку. Таких коробок под столом было много.

Только к вечеру продали оставшиеся ведра: одно – за 80, а другое – за 50 копеек. Скаредный мужик все сбивал и сбивал цену. Ему казалось, что и полтинник за ведро – это очень много.

Домой добрались поздно. Гриша уснул как убитый после дневных хлопот, а утром бабушка снова разбудила пораньше. Они нарвали слив и поехали на вокзал, надеясь, что в этот раз им повезет больше. Но вышло все наоборот: два ведра удалось продать по рублю, а два высыпали возле туалета, чтобы не тащить их обратно домой. За два дня тяжелых трудов и унижительных просьб они выручили на двоих 4 рубля 80 копеек.

И вот спустя два десятка лет он снова оказался в роли торговца. Только теперь на нем были не коротенькие штанишки, а форма офицера Советской Армии, для которого считал подобное занятие унижительным. От запаха шашлыка текли слюнки, но он забыл взять деньги, а Быстрову было жалко тратить афгани на еду. Он шустро ковылял на протезе по пыльному тротуару, не теряя надежды выгодно продать магнитофон.

Наконец добрались до последнего дукана. Невысокий сухощавый афганец засуетился, расхваливая свой товар. Но узнав о цели визита, вдруг преобразился в надменного, знающего цену и себе, и товару покупателя.

– Двенадцать тысяч – больше не дам! – решительно сказал он.

Никакие уговоры не действовали, и незадачливые продавцы ушли ни с чем. На двухкасетник Быстров не добирал, а докладывать приличную сумму не хотел.

Операция «Шарп» закончилась неудачей. Теперь предстояла операция «Бык». Быстров решил устроить на прощание грандиозные проводы в штабе армии. Бык ему понадобился на закуску.

К готовящемуся к взлету самолету – ретранслятору Ан-26 по аэродрому потянулась примечательная процессия. Впереди шел солдат с подаренным Быстрову трофейным оружием, упрятым в мешок. За ним Григорий тащил на веревке быка, а поодаль, словно он не имел ничего общего с этой экзотической компанией, хромал Сергей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.